

НОВАЯ ПОЛЬША

№7-8₍₄₄₎

2003

ПОЛЯКИ ВЫБРАЛИ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Варшавский «Домик в Коломне»

Письмо профессора Здзеховского Льву Толстому

Вацлав Серошевский «Охота на рябчиков»

Стихи и песни Лешека Длугоша

БЕСЕДА С АНДЖЕЕМ ВАЙДОЙ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Poczta Polska
głównym
sponsorem
roku jubileuszowego BN

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 7-8(44)
2003
ИЮЛЬ-АВГУСТ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ПАМЯТИ ЗОФИИ ГЕРЦ 3

Виктор Кулерский
СВЕРШИЛОСЬ! 4

НАШИ ЛЮДИ
Магдалена Гроховская
А РЕКА МЕНЯЕТ ТЕЧЕНИЕ 7

Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ 17

Павел Яблонский
САМОЕ БЛИЖНЕЕ ДАЛЬНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ 24

Виктор Хорев
ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ 25

БЫЛА БЫ ИДЕЯ
Томаш Поткай
ГОЛОВОЙ ОБ СТЕНУ 32

Лешек Длугош
СТИХИ 36

Петр Мицнер
ЛЕШЕК ДЛУГОШ 36

Павел Хюлле
МЕРСЕДЕС-БЕНЦ 44

Лешек Шаруга
ТАЙНА ОПЫТА ИНИЦИАЦИИ 44

Марек Клецель 51
МАРИАН ЗДЗЕХОВСКИЙ О ПОЛЬШЕ И РОССИИ

Чеслав Милош 55
ЗДЗЕХОВСКИЙ

Чеслав Милош 57
РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЗДЗЕХОВСКОГО

Мариан Здзеховский 59
ПИСЬМО ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

Ежи Тимошевич 62
ВАРШАВСКИЙ «ДОМИК В КОЛОМНЕ»

КАЖДЫЙ ХРИСТИАНИН — МОЙ БРАТ 64
Беседа с братом Морисом

Гжегож Пшебинда 66
ПАВЕЛ ЕВДОКИМОВ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Ежи Федорович 70
ГОЛОС ИЗ НОВОЙ ГУТЫ

Анджей Боровский 71
«САРМАТИЯ» — ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Андрей Буровский 76
ПОЛЯК, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ КРАСНОЯРСК

Вацлав Серошевский 80
ОХОТА НА РЯБЧИКОВ

Рышард Матушевский 80
О ВАЦЛАВЕ СЕРОШЕВСКОМ

Тамара Монко-Эйгенберг 86
НЕМНОГО О ПОЛЬСКО-РУССКИХ
И РУССКО-ПОЛЬСКИХ СЛОВАРЯХ

Петр Мюльднер-Нецковский 91
ВНИМАНИЕ, ПЕРЕВОДЧИКИ И СТУДЕНТЫ!

Лешек Шаруга 95
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 98
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Катажина К. Гардзина 102
СОВРЕМЕННЫЙ ТАНЕЦ В ПОЛЬШЕ

Виктор Шелыгин 104
ТУРИЗМ В СТИЛЕ MILITARY

**О РОМАНЕ ПОЛЯНСКОМ, ФЕДОРЕ ДОСТОЕВСКОМ
И О СЧАСТЬЕ** 107
Беседа с Анджесем Вайдой

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Ключовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевичонков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевичонков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацлер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале
для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д. 15, кв. 49

тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

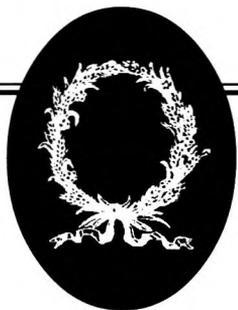
**BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА**

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Переводчики: А. Базилевский, А. Блишков, Н. Горбаневская,
О. Давиденко, Н. Кузнецов, М. Новиков, А. Ройтман,
С. Филипчак, С. Тонконогова, Е. Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 3, 7, 12, 15, 36, 109), Archiwum
(стр. 51, 81), Archiwum J. Timoszewicza (стр. 62), L. Palgan (стр.
64).

ПАМЯТИ ЗОФИИ ГЕРЦ

20 июня в больнице в Мезон-Лаффите под Парижем скончалась Зофья Герц, входившая в число основателей «Института литературного» (издательства парижской «Культуры»), с 2000 г. директор издательства и главный редактор «Зешитов хисторичных» («Исторических тетрадей»).

Зофья Герц родилась 27 февраля 1911 г. в Варшаве в семье Людвика Нойдинга и Хелены, урожденной Ожеховской. В 1928 г. получила аттестат зрелости лодзинской гуманитарной гимназии Р.Соболевской. Учебу на юридическом факультете Варшавского университета (1928-1933) сочетала с работой в нотариальной конторе Аполинаррия Карнавальского. В 1939 г. вышла замуж за Зигмунта Герца. В 1940 г. вместе с мужем оказалась во Львове, где в июне того же года оба были арестованы НКВД и этапированы в Мариинскую АССР. В сентябре 1941 г.,

после польско-советского договора («пакт Сикорского — Майского») и амнистии польским заключенным, вступила добровольцем в польскую армию, формировавшуюся в Бузулуке под командованием генерала Владислава Андерса и была направлена в отдел пропаганды и печати, а также в отдел, руководивший правосудием. В августе 1942 г. вместе с армией эвакуировалась в Иран, затем находилась в Ираке, Палестине и Египте. В марте 1943 г. начала сотрудничество с Ежи Гедройцем, который возглавлял отдел армейских изданий и периодики Польской армии на Востоке (ПАВ). В марте 1944 г. вместе с частями 2-го корпуса прибыла в Италию. В конце года была переведена в армейское бюро солдатских сбережений в Анконе. С ап-

реля 1945 до марта 1946 г. — в редакции «Дзенника АПВ» («Газеты ПАВ»). Войну закончила в звании старшего сержанта, но одновременно «пресс-офицера». В марте 1946 г. начала работу в только что созданном «Институте литературном». Была секретарем, бухгалтером, корректором, координировала

работу издательства, особенно когда Ежи Гедройц уезжал из Рима. Летом 1947 г. готовила переезд «Института литературного» в Париж. В ноябре 1947 г. вместе с мужем, а также Ежи Гедройцем и Юзефом Чапским поселилась в помещении издательства в Мезон-Лаффите под Парижем. В 1947-2000 гг. занималась правкой рукописей и корректурой, а также вела бухгалтерию (до конца издания «Культуры»). Переводила с французского, английского и итальянского. В 1962-1986 гг. вела в «Культуре» постоянную рубрику «Отечественный юмор». В 2000 г. была

награждена командорским крестом ордена «Polonia Restituta». Лауреат премии Польского ПЕН-Клуба 2000 года.

«Ее влияние на политику «Культуры» и на меня, — писал Ежи Гедройц о Зофье Герц в «Автобиографии в четыре руки», — было всегда огромным. У нее весьма здравый разум, и много раз она сумела удержать меня от (...) вовлечения в новые, рискованные предприятия; ее вмешательство не всегда было успешным, но несколько раз уберегло «Культуру» от серьезных глупостей. Умела она и устраивать многие дела благодаря способности к дружеским отношениям с людьми».

*Общество опеки над архивом
«Института литературного» в Польше*

О Зофье Герц можно прочитать в изданных по-польски книгах: Зигмунт Герц. Письма к Чеславу Милошу. 1952-1979. Выбрала и подготовила к печати Рената Горчинская. Париж, «Институт литературный», 1992; Ежи Гедройц. Автобиография в четыре руки. Подготовил к печати Кшиштоф Помян. Варшава, «Читальник», 1994; И.Хруслинская. Жила-была «Культура»... Беседы с Зофьей Герц. Варшава, Книгоизд-во МОСТ, 1994; А.Ст. Ковальчик. Гедройци «Культура», Вроцлав, Нижнесилезское изд-во, 1999.

Виктор Кулерский

СВЕРШИЛОСЬ!

Референдум 7-8 июня 2003 года

• Александр Квасневский, президент Польской Республики: «Свершилось великое дело. Поляки в самой демократической форме, путем общенародного референдума сказали «да» вступлению Польши в Европейский союз. Мы возвращаемся в великую европейскую семью. На то место, которое причитается Польше и полякам за тысячу лет истории и за великое мужество, проявленное ими в последние полтора десятка лет, когда менялся облик этой земли и европейского континента. Для Европы это решение — тоже благая весть. В европейские структуры входит большой, гордый и вынашивающий высокие замыслы народ — Польша с тысячелетними традициями и большими надеждами на будущее». (*«Газета wyborcza», 9 июня*)

• Пат Кокс, председатель Европейского парламента: «Добро пожаловать домой, на принадлежащее вам по праву место». (*«Газета wyborcza», 9 июня*)

• «Вначале все выглядело драматично. Всего 17,6% — примерную такую оценку явки в первый день референдума объявила в субботу Государственная избирательная комиссия. Это потрясло всех, даже противников интеграции. В Словакии и Литве в первый день проголосовали 25% имеющих право голоса, а ведь в конечном счете явка в Словакии еле-еле вышла за пределы 50%. Голосуя в воскресенье, министр по делам европейской интеграции Данута Хюбнер сказала, что не спала всю ночь, опасаясь за результаты. Ольгерд Лукашевич, председатель Союза польских актеров, в ужасе восклицал: «Видно, мы утратили гражданский инстинкт». (...) Примас Польши кардинал Юзеф Глемп, голосуя в Варшаве, напомнил, что это воскресенье — Пятидесятница, день Сошествия Святого Духа: «Надо молиться Духу Святому, чтобы Он просветил наши умы».

И, видно, просветил: с воскресного утра народ начал толпиться на избирательных участках. Около часу дня — первая порция оптимизма: неофициально явка оценивается примерно в 34%. В пять часов вечера — 45,2%. «Может, доползем...» — сказал сообщавший. В шесть — эйфория: 51,9%. Перескочили порог! Вечером Польское телевидение на основе данных Лаборатории общественных исследований оценило явку в 59,2%. Результат «за Евросоюз» внушителен — 79,1%» [окончательные цифры по данным Госизбиркома см. в «Хронике (некоторых) текущих событий»]. (*Павел Смоленский, «Газета wyborcza», 9 июня*)

• «В день Своего Сошествия Святой Дух просветил почти 60% поляков, и они приняли участие в референдуме. Больше всего по стране — в Варшаве, а в Варшаве — в районе Урсинов, где явка составила 76%». (*Эльжбета Исакевич, «Газета польская», 11 июня*)

• Романо Проди, председатель Европейской комиссии: «Намного более высокая явка, чем обычно на польских выборах, подтверждает, что граждане Польши вполне осознают исторический выбор, который они совершили. Это то, что я называю мудростью народа». (*«Газета wyborcza», 9 июня*)

• «Чтобы польский референдум был действительным, требовалось участие в нем 15 млн. граждан. Это почти столько же, сколько составляет сумма граждан Литвы, Латвии, Эстонии, Словакии, Словении, Мальты и Кипра — семи государств, как и мы, вступающих в Евросоюз. Ничего удивительного, что Европа затаила дыхание, когда в ночь с субботы на воскресенье оказалось, что проголосовала лишь седьмая часть имеющих право голоса. Если бы Польша сказала «нет»... Если бы явка не перевалила за эти магические 50%... (...) Мы входим в ЕС по-польски, в последний момент. Но зато — каков стиль! Здравствуй, Европа!» (*«Газета wyborcza», 9 июня*)

• Тадеуш Мазовецкий: «В суверенных условиях народ выразил желание вернуться к корням, от которых нас оторвали в 1945 году. На долгие 45 лет. Огромный перевес сказавших «да» — успех суверенного мышления. Ибо голосование проходило в условиях, когда наше правительство наименее

популярно за последние 13 лет. Поляки сумели отделить долгосрочные национальные интересы от краткосрочных интересов политиков той или иной партии. (...) Вне зависимости от политических кризисов Польша будет идти европейским путем». (*«Жечтосполита», 9 июня*)

• Проф. Ежи Шацкий: «Референдум (...) был событием уровня — не побоюсь сказать — крещения Польши. Вот только много ли людей живет в истории с заглавной буквы? Для многих ли это имеет значение? На июньских выборах 1989 г. [первых с участием оппозиции] решалось нечто великое, кончалась эпоха, и все-таки 40% наших соотечественников остались дома. Теперь повторилось буквально то же самое». (*«Газета wyborcza», 12 июня*)

• «4 июня 1989 г. первые свободные (хотя и не вполне демократические) выборы закрепили результаты «круглого стола» и мирную, постепенную передачу власти из рук коммунистов в руки тогдашней оппозиции под главенством «Солидарности». Было создано правительство Тадеуша Мазовецкого, которое провело самые радикальные, последовательные и, наконец, успешные в Европе XX века реформы. 14 лет спустя Польшу вводят в Европу премьер-министр и президент, которые за «круглым столом» сидели на стороне «старого режима». (...) Сторона «Солидарности» нынче маргинализуется, но в то же время может праздновать свою духовную победу над лагерем тогдашней власти. Его наследники строят свой облик не на ностальгии по ПНР, а на ценностях и целях, определенных людьми «Солидарности»». (*Клаус Бахман, «Жечтосполита», 14-15 июня*)

• Президент Александр Квасневский: «Этот референдум был выигран в результате большой, общей работы многих поляков. Его результаты — заслуга многих правительств, хоть, может быть, и не всех в равной мере». (*«Газета wyborcza», 9 июня*)

• Депутат Юзеф Олексы, председатель комиссии Сейма по европейским делам: «Эти результаты невероятно утешительны. Прежде всего утешительны для политических верхов, которые, возможно, чувствовали себя уже совершенно потерявшими авторитет. Тем временем появилась искорка надежды на то, что в какой-то степени верхушка способна повлиять на решения общества. Оказалось также, что люди обладают благоразумием, способным выбрать шансы и надежду». (*«Газета wyborcza», 9 июня*)

• Архиепископ Генрик Мушинский: «Огромное большинство верующих, идя голосовать, опиралось на авторитет Папы. Они не могли выработать свое мнение на основе противоречивых высказываний политиков и доверились человеку, который представляет для них необычайный моральный и религиозный авторитет, которого они считают величайшим поляком». (*«Газета wyborcza», 11 июня*)

• Павел Спевак, социолог: «Мы выбрали вступление [в ЕС], побуждаемые историческим опытом и знанием об экономических успехах Запада, и, наконец, потому что европейские нормы жизни для нас очевидны. Мы голосовали всем своим политическим опытом и обоснованным убеждением. Как писал Платон, нет такого расстроенного города, в котором не таился бы идеал совершенного города. Наш идеал, смею утверждать, называется Европой, и этот идеал мы, к счастью, выбрали». (*«Впрост», 22 июня*)

• Архиепископ Юзеф Жицинский: «Мы можем возблагодарить Бога за решение, которое определяет место Польши в самом сердце европейских перемен. Однако одновременно это решение учит смиренности. Особенно политикам следует избегать эйфории. 43% не явившихся на голосование такой важности — это вопрос ко всем нам: почему эти люди не пошли на референдум? (...) Откуда взялись эти 43% поляков, равнодушных к месту Польши в Европе?» (*«Газета wyborcza», 9 июня*)

• Проф. Ежи Роберт Новак: «Что означают 77% проголосовавших «за» при 58 с лишним процентах явки? Даже сторонник Евросоюза бывший премьер Ежи Бузек признал, что свыше половины поляков либо не голосовали, либо сказали свое «нет». Таким образом, фактически референдум не получил такого перевеса, такой поддержки, как нам это внушают». (*«Наш дзеник», 10 июня*)

• Бывший капеллан «Солидарности» прелат Генрик Янковский на воскресной проповеди 8 июня: «Евросоюз и Брюссель нам есть не дадут! Не накормят нас ни Вашингтон, ни Москва. Не забудем, сколько зла принес период коммунистического порабощения и подчинения диктату красных комиссаров! Не допустим, чтобы это повторилось в виде порабощения комиссарами из Брюсселя или же дядей Сэмом из Америки». (*«Жечтосполита», 9 июня*)

- **Свящ. Ежи Байда:** «Так называемый Европейский союз не имеет никаких оснований, ни нравственных, ни юридических, отождествлять себя с Европой, то есть с ее духом, традициями, культурой и с ее нравственным посланием, которое по возможности не нарушенным сохранилось только в Польше. Мы-то и имеем право решать, что есть воистину европейское и где границы Европы». (*«Наш дзенник», 11 июня*)
- «Польша будет теперь зависеть от Европы больше, чем когда бы то ни было, но облик Европы будет, как никогда прежде, зависеть от Польши». (*Мацей Лукасевич, «Жечпосполита», 9 июня*)
- **Комиссар по делам расширения Евросоюза Гюнтер Ферхойген:** «Польский референдум был важнейшим моментом процесса расширения Евросоюза. Результаты в Польше и других пяти странах, где голосовали раньше, — это беспрецедентная в истории ЕС поддержка интеграции. Польша войдет в сообщество как гордая и сильная страна, которая будет вносить в Брюсселе решительные предложения, прежде всего в области восточной политики». (*«Жечпосполита», 11 июня*)
- «Укрепится ли Евросоюз в результате вступления в него Польши? Корреспондент бельгийского радио Андре Залесский считает, что нельзя рассматривать это в черно-белых категориях. В сельском хозяйстве Польша будет союзницей Франции, которая форсирует протекционизм на рынке продовольствия. Во внешней политике она скорее «будет играть в одной команде с Блэром, а не с Шираком», ибо стремится к привилегированным отношениям с Америкой. А выдвигая на первый план отношения с Украиной и другими странами Восточной Европы, она просто примет свою собственную стратегию». (*Енджей Белецкий из Брюсселя, «Жечпосполита», 10 июня*)
- **Тимофей Бордачев, эксперт Института Европы Российской Академии наук и московского отделения Фонда Карнеги:** «Свершилось нечто великое и важное для России. Теперь у российских граждан будет перед глазами живой пример того, что многомиллионный народ, который жил с нами на протяжении десятилетий в одном лагере, может — хоть немалыми трудами и затратами — изменить свою экономику, перестроить общество и почти буквально переселиться в другую часть света. (...) Пример Польши в России несравненно важнее, чем примеры других обитателей бывшего социалистического лагеря или принадлежавших к СССР прибалтийских республик. Ибо, во-первых, поляки — самый крупный по численности населения и в то же время больше всего похожий на нас народ Центральной Европы. А во-вторых, Польша веками была одним из важнейших партнеров России. Злорадные будут у нас повторять, что Варшава, как некогда покорно служила Москве, так и теперь будет покорно служить Брюсселю. Не обращайтесь на это внимания. В Москве способны мыслить трезво и отдавать себе отчет в том, что голос Варшавы в Брюсселе будет весить гораздо больше, чем когда-то весил в Москве». (*«Газета выбора», 9 июня*)
- Секретарь Совета национальной безопасности РФ Владимир Рушайло во время встречи с министром Марекком Сивцем, начальником Бюро национальной безопасности: «Россия очень рада результатам референдума и тому, что поляки хотят войти в Европейский союз. Мы сторонники расширения структур ЕС. Надеемся, однако, что это не отразится на отношениях наших стран». (*«Трибуна», 11 июня*)
- **Януш Рейтер, президент Центра международных отношений:** «Польша может считать себя счастливой страной. И более того — страной успеха. Тот, кто знаком с польской историей, знает, что на протяжении нескольких столетий этого почти никогда нельзя было сказать. Польша считалась страной, обреченной на роль жертвы истории или геополитики. Вступление в Евросоюз, которому после выигранного референдума вряд ли что-нибудь помешает, все изменило. Это был долгий путь. В его начале стоит возникновение «Солидарности», единственного крупного общественного движения в этой части Европы, которое одержало такую большую победу. «Солидарность» изменила Польшу, но и Европу тоже. Без нее объединение Германии было бы невозможно или во всяком случае куда более трудно. А без объединения Германии не была бы открыта и дорога к членству Польши в Евросоюзе. (...) Польша входит в ЕС не для того, чтобы быстро захлопнуть за собой дверь. Речь идет о том, чтобы новые соседи сообщества приняли участие в ее успехе, в том числе и экономическом. Вопросы нашей безопасности, а также безопасности наших западных соседей будут решаться за нашей восточной границей, и это решение будет приниматься не в военных, а в экономических категориях». (*«Жечпосполита», 10 июня*)

Магдалена Гроховская

А РЕКА МЕНЯЕТ ТЕЧЕНИЕ

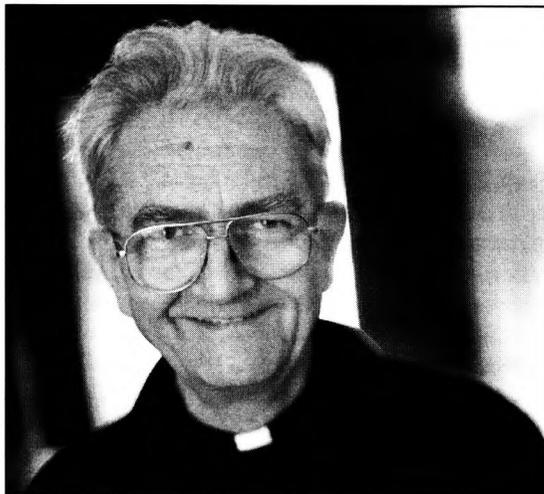
В интервью и статьях он говорит: в Церкви нужно больше «друзей Бога» и меньше чиновников.

Он спрашивает: можно ли критически писать о Папе? Разумеется, можно.

Критическая оценка — удел лиц и институтов общественной жизни.

Он говорит: мы получили от Господа Иисуса Христа благую весть: на Страшном суде с нас спросится не зато, ходили ли мы в церковь, а за милосердие.

И еще говорит: многое можно сказать о том, как действовал Иисус (чему мы должны подражать), но никто не скажет, что он был фанатиком.

■ Встречи

«Жизнь мне выпала необычайно интересная, — написал он в электронном письме, — но сам я в ней не очень-то могу разобраться». Были у него встречи, как он считает, провиденциальные, такие, что меняют весь жизненный путь.

В 1963 г. Тадеуш Жихевич, автор рубрики «Почта отца Малахии» в «Тыжднике повсехном», читал лекцию об исповеди в Люблинском католическом университете. Молодой монах-марианин о. Адам Бонецкий, в то время студент этого университета, восторженно слушал. После лекции он пригласил Жихевича на обед в доме мариан при университете. Жихевич сказал, что получает много писем, а секретаря у него нет. Адам вызвался помочь во время каникул.

Он отвечал на двадцать писем ежедневно. После каникул редакция предложила, чтобы через год, когда Адам закончит университет, он пошел к ним на постоянную работу.

В квартире Ежи Туровича освободилась комната. Главный редактор «Тыждника» спросил в редакции, не порекомендует ли ему Адам какого-либо студента в качестве жильца? Бонецкий жил в проходной комнате и сам схватился за это предложение. В 1964 г. он перебрался к Туровичам — на восемь лет.

■ Кислое молоко 1958 года

Кирпичный дом на улице Ленартовича, четвертый этаж. Комнату напротив кухни занимал о. Адам.

— Мы сразу почувствовали, что он нам подходит, что его чувство юмора совпадает с нашим, — рассказывает Магдалена Смочинская, дочь Туровичей. — Мама звала его «Малый». «Малый, вы ужинали? Малый, вам сегодня звонили десять человек...» Это «Малый» в ее устах звучало нежно.

Адам Бонецкий: «Они не создавали между нами дистанции. Туровичи, и он, и она, были людьми такого класса, что могли себе позволить полную естественность. Когда пани Анне что-то не нравилось, она так и говорила. Так ведут себя люди в семье».

— Нет уж, отец мой, вы не Карузо, — говорила она ему после литургии с песнопениями. Безжалостно рецензировала его проповеди. Особенно выражение «одень обувь»: «Одевают только кого-нибудь».

В воскресенье отец Адам говорил в проповеди о значении литургических одежд. «Священник налагает... прилагает... одевает...» — пугался он и запинался, потому что увидел в первом ряду Анну Турович...

Пани Анна любила варить варенья, подписывая каждую банку: «малина 1964...». На кафельную печь она ставила молоко на простоквашу и,

случалось, забывала. Входит как-то на кухню и видит банки со старательными надписями отца Адама: «простокваша 1958... 1959... 1960...».

О. Адам стал духовником их семьи: исповедовал, венчал, крестил детей. Эльжбета, Иоанна и Магдалена, дочери Туровичей, и по сей день называют его своим братом.

Во время ужина кто-нибудь читает строчку-две из стихотворения, и начинается декламация: кто что помнит из этого автора. Кто-нибудь приносит книги из комнаты. Ежи Турович читает вслух, и так все сидят на кухне до трех ночи.

— Общение с ними стало моим новым приобщением к культуре, — считает Адам. — Туровичи жили литературой, искусством, прекрасно знали, что нужно прочитать. Они никогда меня этому не учили, относились как к равному, но у меня в этих вопросах было отставание. Посвящением в культуру я обязан им. И церковным посвящением, приобщением к делам II Ватиканского Собора, за ходом которого следил в Риме Ежи Турович. Благодаря ему я обрел новый взгляд на дела Церкви. Возможность наблюдать, как Турович принимает решения, как возражает, повлияла на то, каков я есть. Ежи был воплощением персонализма, уважения к человеку; он стал для меня личным примером.

Тридцать лет спустя Ежи Турович лежал в больнице, глубоко подавленный. Он планировал в старости писать книги. А теперь не мог даже читать. Временами он впадал в депрессию.

Магдалена Смочинская: «Мы с мамой навещали отца, но ничто его не радовало. Однажды приехал Адам, и они долго разговаривали. Прихожу к вечеру и глазам своим не верю: отец оживлен, успокоен...»

После смерти Туровича (1999) Адам Бонецкий написал: «Пришло время, когда Господь вывел Ежи в пустыню. Со всей остротой Ежи понял, что уже не выздоровеет (...) Это была его темная ночь. А потом Господь вывел его из тьмы. Окрепло зрение, но свет состоял в чем-то ином. Ежи принял крест. Говорили, что он такой же, как и раньше; и верно, да только за плечами у него был переход через пустыню».

■ Не повторяй того, что другие говорят о Христе

По воскресеньям после обеда прихожая Туровичей была уставлена рядами обуви — приходили ребята из студенческой пастырской группы. Туровичи уходили к себе в комнату, закрывали двери. Неизвестно, когда пани Анна успевала узнать всех по именам и разобраться, кто из них интересен.

Это была молодежь из общежитий, без своей среды в Кракове. Отец Адам так видел их веру: доспехи нерушимых формулировок, принимаемых без обсуждения. Вера непрочная и уязвимая, достаточно ударить в незащищенное место.

На проповедях в церкви св. Анны, в квартире на ул. Ленартовича, во время вылазок в горы Бонецкий раскрывал им слабость этих доспехов; пусть они почувствуют себя беспомощными под напором вопросов и начнут созидать веру взрослого человека. Пусть отбросят слова, заимствованные у других, и заговорят своими собственными. «Не повторяй мне, что другие говорят о Христе, скажи, что думаешь о Нем ты!»

Кшиштоф Павловский учился тогда на физфаке Ягеллонского университета, сейчас он ректор Высшей школы бизнеса в Новом-Сонче. «Проповеди Бонецкого продолжались десять минут, но прокручивались в голове несколько часов, — вспоминает Павловский. — Он не убеждал, что Бог есть, а ставил вопросы. Интересно, что думает обо мне Господь? Что добавила бы жена к моей исповеди? Как спасти человека от одиночества? Знаешь ли ты тех, с кем общаешься каждый день?..»

■ Те, кто углубляет свою веру

Духовные упражнения, дни сосредоточенности, проповеди. Тынец, Ляски, Черна. Они читают, спорят, наслаждаются... О. Адама мучит мысль, что они предаются салонному католицизму.

В деревне под Тарнувом лежит на кухне Збигнев Л., ноги у него парализованы. Вокруг его лежбища стоят бутылки — для мочи.

Цыганка родила в краковском роддоме мальчика. И бросила его: у ребенка глазная болезнь.

В другом селе парализованный Юзеф Н. плетет нейлоновые сетки. И никакой другой жизни у него нет.

В Кракове юная Роза З. — паралич после костного туберкулеза — сидит в больничной палате на инвалидной коляске...

Те, кто углубляет свою веру, пока ничего не знают о тех, у кого нет надежд изменить свою судьбу.

Как-то пришла к отцу Адаму медсестра Ханна Хшановская, знаток городских трущоб. Она рассказала молодежи о приходской акции опеки над хронически больными. Она не употребляла слов «любовь к ближнему» — говорила о конкретных людях: чтобы им помочь, нужны добровольцы. Никто не откликнулся.

Отец Адам объявлял много раз: нужны студенты-волонтеры. Опять никого...

Объявление на приходской доске: брошенный цыганкой ребенок ждет в роддоме усыновления. «Кто решится, — говорит отец Адам, — может прийти в ризницу прямо сейчас». Из толпы выходит и идет в ризницу пани С., у которой есть свои дети и которая уже немолода...

Пришло письмо в «Тыгодник» насчет парализованного Збигнева Л. О. Адам и Юзефа Хеннеля, зам. главного редактора «Тыгодника повшехного», поехали под Тарнув. Збигнев Л. будет направлен в дом социальной опеки.

— Для меня было открытием, — говорит Юзефа Хеннель, — что Адам понимает и свою религиозность, и религиозность своих подопечных как нечто такое, что необходимо неустанно подтверждать конкретными делами.

В каникулы студенты из групп пастырского окормления едут помогать в строительстве костела. Местные удивляются: вам платят поденно или аккордно? После дня тяжелой работы у костра рождаются вопросы. Почему я здесь? Что такое Церковь? Что значит она для меня?..

— Никогда прежде не достигали мы с ними такого накала дискуссии, — вспоминает Адам.

■ Однокомнатная квартира для Розы

Наконец появилась Яга, студентка-социолог; хочет помогать больным. Ей поручили парализованную Розу, которая мечтала заочно получить аттестат зрелости. Яга помогла ей с бумагами и возила на экзамены.

На дворе май 1969 года. После вечерней проповеди о. Адам сообщил: нужны волонтеры для помощи инвалидам, которые в каникулы поедут на духовные упражнения в Тшебино. Желаящим обращаться к Яге.

Возвращаясь из церкви в общежитие, Станислав Кратик на полпути задумался: скоро все разедутся, и некому будет помогать больным. Он повернул назад, на ступеньках у костела увидел Ягу. Потом она стала его женой...

В Тшебине волонтеры носят инвалидов на руках по лестницам, моют, кормят, перевязывают, возят их в инвалидных колясках. В их числе здесь и Роза З., которую уговорила приехать сюда Яга. И Юзеф Н. (тот, что плетет сетки), и еще многие другие.

Четыре года подряд Яга, Сташек и другие волонтеры приезжали в Тшебино. Организовали помощь больным и в Кракове — кого-то нужно отвезти к врачу, для кого-то сделать покупки... О. Адам проводил духовные упражнения.

Роза: «Мне тогда казалось, что в глазах Бога я хуже других. Но я поняла, что мои страдания входят в Промысл Божий и имеют смысл...»

Отец Адам объявил, что Розе негде жить; чтобы вступить в жилкооператив, нужно внести часть взноса. Люди собирали для Розы деньги.

В инвалидной артели Роза вяжет свитеры на вязальной машине. Каждый грош откладывает на будущее жилье. В 1980 г., пять лет спустя после призыва о. Адама, Роза вселилась в собственную однокомнатную квартиру.

— Долго ютилась в больницах. Теперь жизнь изменилась. Я счастлива, насколько можно быть счастливой в моем положении, — говорит Роза.

Станислав и Яга Кратик уже одиннадцать лет подряд организуют в Неполомицах летние лагеря для инвалидов и их добровольных опекунов. А в школу, где размещается лагерь, местные жители приносят молоко, хлеб, домашнюю выпечку.

— Это малое, но конкретное добро, — говорит Станислав Кратик, отпрыск миссии Адама.

■ След

В своей книге «Блокнот» Адам Бонецкий описывает, как он терял след Божий и вновь выходил на него. Смотри на звезды, говорили ему в детстве, открывай Его в просторах моря. Проси и сам будь добрым, и будешь услышан. Читай умные книги... Он читал, просил и был услышан. Когда сразу после войны в Сколимове он вешал кадило в ризнице, то чувствовал близость Бога; Бог исходил и из рассуждений мудрого преподавателя-иезуита.

Но неведомо когда его обволокло туман. Его ужасало равнодушие неба. «Так же будут мерцать звезды, когда меня не будет». Потом он понял, что «время тумана» — это выход из незрелости, когда человек осознаёт свою смертность и бренность.

Но даже во время тумана он никогда не сомневался, что сам он важен для Бога.

— Я не умею рассказать о моей встрече с Ним. Это произошло, когда я окончательно смирился с поражением. (...) И тогда Он, Неопознанный, окликнул меня. (...) Я знаю, что такой рассказ — это для вас слишком мало. (...) Воистину могу сказать вам: не сдавайтесь слишком легко!

«До свиданья, дети, молитесь за папу»

Один раз его отцу удалось избежать смерти. Большевики арестовали Михала Фредро-Бонецкого в 1918 г.: он был царским офицером. В Одессе его доставили на пароход, стоявший на якоре в полумиле от берега. Там и вершился «суд»: при-

взывали камень к ногам — и за борт. Михал дал обет: если выйдет отсюда живым, каждый день будет читать молитвы по четкам. Офицера узнал его бывший ординарец и ночью вывез на берег...

Адам наблюдал, как отец ежедневно общается с Всевышним. Без ханжества, очень серьезно.

Январским утром 1944 г. дети вошли, как обычно, в спальню родителей, чтобы поздороваться. И тут вломилась пара гестаповца. У одного на щеке было родимое пятно в виде буквы L. Адам подумал: нужно запомнить эту особую приметку, чтобы потом найти его.

Прощальный поцелуй отца: «До свиданья, дети, молитесь за папу...»

Сохранилось объявление коменданта СС и полиции о репрессиях против гражданского населения в отместку за гибель немецких солдат. Первых двадцать в списке осужденных было решено помиловать. Михал Фредро-Бонецкий значился в расстрельном списке под номером 159.

С нашей стороны это выглядит иначе, Господи!

— Смысл этой смерти? Скорее мы придаем событиям смысл. Все, что привело к этой смерти, абсурдно. Арестован отец был, скорее всего, по доносу. Он входил в подпольную группу, доставлял продукты партизанам... Убить человека — какой в этом смысл? Как из зла вывести добро? Мистический смысл жертвы? Не знаю. Мой мир тогда рухнул. Эта смерть остается во мне, это самое сильное переживание моей жизни.

Мыслями он был со своим отцом, когда писал о крестном пути. В ночь накануне причисления о. Максимилиана Кольбе к лику блаженных молодежь из Кракова организовала крестный ход вокруг бывшего концлагеря в Освенциме, переживая Страсти Господни с текстом, который написал Адам Бонецкий. На тринадцатом стоянии: «С нашей стороны это выглядит иначе, Господи!»...

■ А они стоят и ждут

Канонада. Они сидят в своем имении, в дворцовом подвале (вместе с коровой, чтобы у детей было молоко), над ними прокатывается фронт. Два немецких трупка гниют в парке.

Красноармейцы забрали коней и свиней. Пришли офицеры из «костюшковской» армии и сказали маме, чтобы ничего хорошего от новой, коммунистической власти она не ждала. Адама ошеломила радость: конец войны!

Никто им не говорил, но они знали, что из дворца их выкинут. Пришли деревенские: сочувствовали, предлагали взять мебель на хранение. У них осталось фортепьяно и отцовский письмен-

ный стол красного дерева. Пришел кучер и работники с фольварка: вам позволено забрать два веза вещей.

Они поселились у Якубовского в Могельнице. Мать доила корову и не отчаивалась. В ней по-прежнему было нечто эlegantное. Такой она и осталась: и в ткацкой мастерской тетки Имоли в Сколимове, и в Варшаве, где делала на продажу тряпичные куклы, и на фабрике авторучек, куда устроилась кладовщицей. Все эти годы она повторяла с неколебимой уверенностью: «С нами ничего не случится, потому что отец нам помогает».

После войны Адам поступил в гимназию мариан в Белянах; в 1949 г. власти закрыли школу. Адам решил замкнуться, а внешне играть роль. В анкетах он писал: мать — рабочая, отец умер. Из гимназии им. Рейтана его выгнали за дерзость. В другой школе в выпускном классе только двое, он и еще одна одноклассница, не были членами Союза польской молодежи [организация аналогичная комсомолу — *Ред.*].

У Адама крепла уверенность, что его жизненное призвание — монашеский орден и священство. В 1952 г. он вступил в орден мариан.

— Церковь представлялась мне единственной зоной свободы. Все остальное было насквозь проедено системой, полицией, конъюнктурностью. Это и повлияло на выбор.

■ Убежище

— Будучи уже взрослым, я обнаружил, что мое окружение воспитало во мне чувство превосходства над всеми моими школьными товарищами, — рассказывает Бонецкий. Просто из-за моего происхождения. Это чувство придавало мне сопротивляемости, создавало убежище. Только в монастырской общине, где я встретился с прекрасными людьми, я начал осознавать, что превосходство основывается не на происхождении.

Марианин, знавший Бонецкого, написал мне: «Особенностью, которая приводила многих его собратьев в ярость, были его аристократические манеры».

Галина Бортновская, публицист: «Адам обладает глубоким чувством собственного достоинства, которого ничто не может расшатать. Чувство превосходства, казалось бы, предполагает гордыню и высокомерие. Мне кажется, что у него все дело во внутренней автономии. То, что люди о нем скажут, не имеет значения. Есть в нем нечто нерушимое, и никакая грязь к нему не липнет. Из этой автономии и вытекает его смелость».

■ «Хочу остаться человеком»

Будучи уже главным редактором «Тыгодника повсехного», весной 2002 г. Бонецкий написал статью «Слишком долгое молчание» — о деле архиепископа Юлиуша Петца, уличенного в сексуальных домогательствах к клирикам. Бонецкий упрекал церковные власти в медлительности: не вызван ли этот паралич высоким саном иерарха? Нужно открыто ставить вопрос о гомосексуализме среди духовенства; отсутствие ясного подхода к таким случаям приведет к трагическим последствиям.

Познанский митрополит утверждал, что на него клеветают люди «без фамилии, без имени и без лица», поэтому Бонецкий решил опубликовать интервью с одним из преподавателей семинарии свящ. Томашем Венцлавским. В интервью рассказана история безуспешных обращений к иерархам по делу архиепископа, которые священник вместе с другими предпринимал с 1999 г. Венцлавский ставит вопрос о слабостях семинарского образования в Польше и говорит: нельзя подменять совесть лояльностью и ложно понимаемым «благом Церкви».

В 1993 г. Бонецкого избрали главой генеральной ассамблеи ордена мариан (около 600 братьев в десяти сличним странах). Он перебрался в Рим. «Ко мне начали относиться так, — писал он, — будто я вдруг обессилел (носили мои чемоданы, хотя я сохранял прежнюю медвежью силу) и как бы внезапно поумнел».

О его шестилетнем пребывании на этом посту вспоминает один из польских мариан: «Бонецкий открывал перед нами широкие горизонты. Чувствовалось, что мы просто живем в польском захолустье, но можем выйти за его пределы, стоит лишь набраться чуточку смелости. Может, нам надо оставить приходы в Польше и трудиться в Бразилии, Африке, Белоруссии, на Украине... По инициативе Бонецкого украинцы, белорусы, литовцы, латыши учатся теперь в Польше, в нашей семинарии. Это изменило как их, так и нас, поляков».

Он задавал вопросы: может быть, преподавание Закона Божия в школах оставить мирянам, чтобы часть священников занялась другой работой. Побуждал заниматься не только проповеднической деятельностью. (...) Умом он превосходит большинство членов ордена, и понятно, что его не любят».

Бонецкий потом написал книгу «Путеводитель генерала, или Чего не делать и что делать, когда власть упадет тебе в руки». Не принимай похвал чересчур всерьез, не обижайся. Не осчастливи-

вай людей по своей мерке. Не костеней, не будь таким важным. Если видишь зло и молчишь — уходи в отставку. Если хочешь нравиться всем, запишись в духовой оркестр...

■ Открыть окна!

Когда осенью 1962 г. Иоанн XXIII призвал, образно говоря, открыть окна, и заявил, что ждет от II Ватиканского Собора свежего воздуха, молодой священник был потрясен. Будучи гимназистом, он однажды пошел на литургию в православную церковь. Духовник потом сомневался, отпустить ли ему этот грех. Теперь Ежи Турович привез из Рима слово «экуменизм».

Адам вырезал из «Тыгодника» несколько предложенных польских переводов богослужебных текстов. Вместе с еще несколькими священниками он попросил Кароля Войтылу, тогда архиепископа Краковского, разрешить им служить по-польски. Они провели опрос среди участников этой литургии и результаты опубликовали в «Тыгоднике».

После возвращения с конференции Епископата Войтыла вызвал их в свою резиденцию. Отодвинулся от стола, оперся руками о колени и промолвил с сожалением: «Что с ними поделаешь!»

Они поняли, что слишком разрекламировали эксперимент: в польской Церкви есть страх перед тем новым, что несет Собор.

Заседание комиссии по делам мирян у архиепископа. О. Адам высказывает радикальные суждения: мы создаем приходские советы, но это органы мнимые, они не ограничивают власть священников...

— Нервное требование перемен было несколько оторвано от польской действительности, — вспоминает сегодня Бонецкий. — Я не принимал во внимание стратегию примаса [тогда кардинала Стефана Вышинского. — *Ред.*] В конфронтации с режимом он должен иметь за собой массы, должен сохранить любовь народа к Церкви. А если он останется с горсткой интеллигентов, то эту конфронтацию проиграет. Я принимал участие в торжествах «паломничества» по Польше копии с иконы Матери Божией Ченстоховской. И видел, как серьезно это увлекает людей, видел, что их вера — не «магическая», а истинная. Но в то же время я считал, что Церковь, опирающаяся на простонародное католичество, не выдержит интеллектуальных испытаний, что Церковь нужно созидать и на разуме. Кое-что из моих опасений подтвердилось. Бастионы, выстроенные на «популярной религиозности», или рушатся, или на них укрепляются позиции, где нет места для интеллектуального дискурса, а доминируют старая привязанность, эмоции и страхи.

В начале 70-х в «Тыгодник повсехный» поступили сигналы о том, что партийные власти в Кракове недовольны религиозной деятельностью о. Адама среди студентов. Орден посоветовал ему выехать за границу. Спор о том, какой быть Церкви в Польше, он продолжал на страницах «Тыгодника» — из Рима и Франции. Даже после того как получил письменное порицание от примаса.

■ Жестокосердие

В Риме, вблизи акведука Феличе, тянулись шенгены барачков. На своем мотороллере Адам Бонецкий объезжал этот нищий квартал. Там он познакомился с молодым священником, который служил литургию по домам и писал в редакции о том, как это несправедливо, когда люди живут словно черви.

В Трастевере Бонецкий бывал в мастерской художника Алехандро. Тот насмотрелся в Латинской Америке на нужду и голод и теперь писал рабочего, прибитого к кресту, или же уродливого иерарха, которого видел высаживающимся из лимузина на убогой улочке.

— То, что Бонецкий сообщал из Рима, не могло нравиться иерархам, потому что нарушало устоявшиеся схемы официальных корреспонденций из Ватикана, — говорит Галина Бортновская.

Адам Бонецкий:

— В Риме я впервые столкнулся с людьми, которые не смирялись со статус-кво в Церкви, с картиной епископа в «мерседесе». Священник, который жил среди обитателей барачков, действительно разделял судьбу этих «бараккати» — бедняков. Я считал, что, воздвигая в польской Церкви оборонительные бастионы, мы часто забываем, что защищаем и что является стержнем Церкви. А его стержень — именно такой священник из нищего квартала...

Французское правительство выделило Бонецкому скромную стипендию на научную работу — он собирал материал о малых общинах в Церкви. Во Франции он провел два года.

Он поставил палатку в Тэзе и при свете фонарика записывал: «Здесь прекрасно. Тихая деревенька на склоне холма, рыжие каменные по-

стройки...». Тема дискуссии в палатке №8: «Что мешает мне жить полной жизнью?» В разговорах участвуют итальянский рабочий, французский садовод, испанские студентки...

Он поехал в общину «Ковчег» в Троли-ле-Брей, где инвалиды с поражением мозга живут вместе со здоровыми. Но что значит «здоровые»? Жан Ванье, основатель общины, говорит, что здоровые нередко больны жестокосердием. «Белый бонтея черного, богатый — бедного, здоровый — больного. Нормальные — часто калеки, потому что неспособны встретиться с человеком, отличающимся от них».

Бокен, аббатство цистерцианцев. О. Адам вслушивается в дискуссию: обсуждается создание монастыря нового типа, открытого людям, школы аскезы и мистики.

Значит, можно скинуть униформу и жить иначе! Можно существовать в Церкви разными способами. Фельетоны Бонецкого для «Тыгодника» и отчеты для мариан полны энтузиазма.

■ Католический скелетик в протестантском сюртучке

После фельетона, опубликованного в ноябре 1972 г., в «Тыгодник» пришло письмо примаса с выговором за то, что Бонецкий вносит в польскую Церковь «нездоровые миазмы». Бонецкий описал богослужение в помещении магазина на улице Флерюс в Париже. Американский священник — в рыжей водолазке, монахиня — в брюках. На столе — деревянная чаша и миска с хлебом. Во время причастия тарелку с хлебом передают из рук в руки.

— Я был заморожен поисками необычного языка литургии, — признается отец Адам. — А примас считал, что у нас не время для дискуссий, сомнений, ниспровержения; мы не можем позволить нас расколоть. Церковь в Польше в то время была осажденной крепостью. Реакция примаса была эпизодом в его споре с «Тыгодником повсехным» о послесоборных переменах.

Фельетон вызвал острые споры в редакции. Свящ. Анджей Бардецкий, церковный ассистент «Тыгодника», вспомнил богослужение в столь же

аскетических формах — в Бухенвальде. Но там была крайняя ситуация, когда жизнь в опасности, повторение Тайной Вечери. А в Париже?..

«А вы в тот парижский магазин пришли за впечатлениями», — писал Тадеуш Жихевич в «Тыгоднике». Они устроили театр, в котором важны аксессуары: водолазка да «эти бабские брюки монахини». Разве хлеб на деревянной тарелке пресущается иначе, нежели в золотой чаше? «Балаган, старик, не попадайся на удочку».

Бонецкий отвечал, что прекрасные парижские храмы пустуют. Символика, которая близка нам с детства, другим уже ничего не говорит. Язык сакрального должен пережить эволюцию. В каком жесте выражается больше благоговения: когда открываешь рот или когда протягиваешь руку за евхаристическим хлебом? Это ведь только вопрос привычки. Если ризы вам ничего не говорят, отбросим ризы, главное — вера. Для многих как раз традиционное богослужение стало театром, причем не наилучшим.

В дискуссии вступил Стефан Киселевский: этот «демократически обесцвеченный акт Евхаристии» вызывает у него подавленное настроение. Псевдопротестантство, опоздавшее на 450 лет. Киселевский предпочитает сияющие золотом католические алтари, ибо это «синтез телесного с духовным».

— А главное, — говорит Адам Бонецкий, — Киселевский считал, что вся эта дискуссия в «Тыгоднике» о соборных реформах — роскошь, которую следует оставить «на потом». Не следует препираться с примасом о том, какова должна быть Церковь, — нужно давать отпор коммунизму. А примас это делает хорошо.

«Тыгодник» напечатал цикл статей «Проветривать обновление» — о том, как верующие чувствуют себя в современной Церкви. Жихевич писал, что ему все равно, как стоит священник у алтаря — спиной или боком к верующим. Но ему не нравится послесоборная «реформированная литургия», этот «очищенный от мяса католический скелетик в протестантском сюртучке».

Читатели спорили с Жихевичем; люди начали принимать перемены. Стефан Вильканович, публицист, связанный с ежемесячником «Знак», писал, что «Собор для нас — призыв изменить наш образ мыслей, перейти от унификации к плюрализму».

Когда в 1974 г. Бонецкий выпустил книгу «Неоконченные разговоры», Жихевич признался в рецензии, что его раздражали «молодежные увлечения автора». Его вера в слова-заклятия: Собор,

община, новшества... И благие пожелания, чтобы «Папа был без тиары». По мнению Жихевича, теперь автор уразумел, что никакой фокус не изменит мир и человека.

■ Говорите проще

В молодости Бонецкий был горделив. Гордыня молодых священников порой превосходит все, что можно вообразить, — теперь он это знает.

Он стыдится, например, проповеди, которую произнес на рождественской литургии в доме престарелых. О том, что пришел Кто-то близкий поделить с ними причастием Своей Плоти. Много позже он написал: «Стать перед отчаянно одиноким человеком, сладко улыбнуться и сказать: «Думаешь, ты одинок? Да нет же, к тебе пришел Господь Иисус». Потом надеть шапку и спокойно уйти домой...».

Однажды его позвали к умирающей девушке. И те несколько минут у ее постели стали поворотным пунктом в его священстве.

■ Табу

В книге Ханны Краль «Опередить Господа Бога» Марек Эдельман о Боге высказывается сурово. Писательница даже опасалась, что читатели почувствуют себя задетыми. После появления книги (1977) Адам Бонецкий в своем фельетоне размышлял: не богохульство ли это? И отвечал: нет. Человек, который пережил то, что выпало Эдельману, имеет право вести личный спор с Богом.

Ханна Краль: «Ни с кем иным не могла бы я говорить о Боге так свободно, как с Адамом. Он не возмущается, не боится ереси. Ереси боятся люди слабой веры».

В серии статей к двадцатилетию понтификата Иоанна Павла II в феврале 1999 г. «Тыгодник повсехный» — уже под редакцией Бонецкого — напечатал статью австрийского богослова Пауля М. Цуленера. В публикации автор взвешенно указывал слабые пункты понтификата: отсутствие решений по вопросу руководства Церковью, вмешательство в подготовку заседаний Синодов, недоверие к работе Совета конференций европейских Епископатов, нежелание регионализировать католическую Церковь, ограничение свободы богословов.

Эту критику в том же номере опровергал известный итальянский специалист по ватиканским делам Луиджи Аккаттоли. Полемику дополнял текст Бонецкого. Он писал о том, что Папа не ожидает одних только восторгов и похвал: публичный институт не может быть неприкасаемым для

критики. Если критика не оскорбляет чувств верующих, можно и нужно критиковать в католическом издании.

Однако разразилась буря.

Адам Бонецкий: «Тыгодник» нарушил табу. Мы предвидели, что некоторые круги изобразят нас антипапским органом».

■ Горячие головы

Воля-Духацкая на окраине Кракова, вторая половина 70-х. Бонецкий снимал комнату на чердаке. По ночам в доме слышалась мышиная возня.

Рассказывает Роза Возняковская-Тун, в то время студентка английской филологии и пресс-секретарь Независимого союза студентов:

— У нас были горячие головы, и мы были предельно вовлечены в политику. Мы считали, что все должны присоединиться к великому порыву, делать то же, что и мы, даже если придется попасть за это в тюрьму. Легко обвиняли других в конформизме. Нам хотелось, чтобы и «Тыгодник» прямо включился в борьбу. Мало было нам, что он издавна защищает независимую мысль. О. Адам втягивал нас в разговоры об ответственности, о вероучении. Придавал нашей деятельности глубину. А его чувство юмора помогало нам взглянуть на себя со стороны.

Бонецкий публиковался в неподцензурном люблинском журнале «Спотkania» («Встречи»). Он собирал материалы о гонениях властей на прихожан, участвовавших в строительстве новых костелов; его книга об этом была напечатана в независимом издательстве.

Перед домиком на Воле-Духацкой часто стояла машина. Из письма Ханне Краль (1978): «Последние два года за мной следила какая-то шайка, ездили за мной повсюду. (...) Однажды я даже спросил одного из них, в чем дело, но он валял дурака. Теперь больше не ездят».

Приехал Войцех Оньшкевич и предложил Бонецкому вступить в КОР (Комитет защиты рабочих): все сидят, нужны известные имена. О. Адам обратился за согласием к своему провинциалу [местному начальствующему ордену. — *Ред.*]. Тот, подумав, ответил: «Эти люди спасают честь нации», — и дал согласие. Ежи Турович сказал: «Все не могут делать всё», — и попросил Бонецкого не вступать в КОР — это может навредить «Тыгоднику». Бонецкий послушался Туровича.

■ Кто прав?

В 1979 г. Папа вызвал Бонецкого в Рим, чтобы тот создал польское издание «Оссерваторе романо». Адам Бонецкий занимался работой в редакции одиннадцать лет.

— Наш Епископат старался как-то поддерживать отношения с властями, что порой осложняло выступления Папы. Я же считал, что если Папа что-то сказал о положении в Польше и в других странах соцлагеря, мой долг — печатать это.

Министр Адам Лопатка прочел секретарю Епископата ноту посольства о деятельности Бонецкого в Риме: установил тесное сотрудничество со «Свободной Европой», передает туда сведения, которые собирает в католических кругах («число сведений огромно»); инспирирует круги, близкие к Папе, чтобы они действовали в согласии с линией радиостанции; стал посредником между польским подпольем и «Свободной Европой» («Тому имеются неопровержимые доказательства»).

Возвращение Бонецкого в Польшу Папа считает утратой в своем окружении.

В какой «Тыгодник» возвращался Бонецкий? После поддержки, которую еженедельник оказал Тадеушу Мазовецкому на президентских выборах 1990 г., «Тыгодник» исчез из церковных киосков; после дискуссии о введении уголовного наказания за абортс приходило демонстративно возвращали подписку. Затем была напечатана статья Вальдемара Кучинского, где тот обвинял президента Валенсу в нагнетании политических страстей. И тотчас кардинал Франтишек Махарский отозвал отца Анджея Бардецкого с поста церковного ассистента «Тыгодника повсехного». Официально — по возрасту, в действительности — заподозрив еженедельник в манипулировании общественным мнением: статья Кучинского была помещена рядом с пастырским посланием митрополита Юзефа Хеннель вспоминает это время как пик кризиса: от тесной связи с Церковью дошли до «вотума недоверия» ей.

Церковным ассистентом был назначен Адам Бонецкий.

Роман Грачик, в ту пору молодой журналист «Тыгодника»:

— В редакции шла дискуссия, как комментировать антидемократичные претензии Церкви: по вопросу об абортах, об уроках Закона Божия... Я считал, что эпоха «эзопова языка» закончилась. Коммуник больше нет, и группа мирян-католиков должна издавать еженедельник под свою ответственность. Старшая часть редакции выражала далеко идущую осторожность. Адам Бонецкий, будучи еще в Риме и навещая нас, занимал более либеральную позицию.

Говин, Грачик, Шосткевич, Бурнетко, Бересь — вся эта молодежь, бывало, резко спорила с Туровичем и рассчитывала на поддержку Бонецкого.

Адам Шосткевич пишет: «Действительность нажимает все сильнее (...). Мы недостаточно ясно определяем свои позиции. (...) Необходимо место, где могут встречаться различные, зачастую противоположные мнения».

Перед первым собранием с участием о. Адама как церковного ассистента его ожидал Грачик с «Газетой краковской» в руках. Он опубликовал в этой газете статью, отклоненную Туровичем, и спросил: мог бы этот текст, по мнению Бонецкого, быть напечатан в «Тыгоднике»? Бонецкий читал стоя.

«Для Папы нравственные нормы (...) автоматически переходят в правовые, — Грачик обращался к недавнему паломничеству Иоанна Павла II в Польшу и его высказываниям об абортах. — Но можно ли — даже Папе — влиять на конкретные правовые решения, принимаемые демократическим государством? В высказываниях Папы подчеркнуты права католиков без упоминания всех остальных. Польша дрейфует в сторону конфессионального государства».

— Он довольно нагло напал на Папу, — вспоминает Бонецкий. — Я сказал ему, что не пропустил бы этот текст, и мы пошли на собрание. Там он заявил, что я не оправдал его ожиданий и он уходит из редакции. Это был мой «труп при входе». То время споров о христианских ценностях в общественной жизни я вспоминаю с эйфорией как погружение в свободу слова, большую общенациональную дискуссию. «Тыгодник» после десятилетий полусепоета заговорил в этой дискуссии полным голосом.

Июльский номер 1991 года. Ежи Турович пишет, что нужно пересмотреть образование священников в семинариях, привлекать к жизни Церкви мирян; польское католичество недостаточно проникнуто духом II Ватиканского Собора, открытости к миру, диалога с ним... Ярослав Говин спрашивает: существует ли возможность примирения христианства с либерализмом? Перед необъятным злом в мире надежда лежит в свободе личности, в

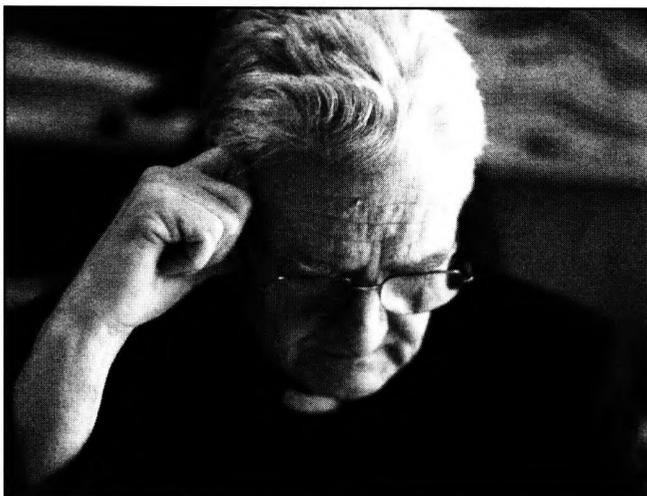
компасе личной совести. Авторитеты, основанные на некритической вере, обречены. Христианство и либерализм могут встретиться, и да будет их общей заботой судьба людей и мира.

Роман Грачик: «О проблемах Церкви «Тыгодник» стал говорить почти открытым текстом».

■ Миф

Октябрьский номер 2002 года. Рассказ об истории Ясной Горы и происхождении чудотворной иконы Матери Божией Ченстоховской на основе книги свящ. Тадеуша Коса «Основание Ясногорского монастыря в свете новой интерпретации источников».

Автор книги скрупулезно анализировал имеющиеся документы и установил, что основателем монастыря был не Владислав Опальчик, как до сих пор считали, а Владислав Ягелло. Икону Богоматери написал не апостол Лука — образ, вероятнее всего, написан в XIV веке в Италии;

в качестве образца художник использовал византийскую икону. Не гуситы из Силезии вторглись в Ясногорский монастырь на Пасху 1430 г., а несколько польских шляхтичей-католиков. И не ради осквернения они содрали с иконы приношения по обету и повредили ее, а просто с целью грабежа (за что попали в тюрьму). Два шрама на щеке Богоматери возникли не от удара острым предметом (или татарской стрелой, как гласит другая легенда): грунтовка и доска, на которой написана икона, не несут следов повреждений. Это полосы, проведенные кистью: художник воспроизводил образец — повреждена была византийская икона.

В редакцию пришли письма: не разрушайте легенд!

Месяц спустя Адам Бонецкий, выступая в Варшавском университете, подчеркнул: память рассказывает, а история изучает. Коллективная память не стремится к познанию, мы запоминаем субъективно и селективно. Страшась истории, мы за-

ищуем комфорт нашей памяти. И этот комфорт, окруженный мифами, мы рассматриваем как элемент своей самобытности.

■ Потому что разочаровались...

Свящ. Веслав Невенгловский писал в газете «Жечпосполита» (1992, февраль) об интеллигентах, которые во времена ПНР находили прибежище в Церкви: еще недавно они били себя в грудь на литургии, демонстративно отрекались от атеизма, охотно пользовались благотворительной помощью. Неблагодарные. Люди с короткой памятью. Они отошли и объявили Церковь врагом демократии. (Тадеуш Жихевич назвал эту статью неуместно глупой).

О. Адам Бонецкий, «Тыгодник повсехный»: «Не хочешь же ты мне внушить, что (...) все это было чистым обманом или конъюнктурой?.. Может, мы сами не доросли до масштаба чаяний, пробудившихся в годы испытаний? (...) Мы тогда тоже не были ангелами. Разве мы не эпатировали громкими именами людей, «приобретенных» Церковью? Почему же они отошли? Потому что разочаровались...»

Три года спустя, на 50-летие «Тыгодника», Папа написал Ежи Туровичу, что в первые годы после падения коммунизма польская Церковь не нашла в «Тыгоднике» поддержки и защиты, «не чувствовала, что ее достаточно любят». Эти слова стали поводом для язвительных нападок на Туровича: еврей, масон, либерал. Епископы молчали.

Адам Бонецкий жил тогда в Риме, был генералом ордена мариан. Приехав в Краков, он побывал у Туровича.

— На его столе были разложены все эти публикации. Я видел, как страшно они его мучат. Вернувшись в Рим, я описал мою встречу с Туровичем в письме Папе. Получил приглашение на ужин. Рядом с прибором Папы лежало мое письмо. «Я не хотел этого», — сказал Папа и задумался, как это поправить.

Несколько месяцев спустя Иоанн Павел II угощал в Ватикане обедом редакционный коллектив «Тыгодника»; больной Турович отсутствовал. В июне 1997 г. в резиденции архиепископа Краковского Папа принял Туровича. Уже очень больного.

В больнице Турович сказал Бонецкому, что видит в нем своего преемника.

— И теперь ливень плевков сыплется ему на голову, и никакие католические круги, ни один епископ — никто не хлопнет кулаком по столу... мне это кажется возмутительным, — говорит Юзефа Хеннель.

Перед торжеством открытия памятника в Едвабне, когда отец Адам выходил из автобуса, к нему подошла журналистка:

— Звонил епископ Станислав Гондецкий и просил вас во время молебна представлять католическую Церковь.

Делу Едвабне «Тыгодник» посвятил серию статей.

Перед последним паломничеством Папы в Польшу «Тыгодник» опубликовал список жгучих проблем, снабженный риторическим вопросом: займется ли ими Иоанн Павел II? Среди них было дело «Радио Мария».

■ «Я спокоен»

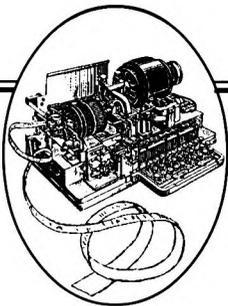
Профессор Яцек Возняковский:

— Недоверие части Епископата к единственному в Польше католическому изданию такого высокого уровня печально. О. Адам Бонецкий эти предубеждения преодолел не полностью. Если «Тыгодник» призван выполнять какие-то, говоря высоким стилем, апостольские функции, если он должен привлекать читателей, далеких от католичества, то обязан собирать на своих страницах людей с различными убеждениями. Удивительно, что некоторые этого вообще не понимают.

Галина Бортновская:

— Без резких зигзагов «Тыгодник» под началом Бонецкого возвращается к своей изначальной миссии, намеченной в лучшие времена Туровича: он делает польское католичество открытым, но не в политическом направлении, а в интеллектуальном, моральном, в широком смысле слова общественном. Часть иерархов считает, что все религиозные сферы — это их территория, они тут правят. «Тыгодник» им в этом мешает, потому что ведет себя так, будто территория веры принадлежит всем...

(печатаются в сокращении)

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Из выступления Папы Иоанна Павла II: «Польша всегда была важной частью Европы и сегодня не может исключать себя из этого сообщества (...) Для нашего народа и братских славянских народов вхождение в структуры Европейского союза на равных правах с другими государствами станет выражением какой-то исторической справедливости, а, с другой стороны, может обогатить Европу. Европа нуждается в Польше. Церковь Европы нуждается в свидетельстве веры поляков. Польша нуждается в Европе». (*«Газета wyborcza», 20 мая*)

Из интервью с бывшими президентами Польши Войцехом Ярузельским и Лехом Валенсой. Войцех Ярузельский: «У меня позади долгие годы существования в условиях ограниченного суверенитета (...) Я не имею обыкновения перекрашивать, говорить, что на самом деле я был совсем другой. Всем известно, в результате каких исторических процессов и решений мы оказались в восточном блоке. В реалиях того времени в этом была своя, хоть и горькая, логика. Были и свои положительные стороны — например, мы получили беспрецедентно выгодную западную границу, а затем и ее гарантии. Сегодня, в коренным образом изменившейся Европе, [вступление в Евросоюз] — это получение иного рода гарантий: ускорение цивилизационно-экономического развития, более высокий уровень жизни (...) Мы не можем себе позволить оказаться за бортом процесса интеграции». Лех Валенса: «Это наша двойная победа. Мы свергли коммунизм и победили противника, который отрекся от своей восточной ориентации и принял нашу программу: ориентироваться на Запад, НАТО и Евросоюз (...) В конце концов они делают то, за что мы уже давно боролись и чего мы всегда хотели». (*«Газета wyborcza», 30 мая*)

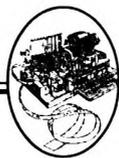
В варшавском Королевском замке Государственная избирательная комиссия торжественно огласила официальные результаты референдума о вступлении Польши в Евросоюз. Явка на двухдневный референдум 7-8 июня составила 58,85%. За вступление Польши в ЕС проголосовали 77,45%, против — 22,55%. Благодаря этому президент сможет ратифицировать договор о вступлении в Евросоюз. (*«Жечпосполита», 10 июня*)

В Ираке Польша будет управлять зоной, расположенной к югу от Багдада и простирающейся от иранской границы до границы с Саудовской Аравией. На севере она будет граничить с американской зоной, на юге — с британской. (*«Жечпосполита», 26 мая*)

Марек Белька, президент Международного координационного комитета: «Моя задача будет заключаться в координации действий временной иракской администрации и внешнего мира, т.е. международных организаций (...) Я буду наблюдать за международной помощью Ираку и за всеми действиями по восстановлению и стабилизации в этой стране (...) Кроме того, я буду членом комитета по отбору экономических проектов (...) Я не еду в Ирак в качестве лоббиста польских фирм. Для польских предприятий ценно уже само наше присутствие в Ираке (...) Однако польские предприниматели не должны рассчитывать на особое отношение только из-за того, что я буду заседать в комитете по отбору проектов». (*«Жечпосполита», 3 июня*)

Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Когда меня спросили, почему мы берем зону, в которой проходят многомиллионные религиозные празднества, я ответил: а у кого в мире есть такой опыт в проведении многомиллионных религиозных торжеств, как у поляков? [Имеется в виду паломничество Папы] Конечно, я сказал это в шутку, но в этом что-то есть (...) В помощь Ираку должны включиться и гражданские лица. Первые такие группы поедут туда вместе с нашими солдатами (...) Поляки продемонстрировали свой профессионализм во многих миссиях, в т.ч. и военных. Я видел это в Ливане, Косове, Афганистане». [Поляки участвовали также в миссиях в Боснии и Герцеговине, Македонии, Хорватии, Израиле, Сирии, Грузии, Кувейте, Таджикистане, Анголе и Западной Сахаре.] (*«Политика», 31 мая*)

Несколько тысяч иракских врачей, ветеринаров, инженеров, химиков и фармацевтов получили образование в польских вузах. Нынешняя интеллектуальная элита Ирака хорошо знает Польшу. В 70-80-е годы в Ираке работали почти сто тысяч поляков. Они строили автостреды,

электростанции, плотины, водно-мелиорационные сети, сталелитейные, цементные, сахарные, нефте- и газоперерабатывающие заводы, школы, больницы и другие публичные сооружения. (*«Впрост», 18 мая*)

■ Министр обороны Ежи Шмайдинский предложил своим коллегам из Дании и Германии участвовать в управлении «польским сектором» в Ираке. Министры из Берлина и Копенгагена отказались, а в немецких СМИ прокатилась волна насмешек над Польшей. (*«Тыгодник повсехний», 18 мая*)

■ Представители полутора десятка государств (в т.ч. Испании, Норвегии, Болгарии и... Фиджи), участвовавшие в конференции по вопросу формирования в Ираке «польской» дивизии, постановили выслать туда войска в количестве, превышающем запланированные 7-9 тыс. военнослужащих. НАТО оборудует штаб-квартиру дивизии, поддержит планирование и тыловые службы, а также предоставит свои разведывательные данные. Конференция прошла в варшавской цитадели [построенной в 1832-1836 гг. при Николае II]. (*«Тыгодник повсехний», 1 июня*)

■ Бывший министр иностранных дел Владислав Бартошевский об участии Польши в управлении Ираком: «Если страна переживает экономический, общественный, интеллектуальный и даже моральный кризис (о чем свидетельствует наш парламентаризм), это ослабляет ее престиж. Боюсь, мы не сумеем исправить нашу репутацию одними лишь внешнеполитическими успехами, вдобавок сомнительными для других. Вся Европа видит, что у нас делается». (*«Тыгодник повсехний», 18 мая*)

■ Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич об операции в Ираке: «Мы были уверены, что должны поступить именно так. Почему мы не разделяли мнения Франции и Германии о том, что военное вмешательство возможно только после новой резолюции Совета Безопасности? Потому что еще до этого мы были обеспокоены состоянием ООН и даже представили свой план реформы этой организации. Мы руководствовались интересами польской безопасности. Кроме того, наше решение было обусловлено уверенностью, что для нашей безопасности весьма желательно трансатлантическое единство. В ситуации спора между США и частью европейских государств наша поддержка операции в Ираке фактически стала защитой этого единства. Возражения лишь углубили бы противоречия». (*«Газета wyborча», 24-25 мая*)

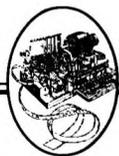
■ Президент Джордж Буш в краковском Вавеле после посещения Освенцима-Бжезинки: «История требует чего-то большего, нежели только память. Ненависть, агрессия и губительные поползновения все еще живы». (*«Жечтосполита», 2 июня*)

■ «В Германии я видел демонстрации против войны в Ираке, но не видел ни одного протеста против резни, устроенной русскими в Грозном. Ничего удивительного, что в Польше вид лидеров Германии и России, обменивающихся рукопожатием, вызывает беспокойство». (*Стефан Хвиц, «Газета wyborча», 4 июня*)

■ «Украина отдаляется от Европы. Этот не высказанный вслух вывод тягостен над проходившей в краковской Вилле Деция конференции, посвященной Веймарскому треугольнику (Франция, Германия, Польша) и Украине (...) Украина не использует своих возможностей сблизиться с Западом, а Евросоюз делает очень мало для того, чтобы склонить Киев к проведению радикальных реформ». (*«Впрост», 1 июня*)

■ Выступая в Европарламенте, президент Александр Квасневский «впервые воздержался от (...) выражения поддержки вступлению Украины в Евросоюз. Недавно, во время афинской встречи министров иностранных дел ЕС, все усилия, приложенные в этом направлении министром Влодзимежем Цимошевичем, ничем не кончились и даже вызвали подозрения, что Польша хочет парализовать деятельность структур Евросоюза (...) Президент Квасневский заявил, что (...) с Россией, Украиной и Белоруссией Евросоюз (...) должен всего лишь «развивать сотрудничество»». (*Енджей Белецкий, «Жечтосполита», 15 мая*)

■ «Такого обилия визитов на высшем уровне в Польшу еще не было: президент США Джордж Буш, премьер-министр Великобритании Тони Блэр, премьер-министр Швеции Йоран Перссон, президент Ирландии Мэри Макалис, канцлер Германии Герхард Шредер, премьер-министр Дании Андерс Фог Расмуссен. Практике отправки протокольных депеш из самолетов, пролетающих над Польшей в Россию, пришел конец. Той роли, которую играет сегодня Польша в мировой политике, ей удалось добиться благодаря успеху демократических и рыночных преобразований, начавшихся после падения коммунизма. В конечном итоге это позволило нам стать членом Евросоюза. Важен был и недавний выбор, сделанный президентом и правительством, в результате которого по иракскому вопросу Польша поддержала США и Великобританию». (*Мацей Лукаевич, «Жечтосполита», 31 мая*)

Доля людей, довольных своей жизнью, увеличилась в Польше с 12% в 1991 г. до 28% в 2002 году. Для сравнения: в Чехии эти цифры составляют 23 и 41%. («Впрост», 1 июня)

Только за апрель индивидуальные накопления, хранящиеся в банках, уменьшились на 2,5 млрд. злотых. Причиной этого стало ухудшение общего состояния семейного быта и резкое понижение процентных ставок по сберегательным вкладам. С начала года средняя ставка по трехмесячным сберегательным вкладам в крупнейших польских банках уменьшилась на 1% и сейчас составляет 3,2%. («Политика», 31 мая)

По данным ЦИОМа, меньше всего поляки доверяют премьер-министру Лешек Миллеру (59% недоверия), председателю Польского национального банка (ПНБ) Лешек Бальцеровичу (52%) и министру финансов Гжегожу Колодко (50%). Самым большим доверием пользуется президент Александр Квасневский: ему доверяют 77% поляков — на 5% больше, чем месяц назад. Второе место занимает председатель крестьянской партии ПСЛ Ярослав Калиновский (41%), а третье разделяют лидеры «Права и справедливости» Лех Качинский и «Гражданской платформы» Дональд Туск, которым доверяют по 40% опрошенных. («Газета wyborcza», 31 мая — 1 июня)

Первые три места в президентском рейтинге, составленном институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор», заняли: Александр Квасневский — 27,2% (несмотря на то, что он не может быть избран на третий срок), Иоланта Квасневская — 11,3%, Анджей Леппер — 5%. В рейтинге популярности политиков места распределились следующим образом: Александр Квасневский — 70%, маршал Сейма Марек Боровский — 50%, президент (мэр) Варшавы Лех Качинский — 45%. В рейтинге поддержки политических партий коалиция «Союза демократических левых сил» (СДЛС) с «Унией труда» получила 17%, «Гражданская платформа» — 12%, «Право и справедливость» — 9%, «Самооборона» — 9%, «Лига польских семей» — 7%, ПСЛ — 6%. 33% избирателей не поддерживают ни одну из партий. На вопрос: «Доверяете ли вы политикам?» — 82,8% опрошенных ответили «нет» и лишь 11,6% — «да». («Впрост», 1 июня)

Бывший премьер-министр и последний первый секретарь ЦК ПОРП Мечислав Раковский: «СДЛС и правительство переживают глубокий политический кризис (...) Главное проявление этого кризиса — наблюдаемое в опросах общественного мнения стремительное падение доверия к прави-

тельству СДЛС и «Унии труда», к премьеру, а в результате и разочарование в СДЛС значительной части избирателей». («Жечпосполита», 19 мая)

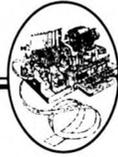
Юзеф Олексы, депутат СДЛС, бывший премьер-министр и маршал Сейма: «Веет ужасом, когда в период столь важных перемен (...) правящая партия полностью поглощена сиюминутной, краткосрочной тактикой, напряженно следя за рейтингами собственной популярности, но не делая из них никаких выводов (...) Надо спасать СДЛС для будущего (...) СДЛС вовсе не должен проигрывать. Однако это может случиться, если его члены (...) не воспротивятся убеждению некоторых, что политика — это большая игра». («Жечпосполита», 22 мая)

Из интервью с отправленным в отставку министром здравоохранения Мариушем Лапинским: «Вы [журналисты] перешли определенные границы. Своей деятельностью вы начали угрожать безопасности демократического государства. Поскольку ваши неистовые нападки на демократические структуры, правительство, парламент ведут к резкой утрате общественного доверия (...) необходимо просто ввести некие ограничения». («Жечпосполита», 14 мая)

«Я никогда не требовал ограничения свободы СМИ», — написал лидер СДЛС Мазовии Мариуш Лапинский. Кроме того, бывший министр здравоохранения извинился перед журналистами за свои недавние слова. «Мы уговорили господина Лапинского по-хорошему, — заявил премьер-министр Лешек Миллер. — Ни для кого не тайна, что вчера мы встречались, и я советовал ему не продолжать войну с СМИ. Я считаю, что мнение, будто журналисты угрожают польской демократии, просто неумно». («Жечпосполита», 22 мая)

Председатель СДЛС Мазовии Мариуш Лапинский и недавно снятый с должности председатель Национального фонда здравоохранения Александр Науман исключены из партии. Оба они были наказаны за то, что по их наущению двое молодых активистов СДЛС побили фоторепортера журнала «Ньюсуик». По мнению партийного суда, общественный деятель не может противиться тому, чтобы его фотографировали. («Жечпосполита» и «Газета wyborcza», 5 июня)

«Давая показания комиссии Сейма, расследующей дело Рывина, премьер-министр Лешек Миллер рассказывал, как важны для Европы независимость СМИ и самостоятельность центрального банка. Премьер признался, что по обоим этим вопросам его пытались склонить к уступкам. Если бы Евросоюз что-нибудь гарантировал поля-

кам в связи с этими двумя вопросами, это был бы повод для умеренного оптимизма». (*Петр Заремба, «Ньюсуик-Польша», 8 июня*)

☞ Журналист имеет право на ошибку. Если он собирает материал с должной добросовестностью, то его нельзя привлекать к ответственности за посягательство на доброе имя — даже в случае публикации ложных сведений. Так постановил Верховный суд при кассационном пересмотре приговора, вынесенного журналистам газеты «Жиче» за статью «Каникулы с агентом», в которой сообщалось, что Александр Квасневский провел отпуск с агентом КГБ Владимиром Алгановым. (*«Тыгодник повсехний», 25 мая*)

☞ Согласно опросу ЦИОМа, 67% поляков считают демократию лучшей системой правления. Противоположного мнения придерживаются 19%. За упразднение демократии и введение «режима твердой руки» высказываются 26% опрошенных; против — 63%. При этом польской демократией довольны 28%, а недовольны 64% поляков. (*«Тыгодник повсехний», 18 мая*)

☞ Проф. Ян Винецкий: «Несмотря на коррупцию и падение политических нравов, польская демократия вне опасности. Однако она становится все более антилиберальной. В результате в опасности оказались наши гражданские права и свободы». (*«Ньюсуик-Польша», 8 июня*)

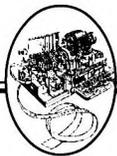
☞ «Вчера Конституционный суд второй раз постановил, что протаскиваемые СДЛС дополнения к закону о люстрации, не допускающие ее распространения на сотрудников разведки и контрразведки ПНР, противоречат конституции. Суд пришел к выводу, что невозможно отделить задачи разведки и контрразведки от действий, связанных с преследованием оппозиции и противников коммунистического режима (...) Дополнения к закону должны были стать щитом для партийных деятелей с компрометирующим прошлым. Вчера суд дал отпор этому законодательному цинизму. Так и хочется сказать: есть еще суды в Варшаве! Это и успех общества, которое сможет решать, избирать ли ему своими представителями сотрудников пэнэровских спецслужб». (*Марек Домагальский, «Жечпосполита», 29 мая*)

☞ Новый вице-президент Польской Академии наук (ПАН) проф. Ян Стреляу признался, что был тайным и добровольным сотрудником спецслужб ПНР. Его заявление было опубликовано в «Мониторе польском». Закон о люстрации не запрещает занимать общественные должности тем, кто добровольно признался в связях со спецслужбами. (*«Газета wyborча», 17-18 мая*)

☞ Фрагмент заявления: «22 мая 2003 г. общее собрание Польской Академии наук 170 голосами против 14-ти постановило не принимать отставку проф. Яна Стреляу с поста вице-президента ПАН, связанную с публикацией в «Мониторе польском» его люстрационного заявления. Члены общего собрания приняли во внимание тот факт, что сотрудничество с госбезопасностью имело место более 55 лет назад (когда проф. Стреляу был учащимся средней школы) и объяснялось физическим и психическим террором, которому он подвергся. Более того, он прекратил это сотрудничество, что повлекло за собой дальнейшие преследования («волчий билет», несколько месяцев тюремного заключения). Факты эти представлены в его опубликованной восемь лет назад автобиографии». (*«Газета wyborча», 23 мая*)

☞ Проф. Яцек Возняковский: «Книги Ветхого Завета предостерегают от излишнего доверия к человеку (...) Человеку нельзя доверять полностью, ибо он создание слабое, поддающееся всевозможным искушениям. Полное доверие к нему было бы ошибкой (...) В определенном смысле человек заслуживает ограниченного доверия. Чем оно больше, тем лучше, однако необходимо помнить о человеческих несовершенствах (...) И все же в склонности и устремления такого несовершенного создания, как человек, вписана жажда доверия, жажда межчеловеческих отношений, построенных на правде. Без этого жизнь была бы невозможна (...) Поэтому исключительно важно обходиться с этим доверием, как с бесценным хрупким сосудом...» (*«Газета wyborча», 24-25 мая*)

☞ «В литературе этот героический порыв апреля-мая 1943 г. [восстание в варшавском гетто] часто называют еврейскими Фермопилами. Около семисот молодых людей, почти безоружных, в подавляющем большинстве без всякой военной подготовки (...) оказали сопротивление более чем двум тысячам превосходно вышколенных солдат и офицеров Вермахта, имевшим в своем распоряжении танки, автоматы, тяжелую амуницию и самолеты. Это было первое в Европе городское восстание в годы фашистской оккупации (...) 19 апреля (день начала восстания в гетто) должно быть вписано не только в еврейскую историю. В течение предшествовавшего этому дню года треть варшавян была вывезена на смерть в Трешлинку. Именно варшавяне, хоть и брошенные за стены [гетто], дали сигнал к восстанию. Это глава истории Польши и ее столицы (...) Когда я посещаю два крупных варшавских музея: музей Войска Польского и музей

Варшавы, — я вижу несколько залов, посвященных Варшавскому восстанию 1944 года (...) Между тем о первом восстании в Европе, об апрельском восстании 1943 г., можно узнать лишь самую малость из запыленных в угол жалких витрин». (*Мариан Турский, «Политика», 24 мая*)

☞ Несколько сот евреев, израильских арабов и палестинцев два дня знакомились с историей гитлеровского лагеря смерти Аушвиц-Биркенау, воздавая почести погибшим. Это был беспрецедентный визит: впервые в Освенцим-Бжезинку прибыла столь многочисленная совместная группа людей, исповедующих ислам, иудаизм и христианство. (*«Жечпосполита», 28 мая*)

☞ Из репортажа Дариуша Факоня об одном из варшавских микрорайонов: «Алеку 16 лет. Он маленького роста, в очках минус 8, с врожденным пороком сердца (...) У семьи Темкиных еврейские и грузинские корни. Учителя говорят, что у мальчика гуманитарные способности, недожизненный ум. Он вошел в финал философской олимпиады. Для ровесников из микрорайона Алек — «вонючий жиденьш», «жид пархатый» (...) «Одноклассники били меня по любому поводу [говорит Алек]. Даже маленькие дети обзывают меня. Как тут выдержать, когда тебе в лицо кричат, что Освенцим еще повторится? (...) Сначала были глухие звонки посреди ночи. Затем начались угрозы: «Мы наведем порядок, поубиваем евреев»» (...) «Сколько можно так жить? Власти заинтересуются, лишь когда случится трагедия...» — у Эугениуша Темкина дрожит голос». (*«Газета wyborча», 23 мая*)

☞ Ежегодно в паломничества отправляются 7 млн. поляков (более 17% населения Польши), в т.ч. миллион — в заграничные паломничества. Если учесть, что во всей Европе в паломничествах каждый год участвуют 35 млн. человек, то получается, что каждый пятый паломник — поляк. (*Янина Биликовская, «Впрост», 1 июня*)

☞ Семнадцать лет назад все имущество православного монастыря свв. Кирилла и Мефодия в Уйковицах состояло из старой конюшни, овина и 2,5 гектаров пустого поля. Сейчас монахи этого монастыря владеют 25 га поля, 2,5 га леса, рыбным садком, виноградником, пасекой из двадцати ульев, пятью коровами и двумястами кур. В 2002 г. в монастыре было выдано 20 тыс. порций еды для гостей, а перед иконами сожжено 15 тыс. свечей и 300 литров лампадного масла. В настоящее время монахи собираются возводить новую большую церковь — 40x25 м. Планируемая высота церкви

— 10 м, не считая купола и креста. (*«Пиєглінд православний», май*)

☞ Во Вроцлаве прошел совместный польско-украинский симпозиум «Прошлое, которое разделяет. Геноцид польского населения на Волыни и в Восточной Галиции в 1943-1945 годах». На основе демографических исследований украинские историки пришли к выводу, что в результате II Мировой войны численность польского населения на территории Украины сократилась на 250 тыс. человек. Если исключить результаты действий советских и немецких оккупантов, а также военной миграции и послевоенных депортаций, остается не менее 50 тыс. человек, убитых украинскими националистами. Потери среди украинского населения на той же Волыни составили 300 тыс. человек, из которых 15-20 тысяч погибли от рук поляков. (*Анджей Качинский, «Жечпосполита», 29 мая*)

☞ Из обращения львовской областной организации Союза офицеров Украины к офицерскому составу Войска Польского в связи с трагическими событиями 1943 г. на Волыни: «Господа офицеры! Мы, члены Союза офицеров Украины, призываем вас прислушаться к словам святейшего отца Иоанна Павла II, произнесенным 25 июня 2001 г. во Львове: «Во имя нормальных отношений следует забыть о военных травмах и стереотипах». (...) Господа офицеры, и у нас, и у вас есть дети и внуки. Неужели взаимная неприязнь между поляками и украинцами вечно будет передаваться вместе с молоком матери? Мы считаем, что у наших потомков должно быть иное мышление, что они должны жить в условиях новых взаимоотношений между нашими народами (...) Мы должны (...) жить в дружбе и согласии и быть сильными соседями, которые в тяжелую минуту поспешат друг другу на помощь». (*«Газета wyborча», 31 мая — 1 июня*)

☞ Из письма Виктора Ющенко Адаму Михнику: «Для меня тяжелее всего то, что сделали мои соотечественники полякам — часто во имя патриотизма. В ноябре 1942 г. грекокатолический митрополит Львова Андрей Шептицкий написал пастырское послание «Не убий», в котором говорится: «Человек, проливающий невинную кровь своего врага или политического противника, — точно такой же убийца, как делающий это ради грабежа, и точно так же заслуживает Божьей кары и церковной анафемы». Это великие слова. Они лучше всего передают то, с чем мы обращаемся к каждому поляку, пострадавшему от рук украинцев (...) Во имя истинного примирения поляков и украинцев я хочу, что-

бы вы поняли позицию украинцев, которые не могут быть равнодушны к исторической памяти своих соотечественников. А память эта изобилует свидетельствами страшных преступлений и невообразимых жестокостей со стороны поляков (...) Долгое время мы шли в одном, ошибочном направлении — направлении разделений. Теперь пришла пора вернуться на верный путь (...) Об этом же говорит и председатель украинского ПЕН-Клуба Евгений Сверстюк в послании к нашим народам: «Ни украинцы, ни поляки не должны быть заинтересованы в том, чтобы у виновных были наследники и последователи». (*«Газета wyborча», 31 мая — 1 июня*)

☞ Яцек Куронь: «Во взаимоотношениях поляков и украинцев нелегко определить, кто палач, а кто жертва: слишком уж часто и слишком охотно мы менялись ролями (...) Речь идет не о том, чтобы измерить взаимные обиды, а о том, чтобы их ошутить». (*«Газета wyborча», 31 мая — 1 июня*)

☞ Проф. Януш Тазбир: «Как трудно было бы написать историю Европы, одобренную всеми ее жителями. Окончательно меня убедил в этом недавно изданный (М., 2000) учебник истории для 10 класса (под ред. А.Н.Сахарова), из которого можно узнать, что после взятия Праги [восточной правобережной части Варшавы] Суворов был в дисциплинарном порядке отозван в Петербург за несогласие с репрессиями, которым подвергли Польшу Екатерина II, «а особенно прусский король и австрийский император». По мнению составителей учебника, гуманное отношение русского генерала к разбитым полякам способствовало их быстрому успокоению. Отсюда уже рукой подать до реабилитации князя Влада Паловника [Дракулы!]» (*«Нове ксьонжки», июнь*)

☞ «На песнях [Булата Окуджавы] о любви, достоинстве и бренности выросли два поколения поляков, для которых Окуджава был символом порядочного русского во времена, когда мы презирали все советское (...) Его «Молитва», «Песенка о солдатских сапогах» или «Песенка об Арбате» сделали для нормальных отношений с русскими больше, чем все фестивали советской песни в Зеленой-Гуре». II Международный фестиваль Булата Окуджавы прошел в Кракове через два года после первого, московского. (*Яцек Мельхиор, «Впрост», 1 июня*)

☞ На московской площади Звезд состоялась закладка памятного знака Анны Герман, после чего в концертном зале «Россия» прошел вечер песни умершей в 1982 г. польской певицы. У нас об

Анне Герман забыли, русские же помнят ее и с гордостью подчеркивают, что она охотно пела по-русски и приезжала в Россию — даже после тяжелой автокатастрофы, прервавшей ее европейскую карьеру. (*Вацлав Радзивилевич, «Газета wyborча», 19 мая*)

☞ Гюнтер Грасс жителям Гданьска после посещения дома на ул. Лелевеля, 1, в котором он родился: «Предлагаю вместо моего памятника построить этим людям приличные туалеты. Можно назвать их моим именем». (*«Газета wyborча», 3 июня*)

☞ Литовский Сейм принял новый закон, по которому живущие в Литве поляки имеют право получать образование на польском языке не только в начальной, но и в средней школе. (*«Тыгодник повсехний», 1 июня*)

☞ Растет дефицит польской торговли с Востоком. По сведениям министерства экономики, в 2002 г. наш экспорт в СНГ составил всего лишь 2,9 млрд. долл., импорт же был почти в два раза больше. Разница между экспортом и импортом достигает 2,5 млрд. долларов. (*«Политика», 17 мая*)

☞ В недавно завершившейся в Калининграде Польской национальной выставке приняло участие рекордное число экспонентов — почти 280. Выставку посетили 25 тыс. человек, в т.ч. предприниматели из других городов России. Товарооборот между Польшей и областью увеличился с 210 млн. дол. в 1999 г. до более чем 370 миллионов в 2002-м. В области зарегистрировано 575 польско-российских фирм. (*«Жечпосполита», 5 июня*)

☞ По оценке созданного «Газетой wyborчей» Экономического совета четырех (Януш Бексяк, Анджей Топинский, Богдан Выжникевич и Лешек Зенковский), «основная причина продолжающегося экономического застоя заключается в недостаточном темпе модернизации польских предприятий (...) Замедление процесса модернизации не лишено связи с торможением экономических реформ и даже, скорее всего, вызвано им (...) К сожалению, реформы и приватизацию решили приостановить, а по возможности, (...) и вовсе повернуть вспять (...) Приостановка приватизации сопровождается уже нескрываемым политическим кумовством в государственной экономике и администрации». (*«Газета wyborча», 14 мая*)

☞ У самых богатых чехов и венгров состояния в несколько раз меньше, чем у их польских коллег. Член Совета монстарной политики Богуслав Грабовский: «Мы в ускоренном темпе проходим то, на что Америке понадобилось два столетия. Мы можем своими глазами наблюдать процесс

«первоначального накопления капитала». Сто лет назад не все отдавали себе в этом отчет. Мы стали свидетелями этого, и нас это в большей степени возмущает. Ничего удивительного — мы живем в эпоху СМИ (...) Наши богачи не исчезнут, но их влияние на экономическую и политическую жизнь будет все слабее. Препятствием для них был и продолжает оставаться иностранный капитал, конкурирующий с ними в приватизации». (*«Газета wyborcza», 27 мая*)

☞ «Предприниматель, покупающий товар за 440 злотых и продающий его за 350, был бы вскоре признан идиотом или обвинен в отмывании грязных денег. Когда Агентство сельскохозяйственного рынка (АСР) покупает тонну пшеницы за 440 зл. и продает за границу за 350, это называется стабилизацией рынка сельскохозяйственных продуктов. За последние четыре года такая стабилизация рынка обошлась нам в 5 млрд. злотых — именно столько АСР потратило на дополнительные хлебозаготовки и дотирование экспорта. Это в 2,5 раза больше, чем мы тратим в год на науку». (*Ян Пинский, «Впрост», 25 мая*)

☞ «Во вроцлавской психиатрической клинике началась забастовка. Пока что бастует только персонал, которому Национальный фонд здравоохранения (...) не платит уже два месяца (...) Возможно, вскоре начнут бастовать и пациенты, которым нечего есть и которые могут рассчитывать только на передачи от родных». (*Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 4 июня*)

☞ Только 180 тысяч из 1,8 млн. польских крестьянских хозяйств можно назвать настоящими фермами. Эти 10% производят 90% всей сельскохозяйственной продукции. Владельцы больших рентабельных хозяйств создали полмиллиона рабочих мест для своих не имеющих выхода на рынок соседей. (*Славомир Серадский, «Впрост», 1 июня*)

☞ В результате запрещенного законом, но весьма распространенного обычая выжигания травы сгорело 1200 гектаров леса и погибло 15 человек — в два раза больше, чем год назад. «Похоже, единственный выход — ввести в деревнях строгую регламентацию продажи снечек». (*«Ньюсуик-Польша», 1 июня*)

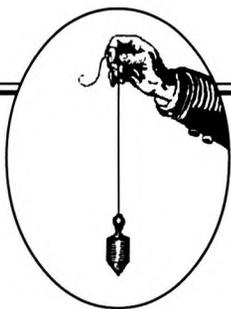
☞ В 2002 г. официальные бюллетени опубликовали 2980 законодательных актов, в т.ч. 215 многостраничных законов. К числу особенно часто изменяемых законов принадлежат: Уголовно-процессуальный кодекс (с 1969 г. изменялся 17 раз), Гражданский кодекс (с 1969 г. — 13 раз), Трудовой кодекс (с 1974 г. — 21 раз) и Уголовный кодекс (с 1969 г. — 9 раз). (*«Политика», 17 мая*)

☞ В польских и российских территориальных водах Балтийского моря и Вислинского залива все чаще случаются пиратские нападения. Ежегодно там совершается более тысячи преступлений. В окрестностях портов в Калининграде, Балтийске, Ладушкине, Мамонове и Светлом расположены базы по меньшей мере 12 групп пиратов. Польско-российские группы перебрасывают в Польшу нелегальных эмигрантов. Польские пираты набирают людей в Кринице-Морской, Фромборке и Новой-Пасленке. Рыбаки пользуются их услугами в борьбе за лучшие, хотя зачастую нелегальные места ловли. Нападения на яхты, плавающие по Балтике и Пуцкой бухте, теперь уже в порядке вещей. (*Петр Кудзя и Гжегож Павельчик, «Впрост», 25 мая*)

☞ Еще в конце 1999 г. лицензированных охранников было 7 тысяч. Сегодня их уже около ста тысяч, а через несколько лет, по прогнозам Правительственного центра стратегических исследований, будет 250 тысяч. В Варшаве за порядком следят 3 тыс. полицейских; в Берлине — 30 тысяч. (*«Ньюсуик-Польша», 18 мая*)

☞ Станислав Лем: «Жаль, что мы до сих пор не стали страной, в которую было бы приятно мысленно возвращаться с уверенностью, что там царит порядок, все знают, чем должны заниматься те или иные органы власти, а правительство пользуется повсеместным уважением и доверием общества». (*«Тыгодник повшехний», 25 мая*)

☞ Почти три часа полицейские и сотрудники городской охраны при поддержке полицейской машины прикрывали утку с семью утятами, блуждавшую в час пик по оживленным улицам Варшавы. В конце концов утиному семейству удалось добраться до парка в Лазенках. (*«Газета wyborcza», 13 мая*)

Павел Яблонский

САМОЕ БЛИЖНЕЕ ДАЛЬНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Поляки празднуют свой день в Санкт-Петербурге

Когда-то, во времена допетровские, поляки шли в Москву с мечом, в Петербург же со времен петровских — с оралом. Москву они шли брать, в Петербург — давать. Наверное, поэтому польская община в Петербурге — самая крупная в России. Так исторически сложилось еще и потому, что полтора века Польша входила в состав Российской империи, а Петербург был ее столицей. И многие поляки ехали в Петербург служить, учиться, делать карьеру.

В разные трудные времена многие поляки покинули свою родину и разлетались по миру, образовав много организаций Полонии (общее название эмигрантов и их потомков). В Петербурге значительная их часть объединилась в культурно-просветительское общество «Полония» им. Адама Мицкевича. Затем появилось и еще одно объединение — Союз поляков.

И вот в прошлом году родина-мать всех поляков учредила праздник — Всемирный день Полонии и поляков зарубежья.

3 мая в петербургском Доме актера «Полония» и Союз поляков торжественно отметили свой новый праздник. Они посвятили его 300-летию Санкт-Петербурга и пригласили представителей других национальных общин города.

Почетный председатель петербургской «Полонии» профессор Раймунд Пиотровский в своем выступлении не преминул заметить, что «в США, Турции, России наблюдаются попытки сглаживания национальных различий, но вопреки этому национальное самосознание живет. Языки, национальные культуры — это сокровище всего человечества, которое нужно сохранить».

— Польша очень связана с Петербургом, — сказал генеральный консул Польши в Петербурге Эугениуш Мельцарек. — Мы подготовили большую и разнообразную программу из 26 мероприятий, посвященную 300-летию Санкт-Петербурга, мы стремимся показать вклад поляков в развитие этого прекраснейшего в мире города.

В праздничном концерте приняли участие многие видные и начинающие деятели культуры польского происхождения, вплоть до детей. Выступили и молодые мастера вокала из Польши, которые обучаются в Академии молодых певцов, возглавляемой Ларисой Гергиевой. Уже 12 лет украшением любого городского праздника национальных культур остается фольклорный ансамбль «Ганк».

Два месяца назад впервые вышел перевод книги Ярослава Ивашкевича «Петербург» (переводчик Евгений Невякин). Проникновенные строки восхищенного городом литератора, который впервые посетил Петербург в 1974 г., незадолго до смерти, и подарил его в своих блистательных очерках польскому народу, прочитал заслуженный артист — и России, и Польши — Сергей Новожилов.

Открывал концерт, конечно же, Шопеном заслуженный артист России Станислав Иголинский. Завершала — давний друг Польши, серебряный голос Петербурга Марина Капуно, тоже заслуженная артистка, да еще и лауреат фестиваля в Зеленой-Гуре, участница знаменитого Сопотского фестиваля, знаток польской эстрадной песни.

Все польские музыкальные события в Петербурге, которых немало, в частности и регулярные музыкальные салоны, организуемые генконсульством, посещает выдающийся петербургский поляк — народный артист России, лауреат Государственной премии, профессор, композитор Сергей Слонимский. Для него сюрпризом со сцены прозвучали стихи его дядюшки, известного польского поэта Антония Слонимского.

Наконец замечу: о своем польском происхождении упоминает и еще один Пиотровский, директор Эрмитажа. Кстати, в грандиозной программе Эрмитажа к юбилею города выступит сам мировой композитор «номер один», поляк Кшиштоф Пендерецкий, которому 29 апреля было присвоено звание почетного доктора Санкт-Петербургского государственного университета.

Виктор Хорев

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1945-1990)

Отношения между Польшей и Россией всегда складывались под мощным воздействием политических ситуаций, которые резко обострялись в переломные эпохи. К переломным периодам относятся годы II Мировой войны и первые годы после ее окончания. Освобождение Польши советской армией спасло польский народ от биологического уничтожения, но не дало ему возможности свободного выбора своего политического устройства: Советский Союз навязал Польше свою политическую и идеологическую систему.

О стратегическом замысле советских правящих кругов в отношении Польши и механизме его осуществления можно судить по некоторым новым архивным документам (см.: НКВД и польское подполье. 1944-1953. (По «особым папкам» И.В.Сталина). М., 1994; Восточная Европа в документах российских архивов 1944-1953. Т.1. 1944-1948. Москва-Новосибирск, 1997; То же. Т.2. 1949-1953. Москва-Новосибирск, 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953. Т.1. 1944-1948. Документы. М., 1999). Документы эти показывают, что планы в отношении будущего Польши вынашивались в СССР еще во время войны. 10 января 1944 г. И.М.Майский в докладной записке на имя В.М.Молотова писал:

«Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания. Ввиду вышеизложенного осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ».

В дальнейшем этот замысел видоизменился. С целью советизации Польши были предприняты попытки убедить как русских, так и поляков, что в совместной борьбе с немецким фашизмом, а позднее в ходе строительства социализма родилась новая Польша и формируется новый тип поляка, что должно было быть отражено в культуре.

Советский механизм идеологического нажима на Польшу работал с целью пропаганды политики СССР, коммунистической идеологии, образцов советской культуры, образа «советского человека». Составными его частями были советское посольство, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Совинформбюро, Издательство литературы на иностранных языках, объединение «Международная книга», «Совэкспортфильм», радиовещание на польском языке, Иностранная комиссия Союза советских писателей, Общество польско-советской дружбы и т.п.

С первых дней существования послевоенной Польши активно вмешивается в польские дела советское посольство, давая указания польским политическим деятелям, в том числе в области пропаганды и культуры. Это касалось, например, издательства ППС (Польской социалистической партии) «Ведза», о котором советник посольства Яковлев в декабре 1946 г. заявил Циранкевичу:

«Что касается Вашего партийного издательства «Ведза», то, как сами видите, его работа в направлении распространения советской литературы равняется пока нулю. В то же время, заметил я, советская книжка, в частности, литература на художественные темы, могла бы способствовать задаче, которую ставит перед собой ППС, а именно, задаче перевоспитания польского населения в духе дружбы к Советскому Союзу».

В политическом отчете посольства СССР в Польше за 1947 г. говорилось: «Идейный уровень культурной жизни Польши резко отстал от достигнутых страной политических и экономических ус-

пехов. Польская интеллигенция в своей значительной части еще отрицательно относится к тому прогрессивному повороту, который произошел в Польше после окончания Второй мировой войны. Воспитанная на традициях борьбы за национальное освобождение от гнета русского царизма и служившая антисоветским целям польских реакционных правительств 1918-1939 гг. эта интеллигенция еще никак не перестроилась в отношении понимания нового положения Польши и новых польско-советских отношений.

Положение с новой художественной литературой в Польше таково: в продолжение трех лет, протекших после создания демократической Польши, крупнейшие польские писатели и поэты все еще занимают «выжидательную» позицию. Сейчас такую позицию продолжает занимать Парандовский (член английского пенклуба [так в документе]) и отчасти даже Софья Налковская. Крупнейший польский поэт Тувим дружественно высказывается по адресу новой Польши и Советского Союза, но его еще «точит червь сомнения». Он настойчиво расспрашивал приезжавшую в октябре 1947 г. в Варшаву Ванду Василевскую, соответствует ли советская действительность его идеалам. Нового он пока ничего не написал».

Далее в отчете говорилось о Домбровской, Прушинском, Анджеевском («*католический писатель только что издал книгу «Пепел и бриллиант» («Попел и диамант»), целиком посвященную ППР»*), Ивашкевиче, Кручковском, Путрамента («творчество Путрамента положительно оценивается советской критикой»), о «реакционном репертуаре» польского театра, который «свидетельствует лишь о том, что успехи ППР на идеологическом фронте еще невелики», и делался вывод о кризисном состоянии польской культуры. Естественно, что в те годы в СССР, как и много позже, издание польских книг осуществлялось под бдительным оком цензуры.

Для административного управления литературой и искусством использовалась унифицирующая литературное развитие формула социалистического реализма, которая по примеру СССР насаждалась и в Польше. Упор делался на воспитательную роль литературы социалистического реализма. Критика оперировала понятиями «социологическая конструкция человеческой судьбы» и «социологическая типичность», которые вели к прямолинейному и упрощенному толкованию

обусловленности человеческой судьбы общественными процессами, утрате интереса к внутренней духовной жизни человека, изображение которой отождествлялось с «буржуазным психологизмом». Для поэзии, например, единственным образцом партийная критика провозгласила творчество Маяковского советского периода:

«Создание качественной современной партийной поэзии равнозначно обращению к Маяковскому, и, наоборот, отход от Маяковского равнозначен написанию стихотворений некоммунистических, чуждых рабочему классу» («Од-дзене», 1950, №6).

Такого рода польская поэзия в первую очередь пропагандировалась в советской печати.

Без особого преувеличения можно сказать, что ее главным героем стал Сталин, прославленный в десятках панегирических стихотворений как «вечно живой герой», «вождь человечества», «демиург истории», «лучший друг Польши», «преобразователь природы», «борец за мир» и т.п. (Ю. Тувим, В. Броневский, С.Р. Добровольский, К.И. Галчинский, А. Важик, Е. Путрамента, А. Браун, Т. Кубяк, Л. Левин, В. Вирпша и др.).

Были прославлены также Болеслав Берут (в антологии «Стихи о Болеславе Беруте», 1952, приняли участие как молодые поэты В. Ворошильский, Х. Гаворский, Е. Фицовский, А. Каменская, Т. Кубяк, А. Мендзыжецкий, так и мастера Я. Ивашкевич, А. Слонимский, А. Важик и др.), Феликс Дзержинский (поэма А. Мандальяна «Товарищам по госбезопасности», «Поэма о Дзержинском» Л. Левина, сборник стихов «Вечный огонь» под редакцией В. Ворошильского с участием М. Яструна, Т. Кубяка, С. Полляка, А. Мендзыжецкого и др.), Кароль Вальтер Сверчевский (антология «Строфы о генерале Сверчевском», 1952, среди авторов В. Броневский, М. Яструн, С.Р. Добровольский, А. Важик, В. Ворошильский, Т. Кубяк и др.).

Это были риторические стихотворения, как правило, перенимавшие современный газетно-публицистический жаргон или имитировавшие псевдонародный язык. Их авторы широко использовали призывы, лозунги, клишированные обобщения и идеологический комментарий, которые подменяли поэтическую мысль и лирическую интонацию.

Уже в середине 50-х в Польше развернулась важная дискуссия о реализме и социалистическом реализме. Наиболее значительными были высту-

пления С.Жулковского с критикой ограничительных представлений о социалистическом реализме (присущих ранее самому ученому). Концепция Жулковского с одобрением была воспринята многими литературоведами в России. С точки зрения Жулковского, социалистический реализм — это исторически видоизменяющийся метод, обогатившийся к середине XX века за счет открытий новаторов литературы и объединяющий такие разные с формальной точки зрения имена, как Горький, Брехт, Шолохов, Маяковский, Арагон, Мальро, Кручковский и др. По тем временам это была свежая точка зрения. Однако в сознании большинства писателей к тому времени социалистический реализм связывался со схематическими произведениями и нормативными художественными рецептами.

Кстати, об отношении советских властей к Жулковскому. 13 февраля 1950 г. посол СССР в Польше Лебедев сообщил Беруту о том, что Москва отказала в визах для «деятели польской литературы Жулковского и Федецкого». В ответ Берут заявил, что ему неизвестно «лицо» Федецкого в прошлом, но вступился за Жулковского, который, по его словам, «усиленно работает над тем, чтобы стать хорошим марксистом и хорошим литератором». «Хотелось бы, — заявил далее Берут, — чтобы советские товарищи помогли нам его вырастить». Заступничество Берута не помогло Жулковскому, который в Советском Союзе всегда оставался под подозрением. В «президентском» архиве РФ хранится документ с пометками Сталина на полях, разосланный 18 февраля 1952 г. помощником генерального секретаря МИД СССР В.Н.Кузнецовым Сталину, Молотову, Берия, Маленкову, Булганину. Это запись его беседы с дочерью Ю.Мархлевского, в которой она давала такую оценку Жулковскому:

«Институтом литературных исследований руководит некто Жулковский [так в документе], журналист времен санации. В этом институте делают вид, что подготавливают марксистскую историю польской литературы. Жулковский — ловкий пройдолец, усвоил марксистскую терминологию, но не верит сам в то, что говорит».

В этой же беседе отмечалось, что Леон Гомлицкий — «бывший белогвардеец», что «в издательстве «Книга и знание» сидят бывшие и настоящие враги, шпионы и диверсанты».

После 1948 г. разворачивается масштабное советское наступление на польском идеологическом и культурном фронте. Так, 21 марта 1949 г. заведующий IV Европейским отделом МИД СССР С.П.Кирсанов направляет руководству «Предложения об усилении советского влияния на культурную жизнь Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы». Кирсанов считал, что значительная часть польской интеллигенции «еще не встала на путь прямой поддержки нового народно-демократического строя, еще идет на поводу у наиболее реакционной верхушки буржуазии, связанной тысячами нитей с реакционными империалистическими кругами западных стран».

Примечательно раздражение советского посла в Польше В.З.Лебедева в справке о теоретической конференции, посвященной работам Сталина по языкознанию, которая состоялась в Варшаве 4 декабря 1950 года. Он обвиняет в ней «польских буржуазных ученых, специалистов по языкознанию, прибывших из Кракова»: Нича, Дорошевского, Штибера, Урбанчика, Лера-Сплавинского (весь цвет польской лингвистики) — в том, что они «воспользовались предоставленной им трибуной для того, чтобы развернуть свое собственное знамя в защиту буржуазной идеалистической лингвистики, представителями которой они являются».

Яркий пример бесцеремонного советского отношения к польской культуре и вмешательства во внутренние дела Польши — письмо посла СССР в Польше Г.Попова В.М.Молотову от 25 августа 1953 г. по поводу польского национального гимна. В этом письме, в частности, говорилось:

«Польская Народная Республика до сего времени не имеет нового польского национального гимна, созвучного по своему содержанию эпохе, переживаемой Польшей (...)

Текст гимна в политическом отношении абсолютно устарел и по своему содержанию является антирусским и шовинистическим».

Рассматривая проявления советской имперской политики по отношению к Польше и ее культуре, надо иметь в виду и усилия творческой интеллигенции, в том числе полонистов, по распространению в России не только схематической и пропагандистской продукции, но и произведений польского классического литературного, театрального и музыкального наследия, которое поддерживало в обществе престиж польской культуры.

Политические события 1956 г. внесли существенные изменения в общественную и культурную жизнь и в Польше, и в Советском Союзе. В России живейший интерес вызвали те обновительные процессы, которые с середины 50-х протекали в польской культуре. Привлекало в них утверждение человеческого достоинства, выявление противоречий между стремлениями личности и удовлетворением ее потребностей, резкая критика извращений в общественной жизни страны, расцвет художественного эксперимента, издание широкого круга произведений польских и зарубежных авторов, ранее недоступных читателю, попытка пересмотреть навязанный пропагандой слщавый образ «советского человека» и многое другое.

Однако для политического руководства СССР Польша оставалась рассадником всякого зла. На этот раз — «ревизионизма», с которым под давлением КПСС развернула борьбу и ПОРП. Защиту устоявшихся догм в области литературы было призвано, в частности, проводить специальное литературное приложение к центральному органу ПОРП «Трибуна люду» — «Трибуна литератца». Стоило рецензенту «Вопросов литературы» критически отозваться о некоторых материалах этого приложения, как на него последовал донос. В своем письме в ЦК КПСС А. Дирингерова сообщала:

«Во втором номере журнала «Вопросы литературы» [1958] критик Хорев полемизирует с «Трибуной литератцой» (...). Стоило ли подрывать авторитет польской партийной прессы, борющейся в очень трудных условиях с ревизионистскими перегибами? На мой взгляд, не стоило. Так поступают критики и редакторы, которые из-за деревьев не видят леса, не охватывают совокупности вопроса, не разбираются в политической и литературной жизни сегодняшней Польши» (РГАНИ, ф. 5, оп. 36, д. 64, л. 4-11).

В ревизионизме была обвинена в советской печати редколлегия польского журнала «Опиние» («Мнения»), призванного представить польскому читателю подлинные ценности русской литературы вместо широко пропагандируемых в Польше схематических произведений социалистического реализма. Первый номер журнала вышел в августе 1957 года. В нем были опубликованы не издававшиеся в то время в Советском Союзе стихотворения Хлебникова, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, фрагмент романа «Доктор Живаго». Было издано всего два номера — после резких нападок на журнал в советской печати он был закрыт.

Советские власти пытались всячески воспрепятствовать новым подходам к изображению жизни в польской литературе. Посол П. Абраимов в докладной записке «О некоторых вопросах культурного сотрудничества между СССР и ПНР» сообщал в МИД СССР:

«...в октябре 1957 г. вышли две порочные по своему содержанию книги Е. Анджеевского «Темнота покрывает землю» и К. Брандыса «Мать Королей», вокруг которых польская пресса подняла большой шум и по которым была бы желательной реакция со стороны советской литературной критики» (там же, д. 57, л. 11-12).

В 1956 г. председателем правления Союза польских писателей был избран Антоний Слонимский (в 1959 г. его сменил на этом посту Ярослав Ивашкевич). О его приезде в 1958 г. в Москву МИД СССР доносил в ЦК КПСС:

«В 1958 г. Советский Союз по приглашению СП СССР посетил председатель Союза польских писателей А. Слонимский, известный своими антисоциалистическими взглядами и антисоветскими выпадами. СП СССР оказал Слонимскому исключительно теплый прием и незаслуженные почести. Более того, Слонимскому была предоставлена возможность выступить с изложением своих взглядов на страницах «Литературной газеты», что вызвало естественное недоумение прогрессивной части писателей и кругов партийного актива Польши» (там же, д. 123, л. 63-64).

14 октября 1958 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей партийных связей постановила обратить внимание редакции «Литературной газеты» на то, что она допустила грубую ошибку, опубликовав интервью с А. Слонимским, содержащие тенденциозную оценку положения в современной польской литературе.

В апреле 1960 г. посольство СССР в Польше подготовило письмо «О некоторых вопросах состояния идеологической работы в Польше». В нем говорилось, что после попыток реставрировать капитализм в открытой борьбе 1956 г. враг сосредоточил усилия на идеологическом фронте, что идет подрыв позиций социализма, который сказывается и в литературной жизни: съезд писателей во Вроцлаве в декабре 1958 г. «был превращен ревизионистскими элементами в руководстве Союза польских писателей во враждебную в отношении партии манифестацию» (там же, д. 128, л. 45-

49). Особое внимание обращалось на то, что «нормой поведения многих функционеров» стало пренебрежение советской культурой. «Учитывая ревизионистскую разболтанность, безответственность и упаднический характер творчества многих польских писателей и публицистов», посольство считало необходимым сохранение в Польше цензуры (там же, л.59).

Накануне съезда польских писателей в декабре 1965 г. Варшавское отделение писательского союза направило партийному руководству меморандум с протестом против цензуры и других ограничений творческой деятельности. В связи с этим советское посольство сообщало в Москву об оппозиционной деятельности К.Брандыса, Л.Колаковского, В.Ворошильского, Я.Бохенского, И.Неверли и др. Посольство приходило к выводам: польская литература «отстает от жизни», в ней не преодолены «чуждые социализму» течения, многие литераторы связаны с эмиграцией, ревизионисты обвиняют своих противников в антисемитизме, издание в Польше солженицынского «Ивана Денисовича» послужит «дискредитации советской действительности» (там же, л.217-218).

Бесцеремонно вмешивались советские власти в работу советских полонистов, которые пытались представить советскому читателю правдивый образ Польши, ее культуры и литературы. Полонистику, как и другие области, «опекали» не только Главлит, т.е. официальная цензура и добровольные цензоры — редакторы издательств, но и непосредственно высшее партийное руководство, инструкторы специального отдела ЦК КПСС, который занимался «братскими социалистическими странами». Приведу лишь два примера из собственной практики. В середине 70-х гг. я подготовил к изданию антологию современной польской литературной критики. Книга («Поиски и перспективы. Литературно-художественная критика в ПНР», М., 1978) вышла в свет в сильно урезанном виде после разгромной рецензии инструктора ЦК по Польше. В рецензии, в частности, говорилось:

«Необходимо исключить из сборника статьи Томаша Бурека «Скрытый роман» и Марии Янион «Война и форма», авторы которых тесно связаны с оппозиционными элементами в стране.

Представляется также целесообразным снять материалы двух литературных дискуссий: «Критика о литературе» (дискуссия в журнале «Ме-

сенчник литератки») и «О творчестве молодых писателей» (дискуссия в журнале «Нове ксьёнжки»), а также статьи Марина Стемпя «Сложные пути литературы народной Польши» и Влодзимежа Махёнга «Перед лицом войны и оккупации», поскольку они дают извращенную, пессимистическую картину истории развития польской литературы в послевоенные годы и содержат грубые выпады в адрес культурной политики Польской объединенной рабочей партии на отдельных ее этапах (...)

Следовало бы, по моему мнению, заменить статью Романа Шидловского «Польский театр: рубеж тридцатилетия», рассчитанную прежде всего на западного читателя, в которой автор разбирает в основном спектакли либо сомнительные в идейном отношении, либо поставленные в чисто авангардистском духе.

Желательно также заменить статью Зигмунта Грени «Драматургия Леона Кручковского», поскольку она дает несколько искаженное представление о творчестве этого выдающегося польского писателя и драматурга, одного из основоположников социалистического реализма в Польше (...)

Необходимо, по возможности, снять упоминания о Е.Анджеевском, одном из руководителей созданного в Польше в конце прошлого года пресловутого «Комитета защиты рабочих» — открыто оппозиционной антисоциалистической организации, деятельность которой, как и самого Е.Анджеевского, была подвергнута резкой критике со стороны ЦК ПОРП и лично тов. Э.Герика.

В отдельных статьях сборника упоминаются фамилии В.Гомбровича, С.Мрожека, К.Брандыса, С.Жулкевского. В.Гомбрович и С.Мрожек эмигрировали из Польши и выступали в свое время с антисоциалистическими заявлениями. К.Брандыс является одним из активных деятелей оппозиции. С.Жулкевский за свои ревизионистские взгляды был выведен из состава ЦК ПОРП.

По этим соображениям упоминание их фамилий необходимо свести до минимума» (*рецензия с личной подписью рецензента хранится в архиве автора*).

А в «Отзыве на статью о польской литературе для «Литературного энциклопедического словаря» (это уже 1987 год) тот же инструктор-рецензент писал:

«Во-первых, необходимо убрать из статьи все места, в которых говорится об угнетении Россией Польши, репрессиях царизма и т.д. Не секрет, что

оппозиционные элементы в Польше широко используют эти факты для разжигания в стране антирусских, антисоветских настроений.

Во-вторых, очень уж часто авторы статьи употребляют термин «патриотический». Нельзя забывать о том, что острое национально-освободительной борьбы польского народа в XIX веке было направлено прежде всего против царской России (восстания 1830 и 1863 г.) и русские нередко изображались как поработители и угнетатели поляков (...)

Необходимо изъять из статьи фамилии польских литераторов, связанных с оппозицией (К.Филипович, В.Шимборская, В.Терлецкий) или сдавших в знак протеста против введения военного положения партийные билеты (Т.Новак, А.Кусьневич)» (отзыв с личной подписью рецензента хранится в архиве автора).

Думаю, что процитированные выше отзывы не нуждаются в дополнительных комментариях, кроме того, что названные и другие имена польских творцов были хорошо известны широкому кругу русской интеллигенции, которая совершенно иначе, чем власть предрежущие, оценивала польскую культуру, в том числе современную.

Пик популярности в России не только польской поэзии, но и польского кино, театра, живописи — 60-е годы, когда Польша стала для русской интеллигенции, по словам Бродского, «источником культуры», «информационным каналом, окном в Европу и мир», когда многие в России (в том числе и Бродский) изучали польский язык, чтобы читать доступные тогда польские газеты и журналы, а также современную западную литературу в польских переводах, ибо «культурная информация, доходившая до России, была невероятно ограниченной».

«Польша была поэтикой моего поколения», — говорил Бродский в конце своего творческого пути, и эти его слова могут служить эпиграфом к полонофильским симпатиям в русском обществе в 60-90-е годы.

Об этом же свидетельствует и поэт В.Британишский, отдавший десятилетия своей творческой жизни переводам из польской поэзии. В статье «Польша в сознании поколения оттепели» он писал:

«Польское окно в Европу было одновременно окном в свободу, в свободу от бесчисленных запретов, из которых состояла наша российская жизнь».

В недавно вышедшей в свет книге воспоминаний Д.Самойлова «Перебирая наши даты» немало страниц посвящено размышлениям о Польше. «Резкая самостоятельность польского самосознания», польская национальная гордость, которые способствовали в самых неблагоприятных условиях созданию сильной и самостоятельной культуры, явились причиной его «любви к Польше, любви, позже ставшей как бы частью мирозерцания и не угасающей, несмотря на поступки польского общества, порой трудно приемлемые.

Любовь к Польше — неизбежность для русского интеллигента».

Большой интерес русских писателей и читателей к Польше начиная с 1956 г. не случаен. И в 56-м, и позже Польша выступала застрельщицей кардинальных общественных преобразований. Значительная часть русской интеллигенции восхищалась демократизмом польской общественной жизни по сравнению с Советским Союзом и завидовала полякам.

8 января 1971 г. известный литературный критик Игорь Дедков записывает в своем дневнике:

«За 14 лет поляки сами, миром, народом сменяют второе правительство. Польша не згинела. Нам такое недоступно (...) Нами правят — без идей, без лица, без языка — не правят, а взнуздывают».

«Как признаться стране в любви? — писал И. Дедков в дневнике в 1985 году. — В той самой любви, что смутна и нечленораздельна? В той, что, как всякую любовь, не выговоришь, не объявишь? Она накапливалась во мне с 56-го, нарастая потом стихами Тувима и Броневского, прозой Ясенского, сатирой Мрожека и Леца, фильмами Вайды, Мунка и Кавалеровича, книгами Брандыса, Брезы, Ставинского, Выгодского, Лема, музыкой радио Варшавы, наконец, поэзией Ружевича и Бачинского, долетающими фразами кардинала Вышинского, легендами о Варшавском восстании и еще — позже всего — тремя крестами, вставшими памятником в Гданьске.

Я еще много чего пропустил, много кого... Ивашкевича и Сенкевича, и даже службу моего дедушки в Варшаве в Первую мировую...»

25 августа 1980 г. Д. Самойлов сделал в дневнике запись:

«Молодцы поляки! Не сгинела, значит».

А драматург Михаил Роштин вспоминал в 1995 г. о том времени:

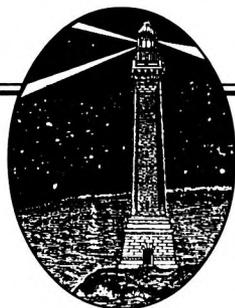

«Первый подлинно серьезный и даже сокрушительный удар нашему лже-социализму нанесла, конечно, верфь Гданьска. Помню, я написал экс-пропт «Да здравствуют поляки, рабочий и юрист, когда дойдет до драки, — пойдй у них учись»».

Многие созданные в 80-е — начале 90-х гг. стихотворения русских поэтов полны искренней симпатии и уважения к польскому народу, его истории, культуре и литературе. «Что-то есть в поляках такое!» — восклицал Борис Слуцкий в стихотворении «Месса по Слуцкому» (1987), а Николай Тряпкин славил «громкий псалом той любви и свободы, что в нас никогда, никогда не умрут», звучащий в польском костеле в Иркутске (в стихотворении «Костел в Иркутске», 1987). О Польше мечтал Владимир Корнилов: «Точно Речь Посполита, ты мне вроде мечты. А она до обиды недоступна, как ты» (стих. «Свидание», 1989). О «сумасбродной Польше» и «Москве кипящей» беседует с другом Евгений Рейн в стихотворении «Второе мая. Памяти Ильи Авербаха» (1990), символом Польши становятся для Генриха Сапгира поэзия Галчинского, памятники культуры в Кракове («Возвращение на Итаку»). Примеры подобного восприятия Польши и ее культуры можно умножать бесконечно. Они доказывают, что в области культуры политика советской власти проиграла поэтике. Устойчивым пластом сопротивления идеологическому давлению оставались национальные культурные традиции, которые не удалось вытравить из сознания людей либо приспособить их к нуждам коммунистической идеологии.

Вплоть до 90-х годов XX века каждый канон польской литературы, моделирующий ее историю, был в России зависим от политической конъюнк-

туры. Только в условиях демократического общественного развития, после отмены цензуры, наступило время, когда стало возможным представить польскую литературу без всяких изъятий, в реальном сосуществовании и противоборстве различных идейных и художественных течений. Несмотря на то, что российским полонистам в 1945–1990 гг. удалось познакомить русского читателя со многими ценностями польской литературы и культуры благодаря изданиям важных книг и антологий, в которых часто удавалось «протащить» и «неблагонадежные» произведения (например, «Божественный Юлий» Я. Бохенского), благодаря лекциям, предисловиям и комментариям к изданиям, в советские времена нельзя было и подумать, например, о переводах ведущих представителей польской литературы XX века — Шульца, Гомбровича, Виткация. Сегодня произведения этих авторов переведены на русский язык, но круг читателей польской литературы сузился, и не только по причине малого числа переводов с польского. С начала 90-х современную польскую литературу, например, представляет у нас почти в одиночестве популярная Иоанна Хмелевская — переведены почти все ее произведения, по которым поставлены и продолжают сниматься телесериалы. Массового русского читателя в ее иронических детективах привлекают не только фабула, возможность эмоционального сопереживания разных жизненных ситуаций, требующих находчивости и небанальных решений, но и занимательный для него образ современной Польши, отсутствующий в большинстве других современных польских романов, которых к тому же практически нет на нашем книжном рынке.

Томаш Поткай

ГОЛОВОЙ ОБ СТЕНУ

Рассказ о женщине, которая объявила войну коррупции в Польше

Юлия Питера нервничает, когда в помещении «Международной гласности» («Transparency International») перестает работать телефон. Значит, надо выяснять, кто должен заниматься починкой: домовладелец, районные власти, польский Телеком или сам абонент. Потом ремонт затягивается, без телефонной линии не работает интернет — и все польское отделение международной организации по борьбе с коррупцией и за гласность в общественной жизни оказывается отрезанным от мира. В конце концов она берет свой собственный мобильный телефон, звонит и громко, внушительно представляется своим мягким голосом: «С вами говорит Юлия Питера из «Международной гласности»».

— Этих нескольких слов бывает достаточно, — говорит она и сердится еще больше. — Ну совсем как в ПНР: стоит только припугнуть известным именем и стоящим за ним учреждением или организацией, — и удивляется: — Ничего не изменилось. Нам лучше удавалась конспиративная деятельность. Может, вообще не надо было выходить из подполья?

Польское отделение «Международной гласности» (неправительственной организации, основанной в 1993 г. в США бывшим директором Всемирного банка Питером Эйгеном) занимает две комнаты на третьем этаже дома 9 по Ординацкой улице в центре Варшавы. Много лет по этому адресу располагалось правление Союза польских студентов, единственной в ПНР студенческой организации. В конце 70-х в одной из комнат работал Александр Квасневский, штатный сотрудник СПС, ведавший вопросами культуры. Нынешняя «МГ-Польша» — это всего лишь три не очень новых компьютера, две штатных единицы, группа добровольных помощников и бухгалтерша. Председатель польского отделения МГ за свою работу ничего не получает. Она живет на депутатские суточные и гонорары за публикации в прессе. Ездит на двухлетнем «Форде-Фокусе». Свою предвыборную кампанию, принесшую ей четвертое ме-

сто и сорок тысяч голосов избирателей на прошлогодних выборах президента (мэра) Варшавы, Юлия финансировала из семейных сбережений. Рекламные ролики сделал муж Павел, режиссер по профессии (в восьмидесятых польское телевидение показывало снятый им популярный сериал). Помогал во время предвыборной компании и сын Якуб. Тогда, перед выборами, ей советовали уйти с поста председателя МГ: нельзя одновременно контролировать власть и участвовать в какой бы то ни было борьбе за власть. Однако Юлия Питера не отказывается от своих решений, если уверена в правильности сделанного выбора.

В разговоре она часто употребляет слово «порядочность». Это из детства, из, как говорится, хорошей варшавской семьи, в которой ПНР не смогла уничтожить «довоенных» добродетелей: чувства чести, добросовестности, общественной активности. Ее бабушка была основателем первых дружин девочек-скаутов во Львове, мать, ставшая после войны историком искусства, сражалась в Варшавском восстании. Отец — биохимик, профессор, ученый с мировым именем, открывший гормон роста. В семье вообще было много врачей, и отец хотел, чтобы дочь тоже выбрала эту профессию. Но у нее были другие планы: она решила стать актрисой.

Хоть экзамены в актерскую школу она провалила, интенсивная подготовка к ним под руководством Кристины Круликевич не прошла даром: Юлия перестала заикаться. Она окончила факультет польской филологии Варшавского университета, потом работала учительницей в лицее. В 1977 г. в костеле сестер-визитанток на варшавской улице Краковское Предместье священник и поэт Ян Твардовский обвенчал Юлию Закшевскую и кинорежиссера Павла Питеру. В том же году родился их единственный сын Куба.

Если бы не события 1989 года, Юлия так до сих пор и работала бы, наверно, со словарями и энциклопедиями в Институте литературных исследований. В политику она попала неожиданно, хо-

тя уж точно не случайно, как и многие ее ровесники, у которых с падением коммунистического режима появилась возможность заняться общественной деятельностью. Все началось с того, что она встретила Ярослава Качинского. Он работал в их институте библиотекарем — только такую работу мог найти тогда уже достаточно известный деятель оппозиции. После президентских выборов 1990 г. он стал одним из ближайших сотрудников Леха Валенсы и предложил Юлии работать в канцелярии президента. На новой работе она создала архив, занималась связями с различными политическими группировками.

— Приход в политику был для меня как прыжок в глубокую воду, — рассказывает Юлия, — хотя интерес к политике у меня с детства: еще совсем маленькой я была, как говорится, в курсе всего, что происходило. Однако во времена ПНР участие в официальной политической жизни было для меня неприемлемо. А вот когда мне предложили работать в канцелярии президента, сочла, что участвовать в строительстве нового государства потрясающе интересно, и согласилась. Я познакомилась с замечательными людьми, моими ровесниками, которые пришли работать туда из-за идей и убеждений, а не ради власти. Такое, наверно, уже больше никогда не повторится. Деньги? В общем, платили больше, чем в Польской Академии наук, но не высокая зарплата меня там держала. Поэтому я и не вступила в профсоюз (члена профсоюза труднее уволить), никогда не просила повышения.

Впервые в жизни она видела, как рядом делается история. В первый раз за все годы своей работы Юлия Питера могла наблюдать с близкого расстояния, как одна политическая компания сменяет другую. Позже она много раз видела это в местном самоуправлении.

— За все время работы в канцелярии я ни разу не дала повода подозревать, что работаю для кого-либо, кроме президента Республики, — говорит она, пытаясь объяснить то, что произошло потом. Когда дороги Валенсы и братьев Качинских разошлись, люди, связанные с Качинскими, были уволены из канцелярии президента. Среди них была и Юлия Питера.

Юлия пошла работать в управление совета министров, в отдел подготовки реформы административного аппарата. Там она научилась читать законы и правовые акты, и знания эти пригождаются

ей по сей день. Через несколько лет уволилась по собственному желанию. Потом она говорила, что причин было две. Первая — скука. Вторая — убеждение, что так называемый закон о Варшаве, над которым работал отдел, был плох.

Муж и сын уговорили ее выставить свою кандидатуру на муниципальных выборах 1994 года. Юлия участвовала в них в составе «Унии реальной политики», ратовавшей за приоритет частной собственности, низкие налоги и последовательный либерализм в государственной и общественной жизни. Выборы она выиграла и стала одним из 700 с лишним депутатов городского совета Варшавы.

Скоро Юлия поняла, что в совете есть немало людей, которых интересует не столько жизнь обитателей полуторамиллионного города, сколько концессии, продажа земельных участков, должности для себя, родных и знакомых. Решила, что как депутат не может допустить этого, и стала в полный голос говорить о том, что ей не нравится. С тех пор Юлия Питера стала неким парадоксом: для горожан она — один из самых известных и любимых депутатов городского совета столицы, а среди деятелей варшавского муниципалитета пользуется заслуженно плохой репутацией: слишком многим корыстным людям и группировкам перешла она дорогу.

Первое большое дело Юлии Питеры было связано с радио. В начале 90-х «Радио Зет», одна из крупнейших коммерческих радиостанций в стране, установила на автобусных остановках динамики, через которые транслировала свои программы. Чиновники, получившие деньги для города, были довольны, довольна была и радиостанция. Меньше радовались пассажиры, вынужденные волей-неволей слушать радиопередачи и рекламу, и уж совсем не рады были окрестные жители, обреченные день и ночь слушать радио (динамики работали круглосуточно). Жалобы в различные инстанции не помогали: на каждую из них приходил ответ, что динамики установлены на законном основании. После многих месяцев бесплодной переписки Юлия решила поинтересоваться, не противоречит ли эта ситуация какому-либо из международных соглашений, ратифицированных Польшей. Оказалось, что нарушается Европейская конвенция прав человека. Когда Юлия пригрозила, что обратится в международные правоохранительные органы, радиостанция пошла на попятную, и динамики с остановок исчезли.

Несколько месяцев спустя депутат Питера вместе с другими горожанами заняла площадку строящегося высотного дома и была выдворена оттуда полицией. Почему она сделала это? Просто считала протест варшавян справедливым. Средства массовой информации любят такие сюжеты, и депутата на руках полицейских увидела тогда вся Польша. Начались постоянные стычки Юлии с городским советом Варшавы, стычки, которые со временем переросли в настоящую войну.

В начале 1995 г. горсовет Варшавы вынес на голосование проект займа в люксембургском банке, предназначенного на постройку очистных сооружений в Южно район города. Юлия хорошо помнит это голосование, хотя подобных потом были сотни.

— «Правые вместе», депутатская группа, в которой я была тогда, не одобрила проект. Мы должны были голосовать за многомиллионный заем, не зная точно, куда будут вложены деньги, не имея даже постатейного плана. Мы решили, что это безответственно и голосовали против. Павел Пискорский, президент Варшавы, вышел из себя. Он закатил такую истерику, что я подумала: за этим займом, должно быть, кто-то стоит, — вспоминает Юлия. 35-летний Павел Пискорский, бывший президент Варшавы, до сих пор остается любимым отрицательным героем ее рассказов.

Но ее настоящая большая карьера началась несколько позже. 12 октября 1995 года городской совет Варшавы принял постановление о квартирном фонде президента города.

— На первый взгляд все выглядело хорошо: президент располагает квартирами (3% от жилого фонда каждой гмины), которые предназначены для людей, особенно потерпевших от ударов судьбы: погорельцев, сирот, бедняков или, например, репатриантов с Востока. Но когда я начала присматриваться, кто в первую очередь получает эти квартиры, то стало происходить что-то странное: за пять лет мне не удалось найти имен людей, которым президент выделил квартиры, как будто это было величайшей тайной. Потом я поняла, почему: квартиры из фонда президента, предназначенные для сирот и бедняков, получали прокуроры, судьи, чиновники мэрии и даже депутаты. В заявлениях на предоставление квартир попадались довольно интересные обоснования. Одна дама-депутат написала, например, что перенесла операцию на сердце и не может жить вместе с мужем из-за его сек-

суальных домогательств. Другая, наоборот, просила квартиру на том основании, что муж к ней охладел. Им не квартиры надо было давать, а новых мужей, — шутит Юлия. И добавляет уже серьезно: — Это постановление было для меня явным доказательством проникновения коррупции в государственный аппарат. Оно открывало простор для взяток.

В 1998 г. варшавское приложение к «Газете выборчей», крупнейшей польской ежедневной газете, опубликовало статью, где Юлия Питера анализировала порождающие коррупцию методы, которыми пользовался жилищно-строительный кооператив «Эхо-Инвестмент», чтобы завладеть самыми привлекательными земельными участками Варшавы. Хотя ей важно было раскрыть определенный механизм, она по своей привычке назвала всех по именам. В ответ на статью председатель кооператива Михал Соловов подал на нее в суд. Хотя истекает уже пятый год, решение суда, имеющее законную силу, все еще не вынесено. Однако Юлия уверена в своей правоте.

— Ничего, — говорит она, — я человек терпеливый, ждать умею.

В «Унии реальной политики» она пробыла четыре года, была даже членом ее совета, но в конце концов ушла оттуда. Почему? Потому что заместитель бурмистра района Урсинув, член УРП, использовал 32 гектара земли не по назначению, не вернув их законным владельцам, хотя в либеральной УРП право собственности — понятие святое. На следующие выборы, в 1998 г., Юлия вышла в составе «Избирательного действия Солидарность», годом раньше выигравшего парламентские выборы. Уже будучи депутатом от ИДС, она произвела сильнейшее за многие годы политическое землетрясение в Варшаве, когда с семьей другими депутатами вызвала раскол правящей в столице коалиции ИДС и «Унии свобод». Чтобы сохранить свой пост, президент Павел Пискорский заключил тогда коалицию с экс-коммунистами, а Юлия вместе с другими «раскольниками» основала свою группу «Варшавское согласие» и перешла в оппозицию. В наказание совет отозвал ее с поста председателя ревизионной комиссии, той самой, что должна следить за избранными, нечестными на руку.

— Конфликт между госпожой Питерой и нашими депутатами был настолько острым, что мы не могли ее защищать, — заявил после ее снятия

Пшемислав Гнедзевич, глава депутатской группы ИДС. Через несколько лет в интервью газете «Слово польске» Юлия так сказала об этих событиях: «Меня интересует не то, кто творит несправедливость, а только то, что несправедливость совершенна. Более того, если непорядочно поступают люди из моего политического окружения, я воспринимаю это еще острее».

В 1998 г. по приглашению американского посольства Юлия поехала в Вашингтон на конференцию по противодействию коррупции. Там ей предложили вступить в члены «Международной гласности», с которой она уже встречалась в Польше несколько лет назад. В мае 2001 г. ее выбрали председателем польского отделения организации. В одном из тогдашних интервью она сказала: «Бизнесмен, который дает взятку, чтобы выиграть тендер, — такой же преступник, как и начальник, от которого зависит решение».

Деятельность МГ — это несколько программ: оперативная (вместе с газетой «Жечпосполита») — реагирование на сигналы со всей Польши о предполагаемых проявлениях коррупции; программа повышения уровня этики в бизнесе, в которой фирмы-участницы обязуются строго соблюдать антикоррупционные нормы и получают за это специальный товарный знак; программа «Гласность в местном управлении», присуждающая звания «гмина гласности» или «повет гласности»; служба гласности в здравоохранении и программа изучения опасности коррупции в таможенной службе. Кроме того, Юлия Питера сама отвечает на письма.

— На это уходит много времени, но пишут-то лично мне, — говорит она. — Ответ на письмо — проявление культуры и уважения к человеку. Так учили меня родители.

Особую известность принесли МГ ее отчеты. Каждый год она публикует так называемый индекс коррупции, который выводится на основе полтора десятков независимых исследований, проводимых семью различными институтами изучения общественного мнения, в том числе такими известными, как банк Гэллага, «Прайсвотерсхауз Куперс» или Всемирный экономический форум. Эти исследования создают портрет каждой страны и дают обоснованное мнение о положении в ней дел. Что касается Польши, это мнение, к сожа-

лению, не самое лучшее. Согласно данным прошлого года, по распространению коррупции Польша с каждым годом занимает все худшее место. Она стоит 45-й среди 120 стран, с оценкой 4 балла из 10 возможных (в 1996 и 1997 гг. у Польши было 5,8 балла). Для сравнения: наименее коррумпированная страна мира, Финляндия, получила по этой шкале 9,7 балла, а замыкающие список Россия и Украина — соответственно 2,7 и 2,4 балла. Но несмотря на эти выводы и всё новые разоблачения коррупции в верхах, Юлия Питера сохраняет оптимизм.

— Мне кажется, люди с каждым годом все меньше боятся. Скандалных дел так много, потому что о злоупотреблениях говорят. Еще несколько лет назад в МГ приходило множество анонимок. Ныне письма без подписи стали большой редкостью. Это хороший признак, — говорит она. И хотя через 13 лет после падения коммунизма Третья Речь Посполитая еще не стала тем государством, о котором она мечтала, ее убеждение остается твердым:

— Государство — это добровольный выбор, и если кому-нибудь это государство не подходит, он может уехать туда, где ему больше нравится. К счастью, мы дожили до времени, когда у каждого есть заграничный паспорт. Вот почему я не могу понять тех, для кого государство — лишь средство, чтобы заработать деньги для себя и близких. Государство — наше, оно добровольное, поэтому мы должны заботиться о нем.

Она мечтает написать книгу, что-то вроде мемуаров, хотя на такую работу времени у нее нет и не предвидится. Разве что когда-нибудь потом, когда почувствует себя совсем усталой. Хоть ее и считают неутомимой, бывают минуты, когда и у нее опускаются руки.

— Многие мои друзья, замечательные люди, пришедшие в политику одновременно со мной в начале 90-х, оставили это дело, нашли себе другие занятия. Им надоело, ведь сколько можно биться головой об стену? — спрашивает она. — Нет, ну в самом деле?

Сама она делает это уже без малого десять лет. И по-прежнему наивно верит, что одна хрупкая, но бесстрашная женщина может хоть немного изменить мир.

Лешек Длугош

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХИ

Петр Мицнер

ЛЕШЕК ДЛУГОШ

Что нужно знать о Лешек Длугоше?

Для любопытствующих:

Родился в 1941 году. Учась в средней школе, одновременно обучался игре на фортепьяно. Продолжал учиться музыке и тогда, когда стал студентом отделения польской филологии в Ягеллонском университете. Писал песни для студенческого кабаре. В 1956 г. начал выступать в замечательном краковском кабаре «Погребок под Баранами», с которым оставался связанным до 1978 года. В 1964-1966 гг. учился на актерском факультете Театрального института в Кракове. Играл в кино, в частности в кинофильмах Анджея Жулавского.

В общем пространстве

Герои романов изначально
Живут жизнью мертвых.

Уже в первой главе
Ход событий предопределен.

Ничего не изменится.
Апелляции невозможны.

В один и тот же час (в любом издании)
Прибудет поезд для Анны Карениной.
Консул в который раз останется
Под Вулканом.

Так же бережно
И ничуть не иначе
В финале склонится терновник
Над Тристаном и Изольдой.
Как написано так и будет.

Точно так же однажды и мы
Наконец ускользнув (как нам хочется верить) из тела
Невесомые вольные
Начнем такую же жизнь

Слово — жест
Намеренье — случай
Все что было здесь с нами
Будет по-прежнему повторяться
В том же порядке
Ни на волос не иначе

Чем запишет (если запишет) чья-нибудь память

В этом общем пространстве

Где все равны
Собираются
Тени из прошлой жизни
Со страниц романов
И страниц реальности.
Я вижу как они толпятся
Перед входом в чистилище
Жмутся друг к другу.
Слышу как они повествуют

(Без особой охоты
И не то чтобы оживленно)
От том
Сквозь какой рай и ад
Прошли они прежде
Чем так или этак сюда добрались.

Ноты

Мы словно птицы спящие в гнездах
На нотном стане
Где же тот кому ведом секрет
Наших полетов

Без козырей

— Нет больше дамы
— Нет короля
— Нет ни страха
— Ни боли
Только теперь — под сводом из дерна
Только теперь — при свете корней
Сыграем в открытую — без козырей

Издal девять книг своих текстов (песен и стихов), выступает с концертами, записывает диски. Живет, разумеется, в Кракове.

Для эмоциональных:

Как верно говорит видная актриса Тереса Будзиш-Кшижановская, Длугош «разговаривает своими стихами». И не только своими. Он положил на музыку стихи Яна Кохановского, Ежи Либерта, Юлиана Тувима, Станислава Балинского. Положенные на его музыку, они заговорили его характерным голосом.

Длугош — не звезда, он хозяин, а его концерт — не концерт, а приход в гости, дружеская встреча. При этом его композиции чрезвычайно изысканны (но это закамouflировано), изящны. Под простотой таится лирическая шутка, зачастую самоирония. По-своему затрагивает он и самое главное: то перешучиваясь с Господом Богом, то посмеиваясь над безжалостным бегом времени. В моем воображении Лешек Длугош сидит над рекой времен и ловит рыбу.

В его песнях и стихах переплетаются печаль и бодрость, взрослая мудрость и детская радость. Попросту Длугош умеет выразить то, что все мы чувствуем, только стесняемся в этом признаться.

А какой он рассказчик! Жаль, что вы его не слышите...

Могила Стравинского

Здесь на венецианском кладбище
На стыке земли облаков и моря
Так же как в жизни
 На перекрестке стилей эпох языков
(Он начинал по-французски чтобы пробившись
Сквозь англо-немецкие дебри кончить фразу
По-русски)
— Здесь на венецианском кладбище
Надгробный камень Стравинского

Вечный скиталец
 Из чаши северных мифов
Сквозь дикий огонь плясового ритма
К благоговейной С и м ф о н и и П с а л м о в
 От фольклора к додекафонии
Из Москвы и Парижа в Нью-Йорк
Беспрестанно — т у д а и о б р а т н о
Были ли он где-нибудь — у себя?
Вечное заграничье...

Верный до гроба — Посол одного и того же Дела
Он был кочующей
Летучей Столицей Музыки
Двадцатого века
 Здесь на венецианском кладбище
На стыке земли облаков и моря
 Ради какой любви и какой тайны
Именно здесь, рядом с Дягилевым
В одной из многих стран тех лет?
 Может затем чтобы вспомнить тот Город?
 На стыке земли облаков и моря
Что называл он когда-то в юности
Санкт-Петербургом?..

Не знаю
Но это немного похоже на правду

Встреча с Тремя Волхвами

I

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Что за немочь вас не пускает?

Уж весна на пороге
А вы все в дороге
Хоть река уже лед ломает.

Может, я слишком скоро
Прибежал в этот город
Нет вестей — но не мог я иначе.

Мать сыночка рожала
На тот свет провожала —
Здесь не слышно детского плача.

Нерожденного Бога
Встретит ночь у порога
За столами здесь глухо молчат.

Ангел скрылся в метели
Разглядеть не успели —
Не бегут не зовут не кричат.

II

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Вести слишком дурные, чтоб верить.

Но скажите, скажите
Отчего вы молчите
Отчего не спешите проверить?

Где звезда? Отсияла...
Ваша сила пропала
Иль дороге вы больше не рады?

Где даров ваших груды?
Расседлайте верблюдов
Постоим у лозы виноградной.

Вон как речка играет
Острова омывая
Ветер чайку к волне прижимает

Тростники зеленеют
Песней с берега веет
Наша ива опять расцветает...

III

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Время вышло — пора вам в дорогу

Вы расскажете дома
То что видели сами:
Здесь не ждут, а живут понемногу

Здесь река полноводна
Рыбы сколько угодно
Но любви не хватает жестоко

Неземное сиянье —
Одно лишь название
А от неба до неба — далеко...

У гроба Сырокомли
(Экскурсия в Вильно)

Ты погребенный так
Что надо сквозь кордоны
Продаться
Чтоб пучок травы охапку
Родного слова
Положить к Твоей могиле
Спи, Товарищ, твои бранные останки
Не вздохнут и не поймут
Какие были грозы —
И какие весла разгребали
Хаос времени
И заводи печали

Преданный земле в своем краю
Ты теперь лежишь в чужом...

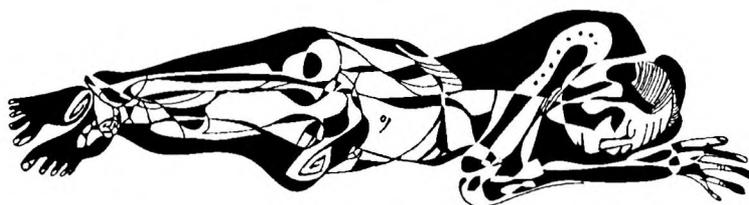
Душе и горя мало —
Ведь душа не знает
И не знала
Где кордон
Меж племен
— Ходит чаша круговая
Длится нота золотая
Над границей вне времен
Ты здесь среди своих Ты свой
И что нам договор чужой?

Так прими же вздох привета
Из-под Вавеля со мною
Долетел он в город Вильно
В этот час
К Твоей могиле

Спи, Товарищ, во мраке гроба
А за песни — поклон особый.

Пусть пасхальные барвинки
Оплетут Твой скорбный камень
Польских, русских и литовских —
Здесь их много разных. Амен.

Вильнюс, апрель 1993

Я другое дерево

Я другое дерево
Не чужое, просто другое
Я другое дерево
Услышь меня, о Вселиственный
Всемогущий Разноголосый
Я пою о себе, а значит и о Тебе.
Я — другое
Отдельное дерево общего Дерева.
Ты ведь полон Деревьями до горизонта
Ты поймешь и простишь
Я не забуду, что я лишь одно из Твоих деревьев.
Помни и Ты —
Что на весь Твой бескрайний простор
И на всю Твою вечность
Я — только одно т а к о е
И только однажды
Не чужое — другое
Д р у г о е
Просто другое дерево.

Никогда и нигде так не будет
Это место со мной повенчано
Никогда и нигде облака
Так не будут молчать надо мной
И только однажды, однажды за целую вечность
Прошьявают они
Над моей головой...
Я другое, другое дерево.
Я пою о себе, а значит и о Тебе.

Я в Тебе, я в сплетенье деревьев
Я слышу единую музыку
Не забуду — помни и Ты
Голос у каждого свой
Значит, мне в ствол ударит
Мое безмолвие.
Так позволь —
Видеть так, как я вижу
Говорить, как я понимаю
Дышать, как умею
Позволь мне любить, как могу.
Я не чужое
Д р у г о е
Я просто д р у г о е
Другое
Отдельное дерево общего Дерева
Понимаешь ли Ты?..

В свою защиту

Если Бог когда-нибудь спросит меня
Что я делал на белом свете
Я подумаю, низко пред Ним склонясь —
Без греха-то ведь кто?..
Разве дети...

Помолчу, осмысляя вины своей жуть
А потом наконец
Скажу:
Там, где бьет чудесный любви родник
И я к истоку приник
Все, что только
И как только
Можно любить
Я любил
И любовью жил.

Если Господь при своем дворе
Все же найдет мне место
Об одном попрошу Его — поскорей
Направить меня в оркестр
В самую скромную из капелл
При троне Его крылатом
Чтоб я Ему сыграл как умел
Как я играл когда-то
И хотя душа уже в небесах
Для нее все земное —
Рядом.
Господи, слышал ли Ты, как в садах
Весна звенит над Попрадом?
Когда в восторге — лицом к лицу
Любящие молчаливы
А ветерок над рекой танцует
Играя листьями ивы
То темной
То серебряной стороною их повернет...
И тут-то — я уже слышу — Господь вздохнет
И скажет, вздохнув еще тише:
«Ах, да, я, кажется, слышал...»

Лешек Длугош наверняка известен как исполнитель авторских песен и заметная личность в краковском кабаре «Погребок под Баранами». Но, пожалуй, не все знают, что он еще и прекрасный поэт. Это незаурядный и совершенно немодный артист.

«Душа на плече» — последний сборник его стихов и песен, изданный вместе с диском. Я принимала участие в замечательном вечере, когда представляли эту книгу. Лешек разговаривал с людьми своими стихами, пел песни, играл — в тот вечер он был воистину артистом. Люди, которые едва умещались в зале, были, как и я, взволнованы его личностью.

Он знает, откуда вырос и куда идет. Он не иконоборец, которому хотелось бы все начинать заново. Его стихи говорят о корнях. В них есть уважение к другим, к тем, что были раньше, лучше, а это среди наших современников позиция непопулярная. Лешек — человек в наше время необыкновенный, чудесно несегодняшний. Однако я уверена, что его чувства, то, как он воспринимает и комментирует мир, многим близки. Он умеет остановить мгновение, в которое слышна тишина. Умеет остановиться возле осыпанного алмазными розами куста, как в стихотворении «Под францисканской сенью». С нежностью, проникновенностью, но в то же время сдержанно и просто. Он прекрасно рассказывает о мире, о жизни, о людях, об искусстве. Я люблю то, что делает Лешек Длугош, потому что меня это попросту трогает. Трогает меня эта простота в соединении с прекрасными и сильными чувствами, которые он вкладывает в свои внимательные рассказы о мире и о себе в этом мире.

В суматохе, сопутствующей нам каждодневно, минута с его стихотворением или песней помогает набрать дыхания и лучше жить. И хотя этот сборник стихов — для всех и каждого, а все-таки прежде всего для тех, у кого есть хоть какие-то эмоциональные связи и с Краковом и кому, не дай Боже, пришлось этот город покинуть.

*Тереса Будзиш-Кишижановская,
одна из самых выдающихся польских актрис, в настоящее время работает
в варшавском Национальном театре; преподаватель Театральной академии*

Павел Хюлле

Перевод
Анатолия Ройтмана

МЕРСЕДЕС-БЕНЦ (фрагмент)

ХЮЛЛЕ — МАНН
ГДАНЬСК — ДАНЦИГ
Двойной портрет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
Смешанная техника

Лешек Шаруга

ТАЙНА ОПЫТА ИНИЦИАЦИИ

Павел Хюлле — писатель, который в высшей степени сознательно обращается к своим литературным мэтрам: так было в его дебютантской повести «Вайзер Давидек» (русский перевод в «Иностранной литературе», 2000, №5), в которой можно обнаружить преобразованное эхо прозы Гюнтера Грасса, так — и в опубликованной недавно новелле «Мерседес-Бенц», демонстрирующей восхищение литературным творчеством Богумила Грабала. Отмеченная «литературность» творчества гданьского писателя отнюдь не означает копирования готовых образцов. Это, несомненно, ху-

Дорогой пан Богумил, это был наш постоянный спор, как бы рефрен каждой поездки, с этим поворотником, неправда, что я забывал его включить, а вот и нет, я никогда не забывал, но, сами согласитесь, например, на площадке для вождения, когда кроме нас нет никаких других автомобилей, велосипедов или пешеходов, или на дороге, как возле той бензозаправочной станции, когда никто не приближался ни сверху, со стороны кладбища, ни снизу, со стороны площади Народных Собраний, ну, согласитесь, пан Богумил, какой смысл включать тогда этот мигающий свет, все равно что морской маяк среди бела дня, то есть совершенно без надобности, но панна Цивле была другого мнения и в подобной ситуации неизменно говорила несколько обиженным тоном: пан Павел, поворотник мы включаем даже в пустыне, — и тогда я как всегда чувствовал, что жизнь снова описывает свою петлю, эту *mięodadnou smyżku*, потому что вспоминал эти ваши уроки езды на мотоцикле ява и задумывался — когда вы сворачивали с Вацлавского Намести, скажем, на улицу Краковскую, напоминал ли вам инструктор — прошу выставить руку вправо, — ведь тогда на мотоциклах не монтировали еще поворотников, ну и наверняка этот момент езды с одной рукой на руле должен был стоить вам нервишек, не говоря уже об инструкторе, так вот тогда, рядом с бензоколонкой и кладбищем, панна Цивле произнесла это свое сакраментальное — пан Павел, поворотник мы включаем даже в пустыне, с но именно тогда я не успел ни подумать о вас, пан Богумил, ни ответить панне Цивле столь же сакраментальным — тогда поедем в Гренландию, — потому что перед самым поворотом налево ее крохотный фиат кашлянул, икнул, выстрелил из выхлопной трубы и решительно остановился. поэтому нам пришлось выскочить из него и толкать эти несколько метров круто в гору, чтобы затем свернуть влево, и когда он начинал уже катиться с горки к бензоколонке, мы должны были одновременно запрыгнуть в него, каждый со своей стороны, и так доехать по инерции до распределителя, что нам удалось выполнить с неожиданно симметричной точностью, совсем так, словно мы с панной Цивле были танцевальной парой фигуристов, знающих глубочайшую тайну своей профессии, то математическое в сущности определение зеркальных движений, которое говорит, что симметрия есть не что иное, как неизменность в преобразованиях, та точка зрения до и после перемены, предполагающая, несмотря ни на что, известное космическое равновесие: верха и низа, левого и правого, тела и духа, речи и молчания, атома и вакуума, словом, небытия, из которого возникает материя, как всегда в симметричных противоположностях. — Вставьте-ка шпанг — панна Цивле ка-

кое-то время боролась с ключиком бензобака — я пойду за счетом — и двинулась в сторону кассы, а я, дорогой пан Богумил, с этим шлангом в руке, низко склонившийся над бензобаком крохотного фиата, поворачивал голову, как жена Лота, чтобы восхититься необыкновенно плавным шагом панны Цивле, ее прекрасными движениями, в которых не было ничего от липких леденцов, ничего от фильмов пани Орловской, ничего от атмосферы клубов *peep show dance*, нет, панна Цивле плыла к кассе бензоколонки, как лань из «Песни песней», и, скажу я вам, дорогой пан Богумил, эти ее черные джинсы, темная шелковая блузка, туфли-лодочки, кожаный жилет и серебряные клипсы, то и дело поблескивавшие среди волн распущенных медно-каштановых волос, что все это, отраженное в гладких поверхностях стекол бензозаправочной станции, многократно усиливало небывалый эффект чистой красоты, плывущей в фиолете майского заката, но созерцание было недолгим, панна Цивле выбежала из помещения станции очень быстро, она была взволнована — холера ясна! — кричала она — погодите заправляться, я забыла взять деньги, а они не хотят давать по регистрационному удостоверению, потому что их у них уже целых три ящика, посидите в машине, я быстро сбегаю, это же недалеко отсюда — зачем вам бежать на эту гору — сказал я, отводя шланг в сторону, — я заплачу — и уже минуту спустя мы снова сидели в ее крохотном фиате — можем ли мы куда-нибудь поехать, хотя бы к морю — на мгновение она заколебалась, продолжать ли — знаете, так уж бывает, что, когда на меня нападает хандра, я сажусь по вечерам в свой фиат и еду себе куда-нибудь, иногда человек просто должен выйти из дому, без конкретной цели, поедемте, вы рассказывайте, мне это очень понравилось. Скажите, а история с этими дедовскими автомобилями уже издана, я бы хотела ее прочитать, может, у вас есть экземпляр, Ярек ошалел от радости — нет — мы медленно двинулись вниз до улицы Третьего Мая — я и не думал никогда, что это можно описать — можно? — она вопросительно взглянула на меня — просто необходимо, это же фантастика, этот железнодорожный переезд и ситроэн, или эта стена во дворце князя, но больше всего я бы хотела услышать и прочитать об этих соревнованиях воздушных шаров, о гонке за лисом и об автомобильном клубе. Что еще я могу рассказать? — я свернул с включенным поворотником на мост Блендника — последняя гонка состоялась не весной, а в августе тридцать девятого, и, как и всегда, дедушка Кароль тщательно готовился к ней, как и всегда, бабушка Мария сопровождала его в качестве пилота с планшетом на коленях, однако на этот раз воздушный шар, а точнее аура, сыграл шутку со всеми, погода была прекрасная, птицы ходили по жнивью, но в разогретом за все знойное лето воздухе ни один более сильный порыв ветра не хотел выползть из мешка Борея, шар медленно перемещался в сторону Дунайца и завис точно посередине реки, некоторые водители стали переправляться паромом в Верхославицы, рассчитывая на то, что в конце концов он полетит на ту сторону, другие ждали на этом берегу, не веря в такой оборот

дожественная игра, но игра, зачастую интерпретируемая как постмодернистские интертекстуальные забавы, с очень четко определенной ставкой: это игра, ставка которой — язык прозы. Хюлле, опубликовавший также сборник стихов, стремится к преодолению недостатков польского искусства повествования. В стране поэтов — так нередко определяет польскую литературную действительность критика — проза не добивается заметных успехов. Шансом на успех стала ее поэтизация: насыщение повествования лирической многозначностью. Впрочем, это не новое решение вопроса: подобное направление поисков можно обнаружить уже в прозе «Молодой Польши» — у Вацлава Берента, Кароля Ижиковского, а позднее и у Бруно Шульца. В превосходной работе Владзимежа Болецкого «Поэтическая модель прозы» исключительно точно описаны эти искания.

В эту-то «поэтическую модель» вписывается творчество Павла Хюлле. Его первый роман — это насыщенный таинственностью рассказ об исчезновении главного героя. Проводимое по этому делу милицейское следствие, которое руководствуется рациональными предпосылками (Вайзер стал причиной взрыва, после которого след его исчез), неспособно добраться до магического мира мальчишеских переживаний, сконцентрированного вокруг личности Давидека. Те, кто уцелел после того взрыва, даже и во взрослой жизни, много лет спустя после описанных событий, не в состоянии расшифровать, что же тогда произошло. Эта тайна сопровождает их на протяжении всей жизни, вписанной в новейшую историю страны: с 1956-го по 80-е годы — это «реалистический» пласт повести.

Подобное происходит и в следующих произведениях Хюлле, как и в его последней книге. Многозначный таинственный мир прошлого, безвозвратно утерянный во взрослой, подчиненной давлению реалий жизни, представляет собой ни к чему несводимую точку отсчета сознания героев.

«— Ты бы хотел, чтобы было как раньше? — спросил я.

Алек не ответил, но в его глазах я увидел тень глубокой меланхолии, сознание бренности бытия, полное сожаления не о первомайских празднествах, речах вождей или цензуре, но о времени, которое было дано нам лишь однажды».

Упорядоченности прошлого отвечает беспорядок, хаос нынешнего существования. Причем та упорядоченность основана на таинственной многозначности, а хаос, парадоксально, опирается на очевидность и ясность наблюдаемых явлений. Опыт инициации, представляющий собой не выражаемое в рациональных категориях посвящение в судьбу, — один из центральных мотивов этого писательства. Больше того: только литература дает единственную возможность выразить этот опыт, который определяет все дальнейшее поведение героев этих повествований. Ибо «лишь однажды» дается человеку полнота переживания, раскрывающая смысл бытия. Это просветление, повторение которого невозможно, возвращается во взрослой жизни как воспоминание чего-то, что, хоть и без былой ясности и очевидности, всякий раз является оживлением не всегда полностью осознаваемого императива жизни в достоинстве и правде.

Вследствие этого императива реалии сиюминутности, хотя они и присутствуют, как бы берутся в скобки: они случайны по отношению к сфере, открывшейся в пережитом в молодости просветлении. Могло бы показаться, что мы имеем дело с литературой, которая — что нередко ставит в вину новейшей польской прозе критика — отворачивается от исторической или общественно-политической проблематики. До известной степени это так: и Павел Хюлле, и Ольга Токарчук или Анджей Стасюк не занимаются подобными проблемами непосредственно. Тем не менее, в основе повествования всегда можно обнаружить существенные отсылки к состоянию современного человека, с тем лишь отличием, что не указанные обстоятельства фор-

дела, но шар, как будто тронутый невидимой рукой, ведь никто не чувствовал ни малейшего дуновения ветра, стал подвигаться на юг и при этом строго вверх по течению реки, а говоря еще точнее, двигался идеально над руслом Дунайца, над самой серединой его быстрого течения, и выглядело это так, словно тянули его на веревках тритоны, направляющиеся к истокам, так что гонка на этот раз выглядела достаточно необычно, автомобили и мотоциклы двигались вверх по течению Дунайца по обоим его берегам словно почетный эскорт, и у всех, казалось, были равные шансы, по крайней мере пока сильный порыв ветра не сместит шар на левый или правый берег, так что, когда часть участников медленно ехала через Войнич, Мельштын, Чхов и Лососину-Дольную, отряд не менее многочисленный двигался через Зглобице, Закличин, Рожнув до самого Грудка, но это был не Грудек-Ягеллонский, тот, под Львовом, а разумеется, Грудек-на-Дунайце — ну а по какой стороне — прервала меня панна Цивле — ехал Мерседес-Бенц вашего дедушки? — Вот именно — я несколько сбросил скорость на брусчатке Сенницкого моста, откуда видны были могучие тела судов и буксиры у освещенных набережных — дедушка с бабушкой ехали через Рожнув и Грудек, то есть правобережной стороной — что-то сдается мне, Марыся — повторял дедушка, вертя в пальцах давно погасшую сигару — что он все-таки прилетит к нам — я в этом вовсе не уверена — отвечала бабушка — боюсь, Каролик, что он с таким же успехом может полететь к ним и приземлится где-то под Лимановой, и тогда — она взглянула на карту — мы наверняка не выиграем, ведь ближайшая переправа у нас будет либо в Новом Сонче, либо мы вернемся в Чхов. — Ну и представьте себе, пан Богумил, — мы ехали на Стоги вдоль Мертвой Вислы — что воздушный шар завис почти на самом краю Рожновского озера, точнее, между Тенгобожем на левом берегу реки и Збышцами, которые лежали на правом берегу, и так он висел в воздухе неподвижно с добрых полчаса, поэтому участники повыходили из автомобилей, запарковали мотоциклы, повинымали корзинки с провиантом, и начался обыкновенный пикник, и только дедушка Кароль не принимал в нем участия, не выходил из Мерседеса, на крыше которого бабушка Мария установила это их специальное приспособление для измерения силы и направления ветра, этот флюгер на шесте со счетчиком оборотов и небольшим барометром — что-то дрогнуло — шепнула, наконец, бабушка Мария — немного, но в нашу сторону — складывай все и садись — шепотом ответил дедушка — и, прошу себе представить — мы ехали теперь сосновым лесом вдоль трамвайной линии и дюн до самого пляжа — что когда они двинулись в обратный путь на Грудек, их провожали удивленные взгляды отдыхающих дам и господ, но длилось это недолго, потому что, когда более сильный порыв ветра переместил шар на их сторону, все вдруг вскочили с травы, завели машины и помчались за Мерседесом дедушки, который буквально через пятьсот метров после Збышиц свернул в сторону Коренной, то есть на восток, так как именно в этом направлении с минуты на минуту

усиливался ветер — Гжибув или Ценжковице? — спросил дедушка, когда с головокружительной скоростью шестьдесят пять километров в час пронеслись они мимо последних домов Войнаровой — пожалуй, Ценжковице, через минуту поворачивай налево — ответила бабушка Мария, ну и она не ошиблась, потому что воздушный шар, который именно в этот момент появился в каких-нибудь трехстах метрах от капота автомобиля, полетел теперь довольно быстро в точно указанную сторону, но на этот раз не дано им было выиграть эти соревнования — я запарковал фиат возле трамвайного кольца и мы двинулись с панной Цивле по тропинке к пляжу — как и никому другому, поскольку когда шар парил над Бобовой, из-за невысокого холма над рекой Белой грянули залпы противозащитной артиллерии, серые облачка расцвели вокруг красочного купола и гондолы, ну и случилось, один из снарядов продырявил оболочку, и шар опустился на луг как огромный парашютист, а аэронавт хорунжий Шубер был немедленно окружен и арестован отрядом Корпуса пограничной охраны, чему сопутствовал ужасный скандал, так как у аэронавта Шубера не было при себе лицензии и никаких документов, удостоверяющих личность, зато при нем был фотографический аппарат и его приняли за немецкого шпиона, не помогли уговоры прибывшего на помощь дедушки Кароля и других участников, не помогло объяснение, что воздушный шар зарегистрирован и имеет обозначение «SP-ALP Мостице», не помогли поручительства всех господ инженеров и техников вместе взятых, капитан Рымвид Остоя-Кончипольский был неумолим, он велел всем собравшимся отправиться под конвоем в ресторан пани Клонгмановой и там дожидаться дальнейшего оборота дел, вот таким был последний полет воздушного шара «SP-ALP Мостице» и последняя гонка за лисом: в ресторане пани Клонгмановой подавались перепелки, жаркое из телятины, зразы, карп по-еврейски, украинский борщ, вареники, гусиная печенка, жареная марена, маринованные грибы, фаршированная утка, свиная грудинка с черносливом, лопатка, ребрышки, говяжий бульон, отварное мясо, и все это в букетах овощей и салатов, а к этому пиво окоцимское, пиво живецкое, чешское пльзеньское, пять сортов водок Бачевского, французские коньяки и шампанское, венгерские вина со складов господина Липпоча, ну а на десерт горячий шоколад, фисташковое мороженое, виноград, пирожные, эклеры, пишингеры и цвибак, кофе, чай, синалко, малиновый сок, лимонад, цены доступные, так как куда там было Бобовой до Ивонича, Трускавца или Криницы. — О, Боже, как у меня бурчит в животе — засмеялась панна Цивле, садясь на песок — под таким арестом я бы тоже хотела посидеть, только чтобы иметь немного денег. Долго их там держали? — Примерно часа три — я уселся рядом с ней — только аэронавт хорунжий Шуберт был в гораздо худшей ситуации, так как его забрали на допрос в комендатуру и кроме стакана воды ничего больше не дали, ну а тем временем в ресторане начался бал под гирляндой из листьев, которую дедушка Кароль повесил под толком, и очередные тосты провозглашались за гонку будущего

мируют его позицию — скорее сами они становятся мериллом этой позиции. Их случайность не означает их несущественности. Так, в «Рассказах на время переселения» пространство, в котором перемещаются герои Хюлле, имеет существенное значение: это послевоенный Гданьск с явными следами былого немецкого присутствия в нем. Оpozнание прошлого этого пространства, дешифровка знаков, оставленных историей, построение духовного содружества с прежними обитателями этого мира — все это составляет весомый опыт рассказчика и героев этих произведений.

«С тех пор ежедневно по вечерам отец раскладывал на столе огромную карту с надписью «Freistadt Danzig» и обозначал на ней пальцем кружки, говоря: — Здесь мы еще не были — в то время как я неумело произносил по слогам: Штольценберг, Люфткурорт, Навитцвег, Глетткау, Лангфур — и с изумлением обнаруживал, что эти странные названия попросту означают Погулянку, Оливу, Нижние Мельницы в Борентове, Элитково или Вжеш...»

Старые и новые названия накладываются друг на друга, проникают друг в друга, ни в чем не изменяя тождественность местности. А именно местность — так и кажется, внушает нам рассказчик этих повествований — формирует людей. Существует ведь *genius loci*, гений места, — именно благодаря ему гданьские рассказы Хюлле так превосходно рифмуются с гданьской прозой Грасса, хотя это совершенно разные литературные миры. Также и тогда, когда автор «Мерседеса-Бенц» напрямую обращается к Грабалу, он делает это не для того, чтобы продемонстрировать свое ученичество в школе чешского писателя, а чтобы встретиться с ним в атмосфере насыщенных иронией добрых воспоминаний о времени, которое, хотя и миновало, все еще присутствует.

года и ее триумфатора, раз уж нынешняя оказалась ни к черту, но наверное у многих из них было предчувствие, что они пьют в кредит с наивысшим риском и самой высокой процентной ставкой, что подписывают бессрочный вексель, который в любую секунду может быть опротестован, и отлично чувствовал это дедушка Кароль, раз за разом подливая бабушке Марии все больше вина, на что она возмущалась, потому что не любила, когда у нее шумело в голове, но дедушка знал, что делает, наклонялся к ней и говорил, понизив голос — Марыся, счастливыми-то мы уже никогда не будем, нужно все эти мгновения удержать как мушку в янтаре, сохранить, может, даже для наших внуков — почему сразу внуков, удивлялась она — если даже будет война, мир ведь вернется на свое прежнее место, потому что всегда так бывает — она доверчиво взглянула на него — мера пшеницы за динар — горько улыбнулся дедушка — что за динар, о чем ты говоришь? — она осторожно накрыла ладонью его рюмку и передвинула ее в свою сторону — ну, и они не могли прийти к согласию — объяснял я панне Цивле — не могли потому, что во время той, первой войны, у них был совершенно разный опыт, она почти все время сидела в Швейцарии, а он в окопах, она устраивала комитеты помощи, а он изучал новые виды пушек и снарядов, она писала письма, а он описывал артиллерийские карты, ну а потом, когда они уже вернулись во Львов и когда, наконец, могли уже отдохнуть, разразилась еще одна война, уже не мировая, а польско-украинская, и снова он должен был стрелять, а она снова устроила комитет помощи, так что, как видите, пани, это были совершенно разные наблюдательные пункты, впрочем, было это не в последний раз, ведь когда закончилась эта, украинская, вскоре затем двинулись большевики, на этот раз дедушка получил назначение в бронепоезд, и хотя он удобно сидел себе в стальной башенке с надписью «Смелый», однако снова должен был стрелять, и на этот раз не в воздух. — Сейчас, минуточку — панна Цивле закурила самокрутку — вы хотите сказать, что во время этого сражения с украинцами за Львов ваш дедушка постреливал, как какой-нибудь Швейк, в воздух? — Этого я не знаю — ответил я — но он всегда так говорил, потому что эта война с украинцами была его самым большим огорчением — мы выиграем ее — говорил он — но как мы будем жить с ними в одном городе, как будем смотреть друг другу в глаза? — Что же касается большевиков — продолжал я — то наверняка пушки бронепоезда «Смелый» не стреляли Господу Богу в окно, а только в галопирующих кавалеристов Буденного, и наверняка о них думал дедушка там, в ресторане под Бобовой, в августе тридцать девятого, наверняка вспомнил этих всадников Апокалипсиса, которые надвигались как саранча, во всяком случае — я заканчивал — у него не было иллюзий, что приближающаяся война будет похожа на предыдущие, и, может быть, потому, когда они уже садились в Мерседес, он тихо повторил эту цитату из евангелиста Иоанна о мере пшеницы и динаре, чем нервировал бабушку, которая думала, что он выпил лишку и должен уступить ей руль, на что, ясное дело, он не желал согласиться, так что это последнее совместное возвращение с гонки за лисом протекало под знаком молчаливой ссоры, медленно миновали они дом известного цадика, вокруг которого собирались хасиды, а потом с дальним светом ехали по извилистой дороге среди холмов, погруженных во мрак, двигатель равномерно гудел, в открытое окно автомобиля врвался беспрестанный концерт сверчков, и это необычайное настроение августовской ночи они запомнили уже навсегда, ибо действительно — я нежно обнял панну Цивле — уже никогда больше они не были так счастливы. — И, представьте себе, дорогой пан Богумил, что когда я закончил это последнее предложение, панна Цивле положила мне руку на плечо и мы сидели так неподвижно как парочка влюбленных школяров, вглядываясь в темно-синюю гладь залива, по которой неторопливо перемещались огни судов, тех, что стояли на рейде, и тех, которые плыли в Крулевец [Калининград], Стокгольм, Хельсинки, Висбю, Хильверсум или куда там еще, и в этот момент можно было почувствовать какое-то необыкновенное настроение, какой-то психический Гольфстрим, проплывающий между нами, и вовсе не из-за этого невинного прикосновения, но по причинам глубоко принципиальным и, так сказать, фундаментальным: просто, дорогой пан Богумил, мы почувствовали в себе братство душ, нечто, о чем писали Шелли, Китс, Байрон и Мицкевич, нечто, над чем сегодня смеются все, не исключая ученых и художников, в чем не отдают себе отчета священники, чего не знают уже писатели, словом, соединил нас тот совершенно исчезнувший язык, словно нить бабьего лета, хотя это был совсем не октябрь, а только майская ночь, на небе уже решительно царил Арктур, его сопровождала столь же яркая Спика из созвездия Девы, Большая Медведица переваливалась куда-то от Борнхольма в направлении Хеля, а наши ступни омывали волны еще холодного в это время года моря.

Mily pane Bohušku, a tak zase život udelal mimořádnou smyčku, Дорогой пан Богумил, и снова жизнь описала невероятную петлю, ибо, вспоминая тот первый мой майский вечер, когда охваченный ужасом и совершенно расстроенный я впервые сел за руль крохотного фиата панны Цивле, единственной женщины-инструктора в фирме Коррадо — «гарантируем водительские права по самым низким в городе ценам» — единственной женщины среди этих самоуверенных самцов: бывших гонщиков и виртуозов руля; итак, когда я пристегивал ремень и устанавливал согласно ее указаниям зеркало заднего вида, чтобы мгновенье спустя двинуться по небольшой, узкой улочке на первой скорости, чтобы тут же, через каких-нибудь сорок метров, остановиться на перекрестке, где только тонкая ниточка воздуха как невидимый воздушный коридор вела между трамваями и множеством разогнавшихся грузовиков куда-то на другую сторону городского ада, так вот, когда я отправлялся в это мое первое автомобильное путешествие, как обычно чувствуя, что все это не имеет ни малейшего смысла, так как приходит слишком поздно и не вовремя, когда, таким образом, в самом центре этого перекрестка между разво- нившимся тринадцатым трамваем, который резко затормозил, и огромным ТИРом, который каким-то чудом сумел на расстоянии волоса объехать крохотный фиат панны Цивле, трубя при этом ужасно низким, чудовищно громким клаксоном, похожим на корабельный гудок; словом, когда я застрял в самом центре этого перекрестка, я сразу подумал о Вас, пан Богумил, и этих Ваших чудесных, легких, полных очарования уроках езды на мотоцикле, когда, имея за спиной инструктора, а перед собой полотно дороги и влажную брусчатку мостовой, Вы резко прибавляли газа на своей яве-250 и мчались по этим пражским улицам и перекресткам, сперва вверх, к Градчанам, а потом вниз, к Влтаве, и все время, не прерываясь, словно вдохновленный каким-то демоном моторизации, рассказывали инструктору о тех великолепных машинах прежних времен, на которых с Вашим отчимом случалось столько впечатляющих опрокидываний, столкновений и аварий; так вот, когда водитель ТИРа резко затормозил свое чудовище весом в несколько десятков тонн и, оставив машину посередине проезжей части, выскочил из кабины и побежал к крохотному фиату панны Цивле, страшно угрожая нам кулаком, а точнее говоря, близкий к тому, чтобы в ярости искалечить самого себя, колотя этим кулаком себя по голове, когда, наконец, я увидел его багровое от ярости и боли лицо, прилепленное к стеклу крохотного фиата панны Цивле, и тут же рядом с ним другое, тоже приклеенное к стеклу лицо вагонновожатого тринадцатого трамвая, который также, как и водитель ТИРа, бросил свою машину и спрессованных при резком торможении пассажиров, итак, когда я увидел за уже предусмотрительно поднятыми панной Цивле стеклами фиата эти две физиономии, за которыми тотчас показались следующие, ибо водители других автомобилей, заблокированные стоящим трамваем и остановившимся ТИРом, тоже покидали свои машины и бежали к нам, чтобы на этом крохотном фиате выместить всю свою злость из-за забитых дорог, неремонтируемых мостов, повышения цен на бензин и всего того, что коснулось их вскоре после падения коммунизма, когда эти лица родом из Босха чуть ли не давили панну Цивле и меня в кресла ее крохотного фиата, который никак не желал завестись, я сказал панне Цивле абсолютно спокойным голосом — а вы знаете, пани, у моей бабушки Марии, когда она в двадцать пятом году училась водить ситроэн, тоже был подобный случай, но только ситроэн этот остановился на железнодорожном переезде, и с правой стороны, то есть там, где

сидел пан инструктор Чажастый, уже надвигался из-за поворота скорый Вильно—Барановичи—Львов, и пан Чажастый очень быстро оценил ситуацию и сказал — панна Мария, выскакиваем немедленно или мы погиб-

нем — и они выскочили — я продолжал — а этот скорый, хотя и тормозил, сыпля снопами искр из-под колес, однако протаранил этот прекрасный автомобиль, и вот они стояли у полевого переезда: моя бабушка Мария и пан инструктор Чажастый, глядя на большие, все расширяющиеся глаза машиниста, который во всей куче жести, никеля, хрома, плюша, дерматина и битого стекла как-то не мог разглядеть раздавленной головы, отрезанных ног, фуражки водителя или хотя бы одного пятнышка крови и, только взглянув несколько дальше, увидел, как моя бабушка Мария и пан инструктор Чажастый дружелюбно машут ему, и это была очень красивая сцена — я приближался к финалу — так как за ними у этой полевой дороги стояла часовня Матери Божией Неустанной Помощи, а рядом с ней кружок деревенских женщин и детей как раз участвовавших в майском богослужении, и таким образом первый план с раздавленным ситроэном и пыхтящим локомотивом плавно переходил во второй план, или хватающегося за голову машиниста, позади которого третий план заполняли радостные бабушка Мария и пан инструктор Чажастый, и все это на фоне далеких волнистых холмов с часовней Матери Божией Неустанной Помощи у подножья Восточных Карпат. — Господи, как красиво — панна Цивле в этот момент осторожно протискивалась над моими коленями, а я, деликатно, под ее попкой проделывал такое же движение, только в противоположную сторону — Господи, как вы рассказываете — продолжала она, проверяя передачи — но что-то в моей системе тоже не работает, та-а-ак, очень интересно, — она включила, наконец, зажигание и, показав окружающим нас водителям тот мужской, неприличный, постыдный знак средним пальцем, медленно двинулась наконец вдоль людской шпалеры, мастерски лавируя между сгрудившимися телами наших потенциальных палачей, которые были готовы бичевать нас посреди этого ужасного перекрестка, этой моей первой автомобильной голгофы. Дорогой пан Богумил, так вот именно тогда, когда панна Цивле сказала мне своим необыкновенным, слегка металлическим голосом — Господи, как вы рассказываете — у меня уже было готово на кончике языка — да что там я, вы лучше, пани, прочитайте «Вечерний урок вождения», вот там есть истории, которые каждый инструктор должен вспоминать перед сном или перед выездом с курсантом в город, там есть этот прекрасный моторизационный лиризм, именно там изложена платоническая идея связи инструктора с курсантом, которая состоит не в обычном упражнении, банальном контроле, заурядном обучении, но в рассказывании друг другу прекрасных историй, в том словесном причастии, которое соединяет людей превыше пола, политики и происхождения — но, к сожалению, пан Богумил, я не сказал этого, потому что глаза мои вылезли из орбит, сердце затрепетало в горле, а язык пересох, как после трех дней кашубской свадьбы, как только я увидел, как панна Цивле вдруг резко прибавляет газу и совершает слалом между этими разъяренными водителями, как раздвигается их толпа квадратным клювиком фиата, а затем, буквально в последнюю секунду, проскакивает он узкий перешеек между трогающимся трамваем и уже медленно едущим ТИРом; ах, как жаль, что Вы не могли этого увидеть, дорогой пан Богумил, этой победы молодой девушки в крохотном фиате над толпой орущих водителей и над этими двумя страшными мачо: вагоновожатым тринадцатого трамвая и водителем ТИРа, которые, что тут говорить, просто ошалели, видя этот проезд крохотного фиата перед самым своим носом, этот азартный прыжок между Сциллой трамвая и Харибдой ТИРа, это было, пан Богумил, действительно нечто великолепное, этот триумф интеллигентности над массой, эта ироническая насмешка над слепой и глухой фрустрацией, эта удачная попытка панны Цивле и ее курсанта показать им нос: тра-ля-ля бум-цик-цик, поцелуйте нас в задницу, глупые мужики.

Марек Клецель

МАРИАН ЗДЗЕХОВСКИЙ О ПОЛЬШЕ И РОССИИ

Мариан Здзеховский принадлежит к тем многочисленным мыслителям в странах Центральной и Восточной Европы, особенно в Польше и России, которые стремились соединять философскую, историческую и религиозную мысль, знание культуры, литературы, духовной ситуации и достижений своих народов. В отличие от западных мыслителей они занимались наукой на ради самой науки, не чисто интеллектуальной и теоретической, но конкретно связанной с различными областями и проявлениями человеческой жизни. Их особо характеризует стремление воспринять всю духовную ситуацию человека, его сложное и запутанное состояние, воплощающееся в обстоятельствах места и времени, то есть истории, и одновременно в парадоксах самобытности и отличий, свободы и культурных связей. На рубеже XIX-XX и в первой половине XX века человек оказался поставленным перед лицом принципиальных вопросов и опасностей, обнаруживающих неочевидность его духовного и даже экзистенциального состояния и требующих фундаментальных ответов. Поэтому мысль того времени так часто носит историософский и религиозный характер, ибо она обращена к основополагающим вопросам, которые следует заново решать.

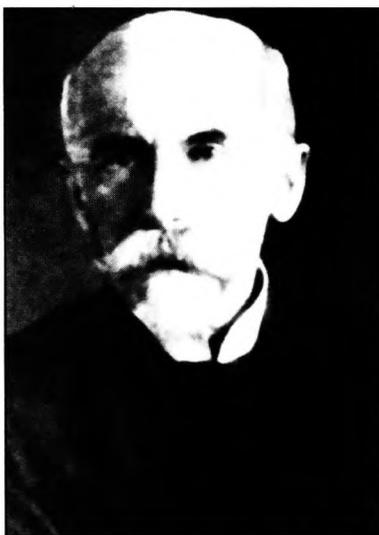
Мариан Здзеховский родился в 1861 г. в семье помещика в Новоселках под Раковом, недалеко от Минска, и провел там детство и юность. На этих землях встречались польские и русские влияния, традиции Речи Посполитой Обоих Народов, Великого Княжества Литовского и Киевской Руси, белорусские и литовские народные традиции. Здзеховский получил хорошее домашнее образование, а затем окончил русскую гимназию в Минске. На восточных окраинах исторической Польши, где граничили Восток и Запад, он соприкос-

нулся с русской культурой, учился в Петербургском и Дерптском университетах, где изучал не только русистику, но и германистику. Свое образование в области славистики он совершенствовал в Граце и Загребе, углубленно изучал всемирную литературу в Женеве. Читал лекции по польской, русской и всемирной литературе в краковском Ягеллонском университете, где в 1899 г. стал профессором, а с 1919-го — в Виленском универ-

ситете им. Стефана Батория, где занимал высокие посты, в том числе был ректором (1925-1927). Его первые работы посвящены связям литературы и религиозной мысли в творчестве польских романтиков-мессианистов: Мицкевича, Словацкого, Красинского, Товянского — и русских славянофилов: Хомякова, Аксакова, Киреевского, а также Гоголя, Достоевского и Шевченко, обращавшихся к идеям славянофильства.

На своем долгом, почти полувекovém творческом пути Мариан Здзеховский не столько эволюционировал, сколько утверждался в своей интеллектуальной и духовной позиции — под влиянием как исторических событий, так и господствовавших

идейных течений, но прежде всего собственного опыта. Его работа начиналась еще в конце XIX века с трудов по литературе и общественной мысли того столетия в Польше и России. Его особенно интересовал романтизм, однако не только как литературное, но и как идейное, духовное и религиозное течение, не только произведения и стили, но и позиции самих представителей романтизма со свойственным им особым образом мыслей. Романтизму посвящены работы Здзеховского, написанные на рубеже веков («Мессианисты и славянофиль», 1888, «Байрон и его век», 1894-1897, «Провидение Красинского», 1912, «У истоков мессианства», 1912, «Пессимизм, романтизм и осно-

МАРИАН ЗДЗЕХОВСКИЙ

вы христианства», 1914) и даже в межвоенное двадцатилетие («Шатобриан и Наполеон», 1932). Вопреки господствовавшим тогда в умственной жизни позитивистским тенденциям и уже вырисовавшейся идеологии модернизма, возникавшей под влиянием веры в прогресс и науку, Здзеховский обращался к романтизму как идеологии, противостоявшей тем тенденциям в мысли и культуре, которые были навязаны предшествовавшей романтизму эпохой Просвещения. Романтизм он воспринимал как движение несогласия со сведением человеческого лишь к социальному и рациональному. Он понимал феномен человека гораздо шире, во многих его соотношениях и проявлениях, внешних и внутренних, в том числе и нерациональных, эмоциональных, импульсивных, а также индивидуальных и вместе с тем общих, обращаясь к архаичным и даже подчас неосознанным традициям, как феномен не только интеллектуальный, но и духовный, религиозный. Здзеховский был поначалу связан с католическим модернизмом, представленным на Западе Ньюеном, Блонделем, Тиррелом, стремясь связать его с романтическими попытками переоценки христианства в мессианстве польского романтизма у Мицкевича, в поэтических прозрениях Словацкого, историософских провидениях Красинского.

Под влиянием исторического опыта начала XX века Здзеховский стремился к эсхатологическому, как я уже отметил, пониманию истории человечества, согласующемуся скорее с тем аспектом христианства, который выражен в словах евангелиста Иоанна: *«Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле»*. Зло — это нечто большее, чем кажется, это больше чем несчастье, случайность, грех, ошибка, вытекающие из обстоятельств бытия, из свободы человека, постоянного недостатка добра. Оно — в самой природе Творения, а значит, и в природе человека.

Однако пессимизм Здзеховского относителен. В очерке 1915 г. «Русское влияние на польскую душу» он писал: *«...пессимизм бывает двойкий: относительный, то есть христианский, противопоставляющий скудость брэнного бытия абсолютному счастью вечного общения с Богом; и абсолютный, атеистический, признающий тождественность бытия и боли»*. Следовательно, и наоборот: даже зло в этой эсхатологической христианской перспективе обретает свое место, смысл и возмездие. Этот эсхатологический катастрофизм у Здзеховского был связан со многими известными в начале XX века спекуляциями о конце европей-

ской цивилизации, которые нашли отражение, в частности, в знаменитой книге Освальда Шпенглера «Закат Европы». Особенно после революции в России и польско-советской войны 1920 г. Здзеховский с ужасом осознал опасность надвигающегося коммунизма и всю слабость Европы. В двух своих последних книгах («В преддверии конца», 1937, и «Призрак будущего», 1939) он ставит трагический диагноз: состояние краха, внутреннего, духовного и морального поражения Запада и нарастающей разрушительной силы, которая вскоре взорвется в двух тоталитарных режимах. Мысль Здзеховского приобретает здесь форму катастрофического пророчества: он предсказывает неизбежность катастрофы. Однако назвать это неким нигилистическим пророчеством все же нельзя, Здзеховский включает его в свою эсхатологическую, христианскую картину истории, рассматривая события революций и войн вовсе не как окончательную гибель, но как особый исторический момент, в котором открывается иная перспектива действительности, когда ее временный, сиюминутный, закрепленный в человеческом опыте порядок рушится. Представляя свое истолкование истории («в преддверии конца»), Здзеховский обращается также к русским религиозным мыслителям Соловьеву и Трубецкому.

Из всего идеологического многообразия XX века, собственно, воплотились в жизнь лишь идеи катастрофистов. Воплотились трагически — никто не мог испытывать чувство удовлетворения от того, что это предвидел. Исполнились и предсказания Здзеховского, по крайней мере в том смысле, что рухнул существовавший прежде в Европе порядок, как на западе, так и особенно на востоке, увлекая за собой миллионы человеческих жизней. Через год после кончины Здзеховского началась II Мировая война.

В своей научной и педагогической деятельности — сначала в Ягеллонском университете в Кракове, а затем в Виленском университете — Здзеховский имел многих учеников и последователей. Особенно сильное влияние он оказал на поколение молодых виленских поэтов, объединившихся в поэтическую группу «Жагары», в которую входил Чеслав Милош. В поэме «Тост» Милош набросал портрет профессора:

*Добавить надо, что в том самом зале
Где поэты на партах знаки вырезали,
Старик Мариан Здзеховский ведал про гибель
Вот-вот грядущую. И пала тень.*

Входившие в группу «Жагары» принимали катастрофические провидения Здзеховского, но не вполне разделяли его аргументацию и выводы. В написанной во время немецкой оккупации статье «Религиозность Здзеховского» Милош отмечал:

«Его эсхатологическое видение приближения чего-то неизбежного и страшного совпадало с туманными ощущениями его читателей и слушателей, соответствовало атмосфере времени. Но только видение. Весь ход рассуждений, выводы, указания — расходились со стремлениями молодых, тех, кто именно в течениях, признанных профессором делом сатаны, усматривал спасение, и то, что для него было ночью, принимал за «сияющий лик восходящего дня»».

Другой поэт, тоже входивший в группу «Жагары», Теодор Буйницкий, вполне оценил значение Здзеховского, и сразу после его смерти так писал о нем:

«Мы приходим, возможно, иным путем, но к тем же самым выводам, которые он сделал давно, предвидя крах нашей цивилизации, поражение поверхностного либерализма, вырождение демократических форм государства и приближение чудовищной эпохи, которая похоронит гражданские свободы и чувство человеческого достоинства».

■ Здзеховский и Россия

Здзеховский был одним из выдающихся знаменитостей России в Польше, и не только благодаря собственным трудам, но и благодаря многочисленным контактам с известными людьми России. Большое влияние оказали на него богословские идеи и взгляды Владимира Соловьева, с которым он лично познакомился в 80-е годы, как позднее встретился и со Львом Толстым. Здзеховский увлекался восточным характером православной духовности, берущей свое начало в восточнохристианских традициях, а также своеобразным экуменизмом Соловьева, вдохновляющим на диалог между католичеством и православием. Многие работы Здзеховского посвящены и другим русским религиозным мыслителям, в т.ч. Бердяеву, Мережковскому, Трубецкому, Розанову.

Здзеховский также активно занимался сферой польско-русских связей. В 1901 г. он основал в Кракове Славянский клуб и журнал «Свят славянский» («Славянский мир»), популяризовавший знания о славянской культуре, но при этом программно выступавший против русского панславизма и российского господства, объединяя пат-

риотические чаяния славянских народов. Перед самой революцией в России он вместе с поэтом Тадеушем Мицинским и русистом Вацлавом Ледницким работал в польско-русской секции Общества славянской культуры в Москве. В 20-е годы читал в Париже лекции о русской религиозной мысли, а среди его слушателей были находившиеся уже тогда в эмиграции Бердяев, Мережковский, братья Трубецкие. Там же Здзеховский организовал среди российской интеллигенции дискуссионный форум о диалоге между католиками и православными и обмену религиозными идеями.

В творчестве Здзеховского проявился глубокий интерес к истории и общественной мысли России, особенно XIX века, а также к связям между Россией и Польшей. Особенно занимали его русские споры о направлении развития России, нашедшие свое отражение в позициях западников и славянофилов, то есть сторонников европейских образцов, с одной стороны, а с другой — образцов отечественных, национальных и простонародных, в которых усматривали суть своеобразного русского духа, связанного одновременно теснейшим образом с православием и при этом критически настроенного к католической или протестантской ориентации сторонников Запада. Здзеховский был сторонником так называемого евразийства, синтеза азиатских и европейских элементов, который якобы символизировал самый верный путь всестороннего развития России. Здзеховский внимательно наблюдал за тем бурлением, которое происходило тогда в России как в котле: с горячими до самозабвения дискуссиями и спорами о том, чем она должна быть по отношению к Европе и миру, с мессианством народников и тотальной критикой, проводившейся русскими социалистами, анархистами и нигилистами, разрушавшими Российскую империю изнутри. Все они были увековечены на страницах произведений русской литературы как характерные типы героев, как фигуры, выражающие идеи вечной России.

Здзеховский, как, пожалуй, мало кто в Польше, был увлечен внутренним развитием истории России, одновременно глядя на нее с позиции поляка, человека, который до преклонных лет был российским подданным; с позиции представителя страны, значительная часть которой находилась под властью Российской империи и была обречена на русификацию. Он отмечал общность христианского Предания, правда, уже разделившуюся в те времена, когда обе страны формировали свою государ-

ственность. Это разделение в какой-то степени стало причиной исторически нараставших различий, ибо из византийской традиции, православную Россию оберегавшей, должен подняться Третий Рим, подчиняющий себе все соседние страны. У Польши, которая даже в период разделов сохраняла свободулюбие и гражданские традиции, было немало противников в России даже среди самых светлых ее умов. Роль Здзеховского в установлении контактов с русскими тут просто неопределима. Глубокое изучение русской духовности и увлеченность ею позволяли ему легче договариваться с русскими, убеждать их, а также полемизировать по вопросам, связанным с Польшей. Особенно интересен тут полемический обмен мнениями между Здзеховским и Бердяевым, а также предшествовавший ему обмен письмами со Львом Толстым.

В статье «Русская и польская душа» (1916) Бердяев признаёт, что на России, которая призвана, по мнению Бердяева, «быть освободительницей народов», лежит грех перед Польшей, однако он предлагает простить этот грех, ибо «историческая распря изжита и кончилась, начинается эпоха примирения и единения». Здзеховский ответил ему в обширном очерке «Антиномии русской души». В нем Здзеховский упрекал Бердяева в том, что тот подходит к этому вопросу с русской имперской точки зрения и не рассматривает Польшу как автономную нацию.

Ранее схожая полемика состоялась у Здзеховского со Львом Толстым, у которого он побывал в Ясной Поляне еще в 1896 г., после обмена несколькими письмами и статьями. Здзеховский с молодых лет был поклонником творчества Толстого, о чем довольно подробно рассказал в статье, опубликованной в юбилейном сборнике, изданном в 1908 г. к 80-летию Толстого. После перелома, произошедшего во взглядах Толстого на религию, он стал гораздо ближе Здзеховскому, так как некоторым образом включился в течение христианского модернизма. Однако Здзеховский не разделял своеобразного анархизма Толстого и его понимания христианства, которое ограничивалось лишь этикой, нравственным кодексом, лишая христианство трансцендентальности и эсхатологической перспективы. Различными были также их взгляды на польско-русские отношения, широко обсуждавшиеся в их переписке. Их полемика в письмах на тему патриотизма остается актуальной и сегодня: Толстой считал патриотизм явлением вредным, которое, по его мнению, следовало преодолевать именно в духе христианского

универсализма. Здзеховский не видел противоречия между патриотизмом и христианством, точнее католичеством; он подчеркивал важную для польско-русских отношений разницу между патриотизмом народов-захватчиков и патриотизмом угнетенных народов, привязанность которых к собственной общности часто остается единственным их оружием и опорой. Под влиянием Здзеховского Толстой смягчил свою позицию, Здзеховскому он обязан и знаниями о положении Польши и польской культуре. Толстой ценил Здзеховского за его располагающую к себе манеру общения, высокую культуру и энтузиазм, хотя несколько удивлялся его привязанности к католичеству.

Здзеховский, как я уже говорил, отвергал любую революцию как средство осуществления общественных перемен. Исторический опыт двух великих революций свидетельствует, что, выступая против всевластия прежнего государства, они лишь способствовали усилению его мощи, ставшей следствием порабощения общества и личностей, лишенных права на самоопределение. Здзеховский, подобно Бердяеву, считал, что революция вовсе не означает начало нового мира — это лишь стремительный конец старого, и несет она с собой не свободу, но лишь еще большее порабощение, не делает человека лучше, а лишь дает выход его самым худшим инстинктам. Террор большевистской революции виделся Здзеховскому тем более опасным, что был связан — несмотря на свержение царской империи — с ее прежней идеологией, с национальным мессианством, с ощущением, что на Россию возложена историческая миссия предводительствовать другим народам, что позднее и нашло свое точное отражение при коммунистическом режиме.

Здзеховский прекрасно осознавал влияние русской революции в Европе, он видел ее опасность для совершенно разрушенной войной Европы, которую отличала внутренняя слабость, опасности «пангерманизма», как он это называл, и «американизма», который он заметил уже тогда, а также идеологии разрушения как такового, ставшей следствием революции.

Здзеховский ненамного ошибся в своих предположениях: катастрофа в виде тоталитарных режимов охватила всю Европу, коммунизм господствовал в ее восточной части почти полвека и проник далеко на Запад. Подтвердились диагнозы и предостережения Здзеховского. По сей день мы не можем осознать масштабы разрушения и понять, чем по сути были и как могли случиться величайшие в истории человечества катаклизмы.

Чеслав Милош

Перевод
Анатолия Ройтмана

ЗДЗЕХОВСКИЙ

Ирисы зацвели. Еще раз.
Когда зацветут опять, кончится мой век.
Утром укрыл океан прозрачный туман.

В распахнутых настежь дверях, перед лужайкой,
занимаюсь беспамятством.

И забыть не могу его, философа отчаяния,
который усомнился во благе Творения.

Вижу песчаный тракт, обсаженный березами,
между Минском и Вильно, с извилистой колесей посредине.

Ни машин, ни дорог асфальтовых тогда не было,
для встречи гостей высылали на станцию лошадей.

Он мог принимать у себя Владимира Соловьева
и слушать его рассуждения о примирении католицизма и православия.

Они рассуждали также, могут ли обрести спасение
утки с помещичьего пруда,

охвачены ли Искушением муха и муравей.

Закон страдания всего живого
здесь на земле кем установлен?

До сих пор сохранил я его слова: «И по мере лет,
чем дальше в жизнь и мир шел я, тем ясней и мучительней
осознавал, что мир этот, если мыслью его, как целое, объять,
есть хаос и неразумность, а не, как учат нас, плод разума:
не из рук Бога он вышел».

Вот идет он на лекцию краковской улицей,
И его современники с ним: тюль, бархат, сатин
Касаются тела женщины, подобных стеблям
Растений изысканных моды времен сецессиона.
Взгляды и зовы из недр ночи.

В космической битве сверкают мечи ангелов.
Князь Мятежа атакует, отступают назад слуги света.

Каменная жестокость,
Как объяснить иначе? Хотя он, профессор, не мог
явно сказать, что верит в дьявольский строй мира.

Одинокий на их празднике цвета и осязанья.

«Бога нет — во весь голос кричат и природа, и история... но глас этот гибнет в гармонии псалмов и гимнов, в этом великом, извечном, из глубочайших глубин духа идущем признании, что «как земля без воды» душа человека вне Бога. Бог есть. Только факт существования Бога это нечто превышающее предел мысли, занятой внешним миром, это чудо. Le monde est irrationnel. Dieu est un miracle.»^{*)}

Только звон колоколов,
Только свеченье монстранции,
Возгласы смертных, воздающих хвалу,
У доминиканцев и францисканцев
Плиты, истертые подошвами поколений,
Нас берегут. Даже если иллюзия
Объединяет нас верой в бессмертное существованье,
Благодарим, мы прах, за чудо верности праха.

Ваша Магнифициция, Ректор, я подошел к тебе, юный,
на ступенях Библиотеки под башней Почобутта, украшенной
знаками Зодиака.

В городе, взятом у большевиков польскими уланами,
все сознающий, ты ждал «перед лицом конца».

Тебя видели, когда ты проезжал в коляске, копыта
двух лошадей стучали по неровной мостовой, ты не признавал
ни машин, ни телефонов.

Станцами, цветеньем черемухи и сирени, венками на реке
проваливался город.

Ты вовремя умер, твои друзья, головами качая, шептали:
«А ведь ему повезло!»

Свершившееся предсказание — то, что прежде существовало,
затонуло, лишь башни костелов мгновенье торчали над бездной.

Может, я словно тот, который, когда не осталось нигде
убежища перед отправкой в лагерь, спрятался на колокольне
Святого Иоанна Богослова и потому уцелел?

Лань и два рожденных недавно олененка
на газоне пасутся у дома.

Неумолимый ход гибели и рождений, Ваша Магнифициция.

Долго длилась моя наука сдерживания себя.

Более хитрый, чем ты, познавал я мое столетие,
делая вид, что знаю способ и забываю о боли.

*Цитаты в стихотворении приводятся по: Мариан Здзеховский.
«Пессимизм, романтизм и основы христианства», 1915.*

*) Мир прекрасен. Бог - это чудо

Чеслав Милош

Перевод
Анатолия Ройтмана

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЗДЗЕХОВСКОГО

(Отрывки)

В межвоенное двадцатилетие в низких сводчатых залах виленского университета читывал лекции маленький старичок с аскетическим лицом — Мариан Здзеховский. Он носил высокое ректорское звание, имя его было окружено ореолом правоты и мудрости — но для большей части молодежи, втянутой в ожесточенные споры между крайне правыми и левыми, он был лишь достойным памятником минувшей эпохи. По нашему мнению — моему и моих ровесников, которые в 1930-1934 гг. занимались открытием Америк, — старичок понятия не имел о так называемых проблемах сегодняшнего дня, а его высказывания об опасности, грозящей миру от коммунизма и национализма, носили характер жалостно-маниакальный. Его эсхатологическое видение приближения чего-то неизбежного и страшного совпадало с туманными ощущениями его читателей и слушателей, соответствовало атмосфере времени. Но только видение. Весь ход рассуждений, выводы, указания — расходились со стремлениями молодых, тех, кто именно в течениях, признанных профессором делом сатаны, усматривали спасение, и то, что для него было ночью, принимали за «сияющий лик восходящего дня». Лишь позднее, годы спустя, многим из них предстояло путем горького опыта вернуться к некоторым истинам, провозглашенным Здзеховским, и признать, что те же основания могут на что-то сгодиться, хотя изменилось «историческое небо» (...)

На фоне двадцатилетия его фигура выделяется редкой чертой — полным отсутствием кокетства по отношению к младшему поколению. Кокетство у писателей, желающих идти в ногу и не утратить своего значения, становится иногда основным правилом их работы. Можно выделить несколько степеней писательского кокетства. Самая яркая из них заключается в подчинении себя коллективному мнению и желании потрафить ментальности элиты или толпы. Это — приспособление образа мыслей к особенностям окружения. Такой всеобщей особенностью после 1918 г. была у нас оптимистическая вера в прочный мир под крылом Лиги Наций, в великолепие лозунга права наций на самоопределение, в социальные реформы, в Пан-Европу, в техницизм, в демократию.

Сам разум Здзеховский сомнению не подвергал, не открывал его подозрительных лабиринтов. Чувство и вера, с одной стороны, и интеллект — с другой составляли для него две отдельных и противоречащих другу другу целостности. Противопоставление было тем ярче, что католику того периода схоластический лозунг о том, что Бог познаётся разумом, не давал никакой опоры, наоборот, в этом-то и заключался источник раздражений. Разум XIX века был чем-то столь отличным от разума схоластиков, что в результате отождествления этих двух совершенно различных понятий должен был возникнуть неразрешимый кроссворд. Вот признание Здзеховского: «И по мере лет, чем дальше в жизнь и мир шел я, тем ясней и мучительней осознавал, что мир этот, если мыслью его как целое объять, есть хаос и неразумность, а не, как учат нас, плод разума: не из рук Бога он вышел. Бога нет — громким голос кричат и природа, и история... но глас этот гибнет в гармонии псалмов и гимнов, в том великом, извечном, из глубочайших глубин духа идущем признании, что „как земля без воды» — душа человека вне Бога. Бог есть. Только факт существования Бога это нечто превышающее предел мысли, занятой внешним миром, это *чудо*. *Le monde est irrationnel. Dieu est un miracle* [Мир иррационален. Бог — чудо]»¹. И в другом месте: «Размышления над проблемой религии всегда приводили меня, и точно так же приводят сегодня, к выводу, что вера — это насилие над разумом; слишком громко то, что происходит в мире, вопиет против Бога»². Теперь позволим себе некоторое сопоставление. Обратимся к книге

¹ «Пессимизм, романтизм и позиции христианства».

² «О жестокости».

ровесника Здзеховского, известного атеиста Бодуэна де Куртене³. Если бывают атеисты, религиозные вопреки самим себе, то одним из них, безусловно, был Бодуэн де Куртене. Его публичная исповедь — потрясающий документ. В ней раскрывается личность стремительная, искренняя, не знающая компромиссов. «Я вижу в мире столько зла, — пишет он, — столько несправедливости, столько жестокостей, что не могу возлагать ответственность за все эти мерзости на не только справедливого, но еще и доброго и милосердного Отца. Сваливать вину за совершенное зверем в человеческом образе, на творца и провидение, и впрямь весьма удобно, но вместе с тем бессмысленно и аморально»³. «Подлая тварь человеческая приписывает созданному по собственному образу и подобию Богу свои злодейские и садистские наклонности, в то же время называя этого своего Бога не только справедливым, но и милосердным. Человек, который позволил бы себе нечто подобное, был бы признан преступником, но Бога чтут именно за то, что это Бог мести»³ (...)

На фоне интеллектуальной структуры периода 1918-1939 гг. Здзеховский основательно анахроничен. Особенно анахроничны его раздумья над «болью существования», выраженные в суждениях, которые для новых поколений ничего не значат — так туманны они и так чужды какой бы то ни было осторожности в атаке на важнейшие эсхатологические вопросы. (...)

Когда он предстал перед молодежной аудиторией после I Мировой войны, это и стало основной причиной разногласий. Молодежь эта чтит совершенно иной род понятий, по ее мнению, значительно более поддающийся проверке и живой. Она тянулась к национализму и коммунизму, ибо национализм выводил свои лозунги из якобы непреложных законов биологической борьбы, а коммунизм сводил всю проблему истины к смене экономического базиса. Здзеховский не выходил за пределы диалектики самих идей и не облакал этих идей в новые общие фразы, которые молодежь считала чем-то очень важным и реальным. Сделав это, он мог бы легко достичь популярности, например, Бердяева. Исторические перемены он трактовал как отклонение от некоторого образца: этот образец он пытался открыть, опираясь на христианскую совесть, — и не соглашался не только с мнением, что такого образца вообще не существует, но и не хотел признать, что этот самый образец можно наблюдать во всё новых формах, под поверхностью резко различающихся стилей жизни. (...)

1943

³ «Мое отношение к Церкви».

Мариан Здзеховский

ПИСЬМО ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

Глубоко чтимый Лев Николаевич!

На днях вышла моя брошюра, о польском патриотизме с Вашим письмом, помещенным мною в предисловии к ней. Вскоре я Вам ее вышло и заранее покорнейше прошу у Вас извинения за то, что, руководствуясь своей трусостью, я выбросил два слова, заключившие слишком ясное указание на мою личность и мой образ мыслей, что впрочем совсем не нарушило основного смысла Вашей статьи: у Вас было так: «Вы пишете о насилиях совершаемых... Р[усскими] властями... и выставляете это поводом для патриотической деятельности...» я же выбросил «Вы пишете» и вышло «насилия, совершаемые — ... Р[усскими] властями над поляками выставляются ими поводом» etc.

Лев Николаевич! Вы были так добры в отношении ко мне, что я не в состоянии воздержаться от желания высказать Вам откровенно те мысли, которые Ваши сочинения возбуждали во мне и которым Ваше последнее письмо о патриотизме дало особенно сильный толчок. Конечно, не скажу ничего нового, и Вы вероятно не один раз слышали возражения подобные моим — все же, смею думать: они Вас несколько заинтересуют, так как происходят не от холодного критика с окончательно установленным мировоззрением, но от человека ищущего истины, на которого Ваши слова производили сильное, нередко потрясающее впечатление.

С юных лет я тяготился своей материальной обеспеченностью заключающейся в том, что мои родители были в состоянии издерживать на мое воспитание 600-800 руб. в год. Это чувство развивалось во мне и усиливалось под впечатлением того, что и в Гимназии и в Университете я был обыкновенно окружен товарищами, которые были гораздо беднее меня и часто нуждались даже в необходимом. Я чувствовал себя как бы виновным перед ними и еще в настоящее время я испытываю это тяжелое настроение каждый раз, когда имею дело с бедными. Благодаря тому я живо интересовался вопросами нравственности, читал Евангелие и сильнее всего волновался советом Христа раздать нищим имущество и словами Его о богаче, которому войти в Царство Небесное труднее, чем верблюду пройти через... В сопоставлении с учением Христа учение мира казалось мне постыдным фарисейством. Я сочувствовал социалистическому учению, иначе, даже увлекался им, но слабо, так как материализм последователей этого учения производил отталкивающее впечатление на мое религиозное чувство, которое выражалось у меня главным образом в сильном стремлении утвердить себя в католицизме: в религии мой ум страстно требовал строгой определенности; меня мучили сомнения, но я с ними боролся, напрягая все умственные силы к тому, чтобы доставить победу католическому чувству.

Я уже кончал университет в то время, когда Вы издавали Вашу *Исповедь*; с тех пор я внимательно следил за Вашими сочинениями. Все, что Вы писали об учении мира потрясало меня до глубины; в Ваших словах я находил свои собственные чувства, выраженные с той пламенной силой, которой мне не доставало. Но Ваше учение удовлетворяло меня не во всем, оно требовало и слишком много и слишком мало: не имея силы радикально переменить свой образ жизни, с другой же стороны довольствоваться только сознанием того, что я дурно живу (*Царство Божие в Вас*) я находил слишком малым, тем более, что это сознание мучило меня с самых юных лет.

Но главным образом меня приводило в недоумение то, что Вы мирили две по-моему мнению совершенно противоположные вещи: глубокое знание человеческой души и именно мрака ее и веру в торжество светлых сил в человеке; ведь эта вера довела Вас до проповеди анархизма, хотя это анархизм христианский, совершенно отличный от динамитного анархизма. — Мне же коренная испорченность человеческой природы (грех первородный) казалась всегда истиной очевидной, не требующей доказательств:

«Je ne connais pas la conscience d'un scélérat, mais je connais celle d'un honnête homme et c'est quelque nature d'affreux». (de Maistre)¹

«L'humanité est une immense assemblée de pécheurs; quiconque se regarde s'épouvante de ce qu'il voit et recule devant l'objet qui se montre. Plus l'homme connaît l'homme, plus l'abîme grandit à ses yeux. C'est un spectacle effrayant que de regarder n'importe où car partout où l'homme a passé, il a laissé sa marque et la marque est épouvantable». (Ernst Hello)²

Одним словом гармонии в душе моей не было: я исполнял обряды Католич[еской] Церкви, но многое в католицизме возмущало меня; для успокоения совести я принимал участие в благотворительных обществах в лучшем их виде (Conférences de St. Vincent de Paul), но не только не удовлетворялся этим, но нередко напротив, когда мне, человеку одетому в теплое пальто, приходилось проповедовать нравственность беднякам, я этим мучился как ханжеством.

В литературной деятельности я последовательно изобличал материализм во многих его проявлениях и, не поступая в ряды клерикалов, я однако высказывал свое сочувствие Католич[еской] Церкви и сотрудничал в журналах с католич[еским] направлением. Итоги своих размышлений я сформулировал следующ[им] образом: люди злы по природе и следовательно лишены возможности пользоваться благами свободы; для порядка необходима власть; две силы борются между собой за обладание миром — Церковь и Государство; из двух зол надо выбирать меньшее, в данном случае — Церковь. Конечно, я этого публично не высказывал, находя неуместным, даже безнравственным, чтобы защитник Церкви выражался о ней таким образом. Этот взгляд на Церковь я основывал на внешней, весьма часто эгоистической деятельности официальной Церкви, т.е. пап и епископов, но я понимал, что это не давало мне права осуждать Церковь вообще, так как во всяком случае Церковь представляла в сравнении с Государством высший, хотя и неудовлетворительно исполняемый принцип отрешения от плоти во имя духа — затем она обладала и обладает тем, что названо в Катехизисе внутренней святостью, т.е. силой производить святых. Святые же, особенно святые Зап[адной] Церкви, по моему глубокому убеждению, представляют высший идеал достижимый для человека, идеал совершенства. Это факелы человечества и это не вылитые по одному типу отшельники как на Востоке, но люди живые, непохожие один на другого, олицетворяющие самые разнообразные стороны человеческого духа в их лучшем проявлении, — правда, их всех соединяет одна общая черта, это folie de l'amour как выразился Lacordaire, но несмотря на это в их душевном складе более разнообразия, чем в представляемых романистами характерах последователей мира; жизнью своей и подвигами святые искупают грехи как официальной Церкви, так вообще всех живущих в мире католиков. Мне кажется, что Св. Франциск и нищенствующие ордена, которые он основал, представляют цвет католицизма и отраднейшее явление в истории мира и эти ордена выдают до сих пор людей, поражающих своей возвышенностью. Напр[имер] можно нередко встретить даже в аристократических гостиницах Кракова старика во французской рясе из грубого серого сукна, из которого выделяются мужицкие сермяги; э т о б р а т А л ь б е р т Х м е л ь в с к и й, в мире он был художником живописцем, но он ушел от мира, чтобы проповедовать Евангелие бездомным бродягам, пьяницам, ворах и вообще людям сошедшим до последней ступени нищеты и разврата, он почувствовал к ним влечение как художник, ибо люди эти, по его выражению, «это художественные натуры неспособные к солидной жизни»; он устроил в Кракове и Львове ночлежные приюты; можно в них проночевать и уйти, можно и остаться, но с условием участия в общей работе; и очень многие остаются и с их помощью брат Альберт устроил фабрику какой-то особого рода им изобретенной мебели; работе этой учит он сам вместе с другими братьями, и там же он ночует; таким образом слова любви царят теперь в заведении, в котором прежде действовали только палки полицейских чинов.

¹ «Я не знаю сознания злодея, но знаю сознание честного человека, и это нечто отвратительное по природе» (де Местр). — *Ред.*

² «Человечество — бескрайнее собрание грешников, и всякий, кто на него смотрит, ужасается тому, что видит, и отшатывается от выказывающего себя предмета. Чем больше человек знает человека, тем большая пропасть разверзается перед его глазами. Куда ни посмотришь — ужасающее зрелище, ибо человек повсюду, где проходит, оставляет свою печать и печать эта ужасающа» (Эрнст Элло). Эрнст Элло (1828-1885) — французский религиозный философ, последователь Жозефа де Местра. — *Ред.*

Между тем, страдая над своей виновностью в отношении к человечеству, я забывал о своей личной жизни, о обязанностях в отношении к людям, с которыми я находился в постоянном общении. И только недавно неожиданное обстоятельство открыло передо мною бездну моего эгоизма. Внезапная смерть человека искренно меня любившего, к которому однако я всю жизнь относился несправедливо, пробудила во мне горестное сознание моей виновности перед ним и мне удалось вникнуть в глубину совести и первый раз увидеть ясно все то зло, которое я в своей частной жизни сеял вокруг себя, предаваясь при этом возвышенным размышлениям об осчастливлении человечества. Случайно в то же время я познакомился с сочинениями писателя, о котором я до тех пор ничего не знал. Это Ernest Hello (ум[ер] в 1885 г.). Он первый католический писатель, произведший на меня глубокое впечатление. Совершенно свободный от слащавой слейности свойственной большинству католических писателей, он вознесся на высочайшие вершины религиозного созерцания и проникнутый живым чувством бесконечности и Бога, он тем сильнее возненавидел мир и вооружился против учения мира с силой и воодушевлением напоминающими Ваши сочинения. Ненависть к греху, жажда идеала, экстаз души, сокрушенной сознанием своего ничтожества перед Богом, страстная и пламенная вера в Церковь, как единую силу водворяющую правду на земле — вот пафос (говоря языком Белинского) его религиозного творчества; творчеством же можно смело назвать его литерат[урную] деятельность, представляющую как бы ряд вдохновений свыше. Его сочинения утверждают меня теперь в католицизме. Конечно, они меня не успокоили, меня все терзает тяжелое чувство противоречия между моей жизнью и тем высоким идеалом, которого красоты я чувствую, не будучи в силах воплотить его в своей душе. Но меня утешает то, что я член Церкви, т.е. Всемирного Собрания (Katholikós Ecclesia), которое, воздвигнув идеал отрешения от плоти, т.е. от эгоизма, т.е. от мира, шествует к нему и исполняет его в лице своих лучших сынов и при том не лишает участия в таинствах тех, которые живя в мире, подвержены постоянным падениям под ударами власти греха.

Простите мне, глубокочтимый Лев Николаевич, мое дерзкое и глупое желание говорить пред Вами о себе, но поверьте мне, что ободренный Вашей добротой, я не в силах был превозмочь это желание: я хотел высказаться перед Учителем сильно и благотворно повлиявшим на мое духовное развитие, — и я хотел выразить то обаяние, которое всегда производили на меня святые (внутренняя святость Церкви), многое в Церкви возмущало меня, но никакие сомнения не поколебали того убеждения, что только на почве Церкви могут расти и развиваться великие и святые души, составляющие лучшее украшение человечества.

Примите уверение в благоговении и глубокой преданности
Мариан Здзеховский

Ежи Тимошевич

ВАРШАВСКИЙ «ДОМИК В КОЛОМНЕ»

Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940) принадлежит к видным фигурам русского Серебряного века. Редактор «Мира искусства», друг Зинаиды Гippiус и Дмитрия Мережковского, двоюродный брат Сергея Дягилева, он печатал очерки, литературные и театральные рецензии, религиозно-философские статьи. После октябрьской революции он эмигрировал в Польшу, в 1920 г.

приехал в Варшаву и прожил здесь до самой смерти. Он принимал активное участие в жизни русской эмиграции, довольно многочисленной в столице Польши. Вначале его интересовали политические дела. Вместе с Борисом Савинковым он создал антибольшевистский Российский политический комитет. После того как Савинков отправился в советскую Россию, Философов отошел от активной политической деятельности (решение Савинкова было для него потрясением) и посвятил себя лишь публицистике и критике, а также редакционной работе. Вместе с

Евгенией Вебер-Хирьяковой он издавал газету «За свободу» (1920-1932) и еженедельник «Меч», редактором которого был в 1934-1935 гг. («Меч» выходил до начала II Мировой войны). Там он опубликовал множество статей, фельетонов и рецензий на политические, литературные и театральные темы, касавшиеся Европы, России и Польши. Философов бывал у маршала Юзефа Пилсудского, который относился к нему как к знатоку российских дел и своему информатору.

К нему заходили бывавшие в Варшаве русские. На «поэтическом симпозиуме» у Философа Александр Вертинский сочинил знаменитую «Мадам Ирен». Друг Философова художник Юзеф Чапский вспоминал, как «в крохотной комнате, на

старом просиженном диване, под висячей лампочкой, после целого дня тяжелой работы в редакции» Димка, как звали его близкие люди, взволнованно читал только что дошедшее из России стихотворение Манделъштама «Петрополь».

Философов живо интересовался польскими делами, писал о них в своих изданиях, печатался и в польской прессе. Бурную дискуссию вызвала его

статья «Мицкевич в Одессе и Крыму», где он обвинил польских историков литературы в недостаточном знании русских дел, что повлияло на неточное описание пребывания Адама Мицкевича в России.

Ярослав Ивашкевич писал, что Философов принадлежал к «варшавскому свету», его встречали в литературных салонах, на концертах и в театрах, для интеллектуальной элиты он был привлекательной фигурой: «образованный, начитанный, знающий всю всемирную литературу, а кроме того крайне эlegantный в своей старосветской манере, он возбуждал восхищение и уважение.

Он также оказал заметное влияние на некоторых польских писателей и артистов». Речь наверняка идет о Марии Домбровской: когда она писала свое главное произведение, роман «Ночи и дни», то читала Философову главу за главой, считаясь с его мнениями.

В 1934 г. Философов вместе с Вебер-Хирьяковой, критиком и публицисткой, и Львом Гомолицким, молодым русским поэтом (после войны польским прозаиком Леоном Гомолицким), создали частный литературный клуб, взяв его названием заглавие пушкинского «Домика в Коломне». К ним присоединились друзья Философова: художник Юзеф Чапский (1896-1993), эссеист Ежи Стемповский (1893-1969, см. «Но-

Дмитрий Философов

вая Польша», 2001, №4) и русист и критик Рафал Блют (1891-1939). Встречи проходили «за самоваром» в варшавской квартире Философова на Хоцимской улице, 35 (в том же доме жил и управлял им Витольд Гомбрович; дом уцелел во время войны, стоит и сейчас). На них приглашали небольшое число людей (около 15-ти), заинтересованных темой собрания. Председательствовал хозяин, которого называли «старшина». Философов, как вспоминал Гомлицкий, «в высказываниях был лаконичен, а в полемике язвителен. Было у него такое пчелиное жало. Не злобно, как оса, а как пчела, которая, умирая, жалит целебно». Ежи Стемповский подчеркивал «юмор и изобретательность» председательствующего и то, что дискуссии в «Домике» «были лишены неприятных черт, присущих собраниям ученых специалистов», так как «большинство собравшихся состояло из любителей, то есть дилетантов, читавших, как некогда Монтень, для одного только удовольствия». Первые встречи «были посвящены вопросам общего характера, таким, как проблемы активной и созерцательной позиции в литературе, литературные явления, возникающие в эмигрантской среде разных стран и времен, вопросы художественных критериев». Позднее говорили, в частности, о Лермонтове, Достоевском и Розанове, о молодой польской поэзии, о романе Домбровской, о Шекспире, Конраде и Мальро. Дмитрий Философов открывал дискуссии «Бальзак и Пруст», «Классицизм и романтизм», полемизировал с докладом Ежи Стемповского «Раскольников, ибо Наполеон» (русское заглавие оригинала) в выступлении, названном «Апостол Павел, ибо Наполеон». Доклады читались по-русски или по-польски, дискуссии шли на обоих языках.

В «Домике» у Философова бывало много людей из варшавской литературной и артистической элиты, Среди них — поэт и переводчик русской литературы Юлиан Тувим, Мария Домбровская, философ Владислав Татаркевич,

эссеист Болеслав Мицинский, критик Казимеж Заводзинский, поэт Юзеф Чехович. Владзимеж Слободник, поэт и переводчик, на одном из собраний прочел свои переводы «Домика в Коломне» и «Моцарта и Сальери». В те годы Мария Домбровская записала у себя в дневнике, что «Домик» — «единственное место в Варшаве, где царит хороший вкус». Однако вскоре болезнь Философова прервала эти встречи. Не дошло дело и до запланированного отцом и сыном Стемповскими (Станиславом и Ежи) издания избранных сочинений Философова в польском переводе. В 1939 г. началась война.

Не во всех словарях русской литературы сегодня можно найти имя Дмитрия Владимировича Филосо-

фова. В Польше, однако, его помнят. Он не только включен в популярный словарь Флориана Неуважного, но его деятельности в Польше посвящена большая, основанная на изучении источников книга (И.Облонковская-Галанцьяк. «Горькие годы». Олыштын, 2001) а «Газета выборча», крупнейшая польская ежедневная газета, напечатала о нем большую статью (М.Пясецкий. «Пчелиное жало». 2000, 2-3 дек.). Писали о нем и известные варшавские журналы, и парижская «Культура», а многочисленные упоминания о нем в публикуемых ныне дневниках Зофьи Налковской и Марии Домбровской снабжены обширным и детальным комментарием.

Философов умер 5 августа 1940 г. в санатории под Варшавой, где провел последние годы жизни. Похороны состоялись на варшавском православном кладбище. Могилу ликвидировали, когда эту часть кладбища заняли для скончавшихся советских строителей подарка Сталина — Дворца культуры и науки, строившегося в центре польской столицы в 1952-1955 гг. Несколько лет назад известный русист Земовит Федецкий при поддержке Ежи Гедройца добился создания символической могилы Дмитрия Философова поблизости от места его действительного погребения.

КАЖДЫЙ ХРИСТИАНИН — МОЙ БРАТ

Беседа с братом Морисом

— *Насколько мне известно, вы неплохо ориентируетесь в проблематике христианского Востока?*

— Да, это так. Я чувствую сильную связь с восточной Церковью. Еще когда я был послушником в Сахаре¹, наш наставник, священник латинского и восточного обрядов, ежедневно совершал для нас мельхитскую литургию. Латинскую мессу он служил лишь от случая к случаю. Он пел по-арабски, а мы, послушники, хором отвечали ему по-гречески. Я очень любил эти литургические переживания, тем более что они были связаны с самым началом моей монашеской жизни.

Вернувшись в Париж, я ощутил потребность хотя бы время от времени бывать на православном богослужении в соборе св. Александра Невского. Там служат по-церковнославянски, а внизу, в т.н. крипте, куда ходят главным образом новообращенные, — по-французски. Окормлял их о. Борис Бобринский, известный богослов и очень открытый человек. Любил я ходить и в Свято-Сергиевский институт.

— *Не могли бы вы рассказать о своих контактах с французским православием?*

— Во Франции во многих крупных городах есть православные церкви разной юрисдикции: русские, греческие, арабские, румынские, украинские. К этому

Брат Морис — член конгрегации малых братьев, француз, родившийся и выросший у себя на родине, но уже многие годы живущий в Польше, где он духовно окормляет польские общины малых братьев и сестер. Брат Морис пишет иконы, интерес к которым и побудил его ближе познакомиться с православием. Особенно близка ему православная духовность, хотя это вовсе не значит, что он относится к христианскому Востоку некритически

следует добавить грекокатоликов. Так что Восточная Церковь представлена у нас весьма богато.

Мои контакты с православием стали более интенсивными с тех пор, как я заинтересовался иконой. Я познакомился со свящ. Дроботом, вся семья которого пишет иконы по канонам древнерусской школы, так, как писал Андрей Рублев. Мой учитель преподает богословие и иконографию в вышеупомянутом Сергиевском институте. Я очень полюбил его и прекрасно чувствовал себя в его семье.

В Женеве мне представилась возможность познакомиться с приехавшим из Англии митрополитом Антонием (Блумом). Мы вместе молились. Это истинный человек созерцания в духе св. Серафима Саровского.

Огромное впечатление произвела на меня Татьяна Горичева, православная писательница, подвергшаяся преследованиям в Советском Союзе. В эмиграции ее часто приглашали выступать в католические храмы. Я заметил, что она обладает как глубокой чуткостью, так и силой духа. Разговаривая с ней, можно было почувствовать, что значит верить и жить верой.

— *Каковы взаимоотношения между православием и католичеством во Франции?*

— Я бы сказал, что они отличаются взаимной сердечностью и открытостью. На все главные праздники в собор Парижской Богоматери всегда приглашают православных епископов.

Сейчас во Франции много новых христиан, людей, обратившихся из полного религиозного

¹ Все малые братья проходят новитиат (т.е. период послушничества) в Сахаре, подражая своему основателю Шарлю де Фуко. — *Пер.*

равнодушия. Для них православные — это прежде всего братья по вере. Они знают об историческом разделении Церкви, но не принимают этого к сведению: им важно не то, что нас разделяет, а то, что объединяет.

В наших католических храмах любят иконы. Их расценивают вовсе не как «символ православия», а как общее наследие всех христиан.

— *Во Франции наблюдается значительное число обращений в православие. Не вызывает ли это антагонизма, особенно когда в православие переходят целые монашеские общины?*

— Люди, обращающиеся в православие, приходят главным образом из кругов, в которых царит полное религиозное равнодушие. Обычно они открывают для себя православный путь через столкновение с иконой, затем через православное богослужение, и так они постепенно входят в этот мир. К числу наиболее известных новообращенных принадлежит писатель и богослов Оливье Клеман.

В 70-е годы произошел неприятный случай. Несколько бенедиктинцев с юга Франции, служивших мельхитскую литургию, пришли к выводу, что, будучи фактически грекокатоликами, они слишком далеки от Восточной Церкви. Они поехали на Афон, где их приняли в православие через повторное крещение, несмотря на то, что они долгие годы были монахами и священниками. Во Франции все были возмущены — не только католики, но и православные. Для всех нас это был очень болезненный удар. У нас не было претензий к бенедиктинцам за то, что они перешли в православие, — возмутительно было то, что к католикам отнеслись как к язычникам. Это было воспринято как отрицание всех соединяющих нас уз. На протяжении долгих лет это событие было кровоточащей раной, портящей атмосферу наших взаимоотношений.

— *Вот уже несколько лет вы живете в Польше. Надо полагать, здесь у вас тоже были контакты с православными кругами?*

— Не слишком широкие. Первым человеком, который показал мне проблемы, волнующие польскую православную общественность, был иконописец Михал Печенко. Я познакомился с ним во Франции на организованных бенедиктинцами занятиях по иконописи.

— *Вы посетили Грабарку?*

— Да, это прекрасное и святое место, где человек хотел бы остаться подольше, что, разумеется, невозможно. Но у нас в Польше есть свой скит, посвященный св. Серафиму Саровскому.

— *Я вижу, что святые Восточной Церкви вам особенно близки. Кого вы считаете самым близким?*

— Св. Серафима и афонского старца Силуана. Может быть, потому что о них есть много книг

по-французски. Под влиянием книг о старце Силуане многие западные люди совершают паломничество на Афон. Как это часто случается, после смерти многие святые влияют на людей гораздо сильнее, чем при жизни.

— *Что же так привлекает современного западного человека в духовности Силуана? Ведь он был простым монахом в одном из афонских монастырей, страдал множеством болезней, а его духовная жизнь была скрыта от посторонних глаз.*

— Силуан — это прежде всего великая любовь и безграничная привязанность ко Христу. В нем явственно чувствуется действие Святого Духа, хотя он вел простую христианскую евангельскую жизнь и был в пренебрежении даже у своих монастырских собратьев.

Внешне он ничем не выделялся, но жил интенсивной духовной жизнью, полностью предав себя Богу. Как и св. Серафим, он любил природу и с огромным уважением относился к каждому человеку.

Видя в православии такие личности, я невольно начинаю испытывать симпатию и уважение к этой Церкви и благодарю Бога за подобных людей. Разумеется, я знаю, что есть и другая сторона медали.

Мне особенно нравится высказывание Папы о Восточной и Западной Церквях как о двух легких. Одним легким действительно очень тяжело дышать. Нам, католикам, нужна восточная традиция.

Жаль, что я так и не познакомился ближе с эфиопской Церковью (если не считать поверхностного знакомства в Иерусалиме). Она вызывает у меня уважение за то, что ей удавалось веками противостоять мусульманскому вторжению. Один Бог знает, сколько ей пришлось вытерпеть.

Каждый христианин — мой брат, но православные мне, конечно, ближе всех.

— *Означает ли это, что вы охотно участвуете в православных богослужениях?*

— Я стараюсь приходить в варшавский собор на пасхальную заутреню и литургию. Обычно мне удается выстоять до конца. Богослужение совершается по церковнославянски, я ничего не понимаю, но люблю эту службу и хотя бы ориентируюсь, что в данный момент происходит.

— *Мне кажется, очень важно, чтобы пасхальная радость сохранялась в нас как можно дольше.*

— Христос должен жить в сердце каждого человека. Он дарует нам Свою жизнь и воскресение. Пасхальная радость — дар Святого Духа, которым были наделены упомянутые нами святые. Ее нужно вымолить.

Беседу вел Тадеуш Вьшномирский

Гжегож Пшебинда

ПАВЕЛ ЕВДОКИМОВ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Павел Евдокимов известен в Польше как автор фундаментального труда «Православие» (два польских издания, 1964 и 1986) — чтения, необходимого всякому, кто хочет понять богословие и духовность православной Церкви. То же касается блестящей работы «Женщина и спасение мира», изданной в Польше доминиканцами (1991).¹ В книге «Гоголь и Достоевский, или Спуск в бездну»², только что, сорок с лишним лет спустя после выхода оригинала, опубликованной по-польски, он взялся за труд научить «правильному прочтению» творчества Гоголя и Достоевского. Речь идет не о чтении в обычном смысле слова, но о богословском истолковании конкретной литературы в духе отцов Церкви. Как пишет свящ. Генрик Папроцкий, автор вступления к польскому изданию: «Достаточно лишь преодолеть расхожие, приземленные мнения о Гоголе и Достоевском, чтобы вознестись на вершины духа, откуда открывается совершенно иная панорама, нежели из мышиной норы или из пещеры Платона».

Богословам такое говорить легко. Им не приходится слишком долго мучиться и скучать в «пещере чтения». Им достаточно построить свое истолкование на твердой почве религиозных убеждений. И какое им дело, что такая «твердая почва», основа мировоззренческого оптимизма по отношению к повседневному и трансцендентному, не была известна ни Гоголю, ни Достоевскому?

¹ Павел Евдокимов (1901-1970) родился в Санкт-Петербурге, учился в Киевской духовной академии, а свои важнейшие богословские труды написал по-французски в Париже. На III сессии II Ватиканского Собора был приглашен как наблюдатель, представлявший Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже.

² Быдгощ, «Nomini», 2002, перевод Адриана Кунка. Эта работа была впервые опубликована в 1961 г. по-французски. По-французски в оригинале написаны также «Православие» (1959) и «Женщина и спасение мира» (1978).

Сатанинские суры Гоголя

Обоих писателей объединял прежде всего совершенно иррациональный — говоря языком автора «Братьев Карамазовых», неевклидов — способ понимания человека и космоса, связанный с мощной верой в существование не только Бога и рая, но также дьявола и ада. Поэтому общим у них был страх перед смертью и адскими муками и уверенность в том, что дьявол активно участвует в повседневной жизни человека. Рассуждения об inferнальном аспекте творчества Гоголя как раз и составляют самую интересную и полную открытую часть книги Евдокимова.

«Всю свою жизнь, — пишет он, — Гоголь хотел только петь гимн небесной Красоте, но так же, как св. Антоний, он видел одни свиные рыла, устремленные на него, бесов, марширующих шеренгами, и ворота, уже готовые открыться навстречу ужасающей вести ревизора Божия, грохоту Господня «Dies irae, dies illa...» Это видно уже в украинских повестях, где люди и бесы — существа одного и того же покроя и сорта. А самая замечательная хитрость дьявола — уверить нас, что он не существует».

Однако сатана не только существует, но и действует — правда, исключительно посредством человека. В «Портрете» мы встречаем его у Гоголя под видом ростовщика, который заказывает художнику свой портрет, требуя, чтобы он выглядел «как живой». На портрете, написанном в муках, хоть и не доконченном, видна натуралистическая фигура сатаны с выразительными глазами, вошедшего в мир по умыслу поддавшегося искушению художника. Повсюду, где появляется эта картина, она сеет разрушение и распад. Первой жертвой портрета станет талантливый живописец Чартков, юноша, соблазненный бесом моды и заурядности. Сначала он идет купить себе славу у редактора одной газеты. Тот за десять червонцев публикует статью «О необычайном таланте Чарткова» — по сути дела апологию живописных штампов и подхалимства перед лицом человеческой тщеты.

Ибо надо удовлетворить и некрасивую женщину, и отца семейства с кучей благодарных потомков, гражданина, офицера, государственного мужа с орденом на груди, купца с набитым бумажником.

Другой сатанинский мотив Евдокимов находит в рассказе «Шинель». Заглавная шинель исполняет здесь роль материального соблазна. Она составляет эрзац религиозной потребности, доводит до безумия Акакия Акакиевича, который после потери шинели умирает с кошунством на устах («сквернохульничал»). А повесть «Нос», которую многие критики и по сей день считают гоголевской сатирой на петербургское мещанство? Евдокимов и здесь сумел обнаружить дьявольский и даже антихристов аспект. Гоголь придавал большое значение дню действия произведения. В конце концов выбрал 25 марта, то есть Благовещение, великий праздник у русских православных. «В этот день никто не работает, все идут в церковь на богослужение. Нос исполняет традиции и идет в собор. Он проезжает через полный народу Невский проспект, а его коляска выглядит триумфальной колесницей. (...) Нос едет как тот, у кого в руках власть над миром сим, но еще остается святое место Церкви. (...) Это и есть ключ ко всему рассказу». Евдокимов обращает внимание на апокалиптический аспект этой сцены, с пародией на день Благовещения и с псевдоблагочестием антихриста. Внимательный читатель заметит схожие мотивы, хотя представленные Гоголем еще более прикровенно, как в «Ревизоре», так и в «Мертвых душах». Вот Хлестаков, воплощенный лжец, напоминающий дьявола в стуртуке... Вот Чичиков, позитивист и философ пошлости, бормочущий себе под нос: «Души куплю, мертвые души...» Так же, как и эпизодический старьевщик из «Невского проспекта», который «дребезжал козлиным голосом»: «Старого платья продать!»

Очень интересны те разделы работы, где Евдокимов возражает избитым истолкованиям творчества Гоголя в духе традиционного реализма: «Гоголевские типы не представляют ничего ни из системы крепостного права, ни из круга помещиков или чиновников в России XIX века. Это метафизические типы, которые существуют повсюду и всегда». Черты у Гоголя часто обретали гражданский статус именно через сонные видения литературных фигур. Пискарев погрузится в чертовы бездны после того, как случайно встретит на Невском проспекте женщину с божественным черта-

ми лица, на самом же деле затронутую тленным веянием разврата. Прежде чем хватить себя по горлу бритвой, он будет призывать ее образ во сне, купленном ценой опиума у таинственного перса. Вышеупомянутый Чартков из «Портрета», прежде чем как художник продается дьяволу пошлости, тоже переживает сонный кошмар, во время тройного драматического пробуждения искушаемый ровно уложенными пачками червонцев.

Под конец жизни Гоголь предпринял путешествие в Палестину. Он желал избавиться от разрушительных приступов уныния, не подобающих христианину состояний мрачной угнетенности духа. Утешения он, однако, не обрел и писал с дороги В.А. Жуковскому о пережитой им в Святой Земле иссушенности души и близости искушителя. Евдокимов добавляет: «Рассеянным жестом он срывает цветы, как мог бы это делать на каком угодно поле и все равно когда. В Назарете, застигнутый дождем, он два дня бездумно проводит в городе, где ведет себя, как на глухом полуостанке в России, ожидая поезда».

Архаическое богословие Гоголя

Ни Достоевский, ни Гоголь не сумели написать, хотя очень того хотели, финальные части своих крупнейших метафизических произведений. Гоголь в муках творил второй том «Мертвых душ», чтобы в отчаянии бросить его в огонь. И Достоевский, о чем теперь уже мало кто помнит, планировал написать продолжение «Братьев Карамазовых». Его героем в противостоянии Ивану, демоническому главному герою первой части, должен был стать ангелоподобный Алеша. Не вышло ни у Гоголя, ни у Достоевского. Задача была нелитературной.

Евдокимов относится к этому совершенно по-другому, ибо толкует и оценивает все творчество Гоголя в контексте его серьезных богословских рассуждений, заключенных в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Они содержат почти классическую картину архаически-патриархального христианства в духе московского «Домостроя» XVI века — с добрым царем и справедливыми помещиками. Власть царя, говорит Гоголь в «Переписке», не имеет смысла, если царь не считает себя образом Божиим. Евдокимов одобряет эту мысль, прибавляя, что царская власть должна быть не «властью меча», но «властью сердца и милосердия». А речь шла, напомним, о хорошо извест-

ном Европе и Польше императоре Николае I. Во второй, незаконченной части «Мертвых душ» Гоголь рисует фигуру губернатора, который сотрудничает с православными священниками и рассылает по департаментам экземпляры Библии. Мог ли такой роман кому-нибудь удался? Гоголь знал, что делает, когда бросал недоконченную рукопись в огонь. Тут не справился бы и Достоевский.

Евдокимов, разумеется, видит неуклюжую мертвечину многих эстетических высказываний позднего Гоголя, его «неудачные формулировки», «незаконченные мысли», «пророческие характеры», «нетерпеливый оптимизм». Однако считает, что все это бралось от чрезмерного индивидуализма писателя и его «неукорененности в экклезиальной общине»: «Он не консультировался с Церковью, не проверял свои взгляды и свое учение ни у одного духовного авторитета. (...) Гоголь во всем самоучка, но не находит в себе вдохновения и руководствуется лишь беспорядочным чтением и весьма индивидуальными религиозными убеждениями. (...) Вера в собственное призвание заменила компетентность»... Если бы дело обстояло иначе — а именно таков подтекст рассуждений Евдокимова, — Гоголь, вероятно, добился бы своего, его христианство стало бы ортодоксальным, и он бы наверняка написал второй том «Мертвых душ», в котором и сатана Чичиков был бы обращен и спасен.

Да вправду ли? Сам ученый пишет, что Гоголь в последние годы жизни утратил свою прежнюю сократовскую иронию. А без этой иронии не возникло бы ни одного его рассказа, романа или пьесы, ни прежних, ни тех, что так и не были написаны. Объясняя художественное поражение позднего Гоголя, нужно отказаться от всех ссылок на ортодоксальность или неортодоксальность писателя. Ничему не помогает и проводимое Евдокимовым сравнение его высказываний с мнения многочисленных отцов Церкви. Просто-напросто истлел талант писателя и, к сожалению, истощилось его воображение.

Смерть была последним аккордом творчества Гоголя. Сописания кончины писателя начинают рассуждения о нем Владимир Набоков в «Лекциях по русской литературе». Гоголь умер в Москве 4 марта 1852 г., не дожив до 43 лет. Он был крайне истощен, его мозг подвергся анемии от острого голодания, которое он навязал себе после приступов черной меланхолии и новых сатанинских видений. Он опять хотел сражаться с дьяволом — и больше не собирался его обратиться.

Достоевский — утешитель?

Перед лицом подобных гоголевских inferналий Достоевскому в труде Евдокимова предстояло сыграть роль утешителя. Сам ученый говорит об этом: «Талант описывать добро в его живом существовании — это как раз тот дар, что был отвергнут Гоголем... Данте знал ту же самую трудность: его ад весьма достоверен, а рай — малоубедителен... Достоевский питается ужасающим опытом Гоголя и пользуется им (...) Это Гоголь после покаяния, Гоголь, избавленный от страха, возвращающийся на землю после ужасающего опыта смерти, чтобы осуществить предчувствие своей души... Достоевский знал благодать, знал Любовь, которая уничтожает всякий страх».

В согласии с этим, Евдокимов явно уклоняется от столь характерных для автора «Преступления и наказания» противоречий. Он представляет его эволюцию от социализма через религиозный скептицизм к христианству как линейный процесс. Но можно ли согласиться с тезисом Евдокимова о том, что после стольких лет отчаяния и неверия Достоевский в конце концов достиг в своем творчестве гармонии и синтеза? Почему в таком случае столь сильно и звучно раздается в его последнем романе крик Ивана, а так жалко и туманно — голос Алеши и старца Зосимы? Так считают не только «безбожники» и «подпольные люди», но и те исследователи и читатели Достоевского, которые стоят на стороне Сони Мармеладовой, князя Мышкина и Алеши Карамазова...

С цитатами из отцов Церкви в руках Евдокимов и в случае Достоевского на все находит готовый ответ: «Если он не написал книгу pro Deo et contra Satanam в форме конструктивной апологии, то лишь потому, что истина Божия не нуждается в защите, она сама по себе наивысшая очевидность». «Более внимательный анализ патристической глубины его произведений открывает необычайно верную ортодоксальность Достоевского». Если в одном из писем Достоевский написал, что следует верить в икону, так как она отражает Бога Невидимого, то Евдокимов тут же комментирует это в духе утешительной ортодоксальности: «Это в точности учение об иконах VII Вселенского собора и св. Иоанна Дамаскина». Однако сам Достоевский некогда сказал, что он не мастер колыбельных. В Польше это давным-давно привел Рышард Пшибыльский в книге «Достоевский и проклятые вопросы» (1964), одновременно напи-

сав: «Достоевский сам не хотел быть «утешителем душ», и поэтому не надо навязывать ему эту роль»... Не будем делать этого и мы, даже если нас уговаривает Павел Евдокимов — великий знаток патристики и истинного исповедания православной веры.

Покровитель христианской Европы?

Безмерность и бесконечность, вера в личное бессмертие, как говорил Достоевский, необходимы человеку для достойного существования и в бренном мире. Потому-то, как продолжает Евдокимов, «пророк Исаия или апостол Павел — люди Европы». Этот вопрос остро стоит и сегодня, перед лицом споров о Боге и христианстве в объединяющейся Европе. Евдокимов утверждает, что свое важное место занимает в этом православная Россия. С этим нужно согласиться. Но можно ли принять следующий его тезис, согласно которому Достоевский мог бы быть одним из отцов такой Европы? Трижды нет!

Во-первых, ввиду нехристианских моментов, содержащихся в «Дневнике писателя». Евдокимов пишет: «Каждый раз, когда публицист брал верх над художником, его взгляд оказывался затуманенным. (...) Идеи Достоевского о Константинополе, православной Церкви, Азии, русском мессианизме, немецкой дипломатии или войне в целом суть нечто преходящее». Как мягко это сказано! А ученый говорит о произведении, где Достоевский выступает как отъявленный националист и популяризатор идеи великой Российской империи, враг немцев, поляков и евреев. «Дневник писателя» дает систематическое изложение тех взглядов, которые в «Бесах» провозглашает националист Шатов: «Никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий Бог, но всегда и у каждого был особый. (...) У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро». Отсюда, признаемся, одинаково далеко как до католической Европы, так и до православной России.

Во-вторых, Достоевский полностью отвергает культуротворческие — в том числе и в рамках христианской цивилизации — традиции Аристотеля и Канта. В этом его, кстати, поддерживает Евдокимов, когда утверждает, что Аристотель свел

человека к «рациональной животности». «Золотая середина», «умеренное совершенство», «взвешенная добродетель» Аристотеля, по мнению Евдокимова, противоречат истинной сути человека как создания с «чувствами», «страстями», «мечтами», «восторгом» и «ненавистью». Кант же, в свою очередь, в мире Достоевского и Евдокимова повинен в том, что конструирует «религию в границах разума», отводит человеческую мысль «от трансцендентного к имманентному». «Морализм Канта, — пишет Евдокимов, — логически доходит до имморализма Ницше». В этом суждении о мыслителе из Кенигсберга, суждении поверхностном и несправедливом, я ощущаю несогласие как Достоевского, так и Евдокимова на поиски общей плоскости между верой и разумом. У Достоевского: «Разум и вера исключают одно другое». Если бы, однако, так обстояло дело в действительности, следовало бы выбросить на свалку львиную долю интеллектуального наследия христианской Европы. Во имя чего же? Наверное не во имя мистического национализма Достоевского, пусть даже включающего элементы православия.

В-третьих, наконец, трудно смириться со столь догматически провозглашаемой, как это имеет место у Достоевского, связью этики с верой в загробную жизнь. В 1878 г. он так писал в письме к читателю: «Теперь представьте себе, что нет Бога и бессмертия души (бессмертие души и Бог — это все одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне тогда жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? (...) А если так, то почему мне (если я только не надеюсь на мою ловкость и ум, чтоб не попасться закону и не зарезать другого), не ограбить, не обворовать, или почему мне, если уж не резать, так прямо не жить на счет других, в одну свою утробу?» Однако можно ли такое жестокое убеждение приписать всем без исключения атеистам в мире? Что тогда делать хотя бы с теми гуманистами Европы XX века, которые Бога не принимали, не имели никакой надежды на жизнь будущую, а поступали, тем не менее, в согласии с христианской этикой? Мне всегда в таких ситуациях приходит на ум великий Альбер Камю. Неужели и ему не достало бы места в «христианской Европе» Федора Достоевского и Павла Евдокимова?

Ежи Федорович

ГОЛОС ИЗ НОВОЙ ГУТЫ

Как Ленин с Аллеи Роз проторил мне дорогу к славе

Ленин появился в Аллее Роз 21 апреля 1973 года. Церемония открытия памятника была прямо Кимирсеновской. Море знамен. Две большие эстрады. Леса тридцатиметровой высоты, десятки микрофонов, громкоговорители, командный пункт режиссера. Несколько дней репетиций, фольклорные ансамбли, объединенные хоры. Танцоры, студенты, эстрадные певцы, оркестры, актеры. Почти сплошь выдающиеся! А сколько молодых, одаренных!

Большинство из нас, пристегнутых пожарными поясами к шатающимся лесам, впоследствии сделали профессиональную карьеру. А тогда на холодном апрельском ветру мы декламировали строки известных поэтов, посвященные вождю революции. «Говорим Ленин — подразумеваем партия, говорим партия — подразумеваем Ленин» (цитирую по памяти).

У подножья памятника первый секретарь ЦК ПОРП со свитой вручал партбилеты.

Номер этот повторяли из года в год в апреле, в каждую годовщину рождения Владимира Ильича. Говорят, Новой Гуте за эту идею завидовала вся Польша. Какой же это был идиотизм! Мы отдавали себе в этом отчет, насмехались, но ведь участвовали! Семидесятые годы! Так мы жили. С одной стороны — стычки с цензурой, чтобы сказать что-то важное, а с другой — этакий гнусный компромисс. Я не оправдываюсь. Свое на эту тему я уже выслушал. Впрочем, и поумнее меня увязали, и похуже. Быть может, тот стыд переродился в резкое сопротивление, когда пришло время «Солидарности». Во всяком случае после 1980-го сгонять к Ленину партия перестала. Зато с ним приключались всякие неожиданности. То вымазали красной краской. А то поставили к подножию велосипед и старые башмаки с надписью: «Надень башмак, крути педали, и мы тебя в гробу видали». Пробовали и взорвать.

Но вот пришел 1989 год. Новая Польша. С шумом уничтожали пережитки прошлого. Добрались и до нашего «вождя». Бузили всю осень 1989-го. Анархисты, скины, панки, да и обычные граждане — всем это обрыдло. Власть, не совсем еще новая, переругивалась с обществом, пока наконец не уступила. 10 декабря 1989 г. Ленина демонтировали и увезли с Аллеи Роз. Ну хорошо, спросите вы, а причем тут Ежи Федорович? Очень даже причем, дорогой читатель. Нова Гута и Ленин стали гвоздем СМИ. Сюда съезжались журналисты со всего мира, чтобы показать, как идут перемены в Центральной и Восточной Европе, так что эта буза оказалась весьма плодотворной. Люди дежурили у памятника, а когда замерзали, приходили погреться в Народный театр, где шли репетиции спектакля «Человек из мрамора — начало и конец» в постановке Кшиштофа Ожеховского. Замысел Анджея Вайды развила Иоанна Ольчак-Рониер. Мы хотели этим спектаклем отблагодарить людей из Новой Гуты за свободную Польшу. И отблагодарили. Премьера, на которой присутствовали самые важные персоны и около двух десятков журналистов со всей Европы, состоялась 9 декабря 1989 года. «Ньюсы» о Ленине и о нашем спектакле (так уж совпало) разнеслись повсюду на следующий же день. Сколько понадобилось бы нынче заплатить за такую рекламу! Спустя два года, когда я пригласил скинов в Народный театр, я их первым делом поблагодарил за бузу, которую они учинили в 89-м году. Ребята были потрясены: впервые кто-то публично благодарил бузотеров. Верно, поэтому нам удалась постановка «Ромео и Джульетты» в исполнении скинов и панков. У нас был настоящий успех.

Ну так что ж, дорогие друзья, разве неправда, что Ленин с Аллеи Роз проторил мне дорогу к славе? Вот почему я с радостью приветствовал проект швейцарских архитекторов на последнем Биеннале архитектуры: Аллея Лениных как туристическая изюминка центра Новой Гуты. Я уже вижу себя, пьющего кофе за столиком в тени Ильича и дискутирующего с Марексом Дуниковским о превосходстве театрального искусства над архитектурой, а рядом сидит Ярослав Кнап и старательно записывает эти рассуждения на благо будущих поколений.

Анджей Боровский

«САРМАТИЯ» — ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Можно было бы спросить о показателях европейскости, то есть ощущения принадлежности к Европе. Первый из них — историческое сознание. Оно заключается в представлениях об общем всем европейцам прошлом. Независимо от того, в какой из стадий развития Центральной Европы мы захотим усмотреть прототип современных нам структур «объединенной Европы», любые размышления на эту тему надо начинать с истоков — с трехслойной культурно-литературной традиции, на которой строится понятие европейской принадлежности, или, точнее говоря, культурного самосознания Запада.

Первый из этих слоев, первый хронологически и структурно, — *traditio hebraica*, привитая европейской культуре латинской Библией (Вульгатой). Второй слой — *traditio pagana*, вначале, со Средних веков, латинская, римская, затем все лучше понимаемая греческая, эллинистическая. Наконец третий слой, самый молодой, — *traditio christiana*, расцветающая с первых веков христианства. Она окончательно сформировала европейское сознание. В раннем Средневековье не говорили «европеец» — говорили попросту «Christianus». На эту сетку понятий польская литература еще со Средних веков накладывала собственный этногенетический миф. Предками польской шляхты были якобы древние сарматы. Поэтому «сарматство», национальная идеология польской шляхты, — это и первая форма европейского сознания поляков.

Второй показатель — это, несомненно, пространственное сознание, построенное на античной, Птолемеевой модели мира (Европа — Азия — Африка), сосредоточенного вокруг Средиземного моря, *mare internum* Северной Европы и одновременно *mare nostrum* «германов», «готов» и «сарматов». В связи с пространственным укла-

дом культуры в Европе Средних веков и Нового времени следует скорее говорить о «двойной системе» внутренних морей, выполнявших важную роль в объединении континента и в посредничестве между его различными регионами. Другие важные показатели пространственного сознания — это оппозиция Восток—Запад, которая накладывалась на архаическую и мифологическую схему оппозиции Европы и Азии, а также более новое, все расширяющееся расхождение между Югом и Севером. Последним из показателей простран-

ственного сознания стал римский *limes* [рубеж] на Рейне и Дунае, который на протяжении следующих столетий предстояло отражать пограничным линиям, прочерченным руслами Вислы и Дона. Характерный показатель европейского пространственного сознания — динамика. Европа с самых ранних стадий развития этого понятия (и мифа!) всегда *перемещала* и расширяла границы пространственного уклада культуры.

Окончательный результат этой экспансии — нынешний евроатлантический уклад культуры, в котором роль *mare internum* от Средиземного моря перешла к Атлантическому океану, и это не только результат эволюции глобальных политико-стратегических отношений. Такое направление развития было, можно сказать, вписано в пространство Европы и в динамический характер европейского сознания.

И, наконец, языковое сознание, основой которого было сначала чувство языковой общности *hellenica glotta*, а затем выделившийся из нее и вплоть до XV века соперничавший с нею *orbis latinis* Запада. Явная склонность поддерживать сознание европейской языковой общности видна в постоянном воздействии латыни как универсаль-

ного языка верхов: вероисповедного (язык литургии до середины XX века) и интеллектуального (язык науки до конца XVIII-го). Затем роль общего языка по временам в определенных кругах выполнял французский, затем — в различных сферах умственной жизни — немецкий, в последнее время английский. Особое доказательство жизнеспособности европейского языкового сознания представляют собой попытки сконструировать искусственные языки (такие, как эсперанто или интерлингва) на основе грамматических структур и лексического запаса романских языков. В последнее время кажется, что европейским языком ныне становится универсальный вариант глобального, то есть весьма своеобразного и весьма неправильного английского языка, хотя время от времени идут разговоры о восстановлении в правах латыни, наверное уже не того бесфлексийного жаргона астрономов (*latina sine flexione*), впрочем, и в этом случае весьма своеобразной, полной практических неологизмов.

Во всяком случае очевидная необходимость легкого и в то же время функционального общения в рамках централизованных структур европейского общества, или европейское языковое сознание, возможно, более очевидно, чем когда-либо раньше. «Идея Европы» или же разнообразные «европейские идеи» (я сознательно оставляю эти термины в кавычках, как будто они еще не до конца всеми приняты!) и тот факт, что с ними обычно весьма тесно связывают вопрос европейского сознания, — все эти вопросы в последнее десятилетие приобрели особую актуальность. Однако актуальность европейской тематики, должно быть, была очевидна для каждого, кто выступал по вопросам политики, культуры и экономики по крайней мере сразу после II Мировой войны. Восстановление из руин памятников европейской цивилизации, а главное, строительство на этих руинах новой континентальной и одновременно — как образец — универсальной цивилизации, притом в мире, не только материально разрушенном, но и искусственно разделенном, склоняло к мыслям более общего плана.

Вернемся теперь к поэту-философу, поэту-волхву, писателю — учителю европей-

ского сознания. Мы, пожалуй, должным образом осознаём роль, которую в этом образовании поляков — как патристическом, так и «европеистическом» — сыграли политические писатели и историографы Ренессанса, а затем эпические поэты XVII века (такие, как Петр Кохановский, Вацлав Потцкий, Веспасиан Коховский), позднее, в первой половине XIX века, — национальная эпопея Мицкевича, а потом рыцарский эпос прозой Генрика Сенкевича. Нет сомнения, что именно литературное повествование, т.е. рассказанный миф, на протяжении столетий играло в историческом образовании поляков куда более важную роль, чем мысль профессионального историка.

Такое положение дел идет издавна, еще со Средних веков и средневековой западноевропейской историографии. Тогдашние польские авторы брали географические и исторические понятия у французов и немцев. В то же время не надо забывать, что польские летописи, особенно «*Chronica Polonorum*» в четырех книгах Винченца по прозвищу Кадлубек (†1223) и несравненный труд Яна Длугоша «*Annales seu chronicae inelyti regni Poloniae*» (XV век), имели неоценимое значение, если говорить о воспитании польской шляхты на протяжении следующих двух веков. Первая из этих летописей, отличающаяся несколько ошеломительной эрудицией и действительно выдающимися литературными достоинствами, долго использовалась в нашем университете как официальный учебник по отечественной истории и одновременно книга по «гражданскому воспитанию». Ее главной заслугой с той точки зрения, которая нас здесь занимает, — хотя наверное и сомнительной, если принять взгляды позитивистской фактографии эпохи Просвещения, — было более свободное, чем у

безымянного летописца, называемого Галлом, введение в историческое повествование литературного мифа, восполняющего недостаток фактического материала, а иногда прямо замещающего этот материал.

А труд Яна Длугоша, хотя до XVIII века доступный лишь

в рукописных копиях, труд, который оказал очень сильное влияние на многочислен-

ных польских и европейских историографов, особенно в XVI-XVII вв., и формировал, по крайней мере косвенно, расхожие мнения о Центральной Европе, — это труд ввел и сделал общераспространенным понятие Сарматии, отождествляемой с родиной славян, в том числе и политической нации поляков. На этих польских летописцах в немалой мере лежит ответственность за распространение стереотипных суждений, отождествляющих древних сарматов с мнимыми предками славян. Кроме того они снабжали многих позднейших авторов эпохи Возрождения и барокко, как поэтов, так и тех, кто писал художественной (т.н. риторической) прозой, многочисленными и в то же время баснословными деталями о происхождении польской нации, в том числе и о сарматской генеалогии польской шляхты.

Польские поэты и прозаики позднего Средневековья, эпохи Возрождения и барокко положили начало идущему в этом направлении истолкованию исторических и географических обусловленностей национальной истории. Они старались выяснить общий, иногда «скрытый» смысл истории Польши. Здесь не могло обойтись без сказки, без мифологии. Все это очевидно для каждого, кто хоть поверхностно столкнулся с польской баснословной историографией. В XV-XVII вв. наши писатели ставили себе целью поместить все доступные им, нередко избыточные удивительными подробностями, но не слишком точные знания о прошлом Польши в гораздо более широкие рамки европейской действительности и в гораздо более давние античные традиции. Свой долг перед национальной историей они, по всей видимости, понимали следующим образом: найти недостающее звено между нашей историей и общим прошлым европейских народов. В мире, в пространстве, описанном во всех известных им греческих и римских источниках (например, у Геродота, Тита Помпония Мелы, Клавдия Птолемея, Публия Корнелия Тацита и др.), очень трудно было найти подходящее место для их собственных предков. Пространство, довольно туманно определяемое в этих источниках под именем Сарматии, было единственным таким местом, выглядевшим

правдоподобно, — это и содействовало возникновению исторического мифа о «сарматском генезисе» польской нации («natio Polonorum»), что, разумеется, означало шляхту.

Напомним здесь хотя бы несколько основных фактов об исторически существовавших сарматах. Они занимали широкие просторы между Доном (который греки называли Танаис) и Волгой с VI в. до Р.Х. В этническом и языковом отношении они принадлежали к иранской семье. Геродоту поразило сходство их языка со скифским. По общепринятому ныне мнению, сарматы, возможно, родом из Средней Азии. Считается, что они прикочевали оттуда и, перейдя Дон, победили скифов. Со времени, когда сарматы начали сталкиваться с римскими легионами, сведения о них обогатились. Они угрожали римской провинции в Нижней Мезии во времена Нерона, доставляли неустанные неприятности и следующим императорам: Веспасиану, Траяну и Марку Аврелию. Адриану пришлось озаботиться укреплением пограничных гарнизонов вдоль границ Мезии и Каппадокии, чтобы сдержать их напор на империю. Во II в. по Р.Х. сарматы напали на Дакию в союзе с германскими племенами, однако ста годами позже нашествие готов положило конец их независимости. Наступившие после 370 г. буйные набеги гуннов смели сарматов, которые в VI в. окончательно исчезли с арены истории.

Скупые исторические упоминания о сарматах, почерпнутые из античных источников и повторенные западными летописцами, позволили польским авторам представлять это полутаинственное племя предками польской нации.

Средневековые летописцы, как и их ренессансные и барочные подражатели, поселяли сарматов обычно в бассейне Вислы, которую столь же традиционно, сколь и анахронически считали пограничной линией между древней Германией и Сарматией. Один из самых влиятельных историков XVI в. Мацей из Мехова описал уже гораздо подробнее европейскую часть этой «новой Сарматии», называя ее «европейской Сарматией» и последовательно от-

нося это название к Польше и литовским и русским землям вплоть до Дона. Это позволило в будущем обострить различие между «европейскими» поляками и их «азиатскими соседями», татарами, или, в соответствии с античной номенклатурой, «скифами». С первой половины XVI в. скифами называли и москалей («ferox Moschus»).

Однако куда серьезнее оказались последствия идеологического порядка. Эта псевдосарматская генеалогия польской шляхты, считавшей себя ядром всей нации, подсказывала также много облегченных ответов на вопросы, касавшиеся не только отдаленного прошлого, но и настоящего и будущего. Исторические сарматы были, например, известны умением сосредоточить вокруг себя особую политическую структуру — многоэтническую федерацию племен. Это обстоятельство с усердием использовали польские политические писатели XVI-XVII вв., чтобы показать ее как своего рода прототип современной им государственной структуры. Поэтому унию двух, а фактически трех народов: Польского Королевства, Великого Княжества Литовского и [Западной] Руси называли Речью Посполитой поляков или сокращенно Сарматией, понимаемой как «европейская Сарматия». Ясно, что это уже были не баснословные выдумки или псевдоисторический маскарад под античность в гуманистически-ренессансном духе. На протяжении XVII в. понятие «Сарматии» стало политико-географической концепцией, позволяющей мыслить о равноценности — перед лицом исторического прошлого Европы — христианских народов, населяющих ее центрально-восточную часть, примерно в равной степени живших под угрозой мусульманской (турецкой и татарской) опасности и выполнявших по отношению к Западу функцию «наружного крепостного вала».

Тот же сарматский миф служил утверждению особого статуса шляхты — как коронной [исконно польской], так и литовской, которая любила изображать себя нацией воинов. Многочисленные сочинения в стихах и прозе, известные как «*descriptions gentium*», описывали различные характерные черты польско-литовско-русских «сарматов».

Такого рода весьма общие и поверхностные описания черт национального характера стали крайне популярны в XVII-XVIII веках и сами превратились в особый литературный жанр, такой же, как проповеди, песни и сказания. Наравне с воспитательной литературой, проистекавшей еще из гуманистически-ренессансной культуры, они служили укреплению и распространению идеологии польской шляхты. И самое эту идеологию мы называем ныне термином «сарматство». Смысл этого определения очень широк, ибо это не была всего лишь культурная формация польской и литовской шляхты. В нее входили такие стереотипы, как вышеупомянутая «древность польской нации» или роль «наружного крепостного вала христианства» («*antemurale Christianitas*»), выполнение которой было Польше предназначено и которая предвещала польское мессианство XIX века. Сарматство заодно подсказывало объяснение причин польской «диковинности» и чуждости в Европе: предки-то наши прибыли извне (с Востока). Кроме того сарматство принципиальным образом реабилитировало «варварские» корни шляхетской нации поляков (и славян вообще), указывая на мнимое превосходство сарматов, привыкших к холоду и непогоде, над римской армией. Более того, «сарматов» нового времени уже нельзя было считать «восточными» пришельцами, раз они жили с культурным и вероисповедным наследием империи. Они вошли в европейскую христианскую общность.

Таким образом, сарматство, если мы будем рассматривать его как литературную форму выражения польского самосознания, национального облика, составлял весьма особую смесь шляхетской гордости и не всегда до конца залеченного чувства неполноценности по отношению к гордящимся более древней генеалогией соседям в «родимой Европе».

Вот, кстати, почему геополитическая парадигма сарматства в своей старопольской, первоначальной, плюралистической форме не могла устоять дольше. Ибо надо было делать выбор между «европейскостью», т.е. в нынешнем значении «западным», или всеобщим, универсальным, и тем, что означало уже не только «домашнее», т.е. «свойское», но со временем и косность, и попро-

сту провинциальность. Усилия так или иначе примирить сарматский этос с духом Просвещения в конце XVIII в. оказались безуспешными.

Тем не менее сарматская традиция, закрепленная в старопольской литературе, удивительным образом очаровывала писателей XIX-XX веков. Трудно было просто взять и пройти мимо сарматства, особенно когда его национальные стереотипы были переняты или же в известной степени унаследованы другими слоями общества, в особенности средней буржуазией и интеллигенцией, которая всегда считала себя нравственной и духовной наследницей шляхты. Поэтому дискуссия о национальных пороках и добродетелях поляков даже и сегодня непредставима без постоянного возврата памятью к сарматству.

Как же я вижу старопольскую «Сарматию» — понятие, одновременно геополитическое и геокультурное, исторически переменчивое и остающееся образцом для размышлений о культурном пространстве Центрально-Восточной Европы? Может быть, сначала сделаем оговорку насчет употребления союза «и» в определении «Центральной и Восточной» или опущении его. На мой взгляд, понятие «Сарматии», сформированное польскими писателями от Длугоша до Мацея Меховита, разрешает это сомнение в пользу формы «Центрально-Восточной». «Европейская Сарматия», понятие, которое уточнил Меховит, — это «Центральная Европа», достигающая восточных окраин Речи Посполитой, так далеко, как достигали институты западного университета и западной демократии (разумеется, шляхетской). «Азиатская» же «Сарматия» — это Восточная Европа, Россия до петровских реформ, еще не «озападненная». Потом границы Европы начнут расширяться к востоку вместе с «европеизацией» Сибири.

И второе заключительное замечание: о динамике понятия «Сарматия» на протяжении истории. Самая древняя «Сарматия», зарегистрированная античными историками, греческими и римскими, т.е. «европейскими», — это в первоначаль-

ном пространственном значении территория *barbaricum*, некое неопределенное «где-то там», вне охвата культурного сознания. Следующая стадия идеи «Сарматии» — это как раз «европейская Сарматия» в позиции «между» цивилизованной территорией *limes'a* Римской империи (разделенной на латинский Запад и греческий Восток) и азиатским *barbaricum*. Эта «Сарматия» — то самое «*antemurale Christianitas*», сформированное в XV-XVII веках. Хронологически третье понятие — «Сарматия» XVIII в. как «анти-Европа», или Польская Речь Посполитая, стоящая в оппозиции абсолютистскому Западу Нового времени и озападненной России. Это уже не «Сарматия между» — это скорее «Сарматия на проигрышных позициях». И, наконец, «Сарматия» с перспективы XIX (например, краковских «Станчиков») и XX веков: территория культуры, чувство связи с которой утрачено, «Сарматия некогда и не здесь», у одних народов Центральной и Восточной Европы вызывающая смущение, у других — защитный рефлекс. Поэтому, на мой взгляд, стоит напоминать концепцию «Сарматии» как пространственно-культурной парадигмы, главными показателями которой были многоэтничность, многоконфессиональность, многокультурность и чувство гражданской свободы, регулируемой (разумеется, главным образом в теории) законом. Возможно, как раз это припоминаемое и познаваемое понятие «Сарматии», сформированное литературой и с ее помощью пропагандировавшееся, облегчит нам сегодня разговор об общем для поляков, литовцев, белорусов и украинцев литературном наследии эпохи Средних веков, Возрождения и барокко, писавшемся на различных языках (включая латынь) и с различными исповеданиями веры в сердцах. Может быть, «Сарматия» избавит нас от соблазна расчленять это наследие в соответствии с анахроническими — ибо возникшими гораздо позже — критериями национального государства?

Андрей Буровский

ПОЛЯК, КОТОРЫЙ «ПОСТРОИЛ КРАСНОЯРСК»

(Архитектор В.А.Соколовский)

Слово «сибиряк» — пример того, как одно слово имеет совершенно разный смысл в России и в Польше. В России «сибиряк» — это русский, живущий в Сибири. В Кракове, в картинной галерее на Рыночной площади выставлена картина Матейко «Sybigasy», то есть «Сибиряки». У поляков «сибиряк» — это ссыльный, каторжник, узник ГУЛАГа.

Все поляки, о которых писал Антоний Кучинский на страницах и своих книг, и «Новой Польши», попали в Сибирь не по своей воле. Они — исследователи, первопроходцы, ученые, мастера. У якутов даже серебро стало называться «польским золотом». Но в Сибирь они пришли в кандалах.

У нас слово «сибиряк» вызывает вовсе не образы изможденных людей в серых арестантских халатах, которых гонят вглубь Сибири. Но сочетание слов: «Поляк в Сибири»... Память услужливо рисует образы из не очень далекой истории: штыки конвойных, раздолбанные мокрые дороги, сердобольные старушки, подающие хлеб, сующие крынки с молоком в колонну...

В обеих странах плохо помнят о других поляках — совершенно лояльных подданных Российской империи. А ведь и они были. Стремясь учиться, польский юноша попадал в Москву или в Петербург. В поисках куска хлеба он получал назначение в любой уголок беспредельной империи. И как складывалась его судьба, зависело только от него.

Герой моей статьи Владимир Александрович Соколовский происходил из шляхты Витебской губернии — современная Белоруссия. Родился он 1 мая 1874 г., в 1901 г. окончил санкт-петербургский Институт гражданских инженеров. Окончил он курс хорошо, а по окончании института был определен младшим архитектором строительного отделения Енисейского губернского управления. Почему именно сюда? А потому что было вакантное место.

Кем он был в Красноярске? Поляком? Не знаю, как в собственных глазах, но для 90% населения он был в первую очередь русским интеллигентом. Русским не по этническому принципу! Образованная верхушка громадной многонациональной империи состояла и из немцев-лютеран, и из поляков-католиков, и из крещеных евреев, а в начале XX века все чаще включала в себя и мусульман.

Эта верхушка империи владела русским языком совершенно свободно, даже если русский язык и не был для кого-то родным. В детстве Владимир Соколовский говорил и по-польски, и по-русски. Вокруг него по всей Витебской губернии звучал русский язык, и для пана Соколовского он был так же привычен, как польский.

Империя казалась незыблемой, а Соколовский явно был не из обиженных ее политикой. Вообще в политике он не принимал никакого участия — ни в студенческие годы, ни позже. Он никогда не принимал никакого участия ни в движении социал-демократов, ни в движении за польскую автономию. Вот чем он занимался очень активно — так это профессиональной работой.

В 1900-е годы в Красноярске жило всего 27 тысяч человек — маленький городок, занимавший ничтожную часть нынешнего Красноярска с его населением в 700 тысяч человек. Красноярск лежал на пересечении водного пути, Енисея, и Московского тракта, соединявшего Сибирь с Европейской Россией. В 1895 г. до Красноярска дошла железная дорога: строилась она от Москвы на восток, пронзая всю сибирскую часть империи до Владивостока и Маньчжурии.

За несколько лет из бедного и сонного городишки Красноярск превратился в город динамичный и богатый, важный промышленный и торговый центр. Город рос как на дрожжах и стремительно строился. За считанные годы возникает необходимость в возведении множества многоэтажных доходных домов, особняков, гостиниц, бань, водонапорных башен, магазинов, учебных заведений, общественных зданий.

Непечатое поле для работы архитектора! Тем более, к этому времени Соколовский уже стал специалистом зрелым, сложившимся... и молодым. В этом смысле Соколовскому повезло — он попал в нужное время и в нужное место.

Но ведь и другие молодые архитекторы находились в том же месте, жили в то же время — а именно Соколовский, без преувеличения, вошел в историю. И современники оценили его — в 1909 г. Соколовский был назначен енисейским губернским архитектором.

И все же объем сделанного Владимиром Александровичем чуть ли не выходит за пределы возможного. Трудно поверить уже в то, что за свою жизнь Соколовский стал автором то ли 197, то ли даже 275 архитектурных проектов. Ведь каждый мост, башня или дом — это не только творческий замысел. Это и калькуляция расходов, и вычерчивание планов, создание модели будущего сооружения, поиск материалов и подрядчиков. Строительство — это и ведение переговоров с заказчиком и подрядчиками (которые могут в любую секунду сорваться или остановиться). Это и сам процесс строительства, управление рабочими бригадами, и множество мелочей, которые невозможно предусмотреть заранее и которые обязательно возникают в процессе практической работы. Не говоря о том, что лето в Сибири короткое, а строить в мороз, ветер и холод, под холодными дождями — непросто.

А ведь Соколовский строил не только в Красноярске — много зданий возведено им в Минусинске (370 км к югу от Красноярска), в Енисейске (300 км к северу), в Ачинске (250 км к западу), в Канске (300 км к востоку). Строил он и мосты, и здания вокзалов, водонапорные башни вдоль Сибирского железнодорожного пути.

А ведь 275 осуществившихся проектов — это минимальная цифра. Называют более 100 деревянных домов, особняков или малоквартирных зданий на 4-8 семей. Говорят о примерно ста церквах, построенных им. Наверное, среди этих проектов было много типовых, которые не требовали больших творческих усилий. Но и с учетом этого — цифры почти за пределом реального.

К тому же среди построек В.А.Соколовского — много крупных и совершенно уникальных каменных сооружений, определивших лицо центральной, исторической части города. В их числе здание епархиального училища, здание Общественного собрания, особняк купца В.Н.Гадалова, два торговых дома И.С.Либмана, типография М.Я.Кохановской, особняк И.А.Ицина, торговый дом купца Н.Г.Гадалова, почтамт, здание торговой компании «Ревильон-братья»...

Все это крупные, очень заметные в городской архитектуре здания, которые и сегодня используются как важные общественные сооружения. Некоторые из них сохранили свою функцию, как почтамт и типография. Другие стали использоваться иначе: здание Общественного собрания стало Домом офицеров, в особняке купца В.Н.Гадалова расположилась художественная галерея. Но все эти здания прекрасно известны красноярцам.

Иногда доводится слышать, что «Красноярск построил Соколовский». Это сильное преувеличение, но характерно, что так порой говорят. Ведь и правда, всю центральную часть города трудно представить себе без зданий, построенных по проектам Владимира Александровича.

Наследие Соколовского тем более масштабное, что большинство построек Соколовского, определивших лицо центральной части Красноярска, созданы им менее чем за 10 лет — с 1907 по 1914 годы.

Если же о качестве сделанного...

В каждой постройке работы Соколовского творчески соединяются архитектурные стили. Начало XX века вообще было временем динамичным для развития архитектуры: классицизм, эклектика сменяются стилем модерн, стремительно развивается неоклассицизм, неоренессанс, псевдорусский стиль с элементами «нарышкинского барокко», сам модерн раскалывается на несколько направлений... Для человека творческого и талантливого — раздолье.

Соколовский владел разными архитектурными стилями — так человек, живущий на стыке культур и народов, владеет несколькими языками. Римско-католический костел в Красноярске построен им в готическом стиле. Синагога в Ачинске — в романском. Оба здания стилизованы так умело, что кажутся попросту перенесенными на берега Енисея из совсем других краев, из другой эпохи.

Но чаще всего Владимир Александрович идет по пути синтеза архитектурных стилей. Соколовский то причудливо соединяет мотивы ренессанса, барокко, модерна, то строит в псевдорусском стиле с элементами классицизма, то использует мотивы мавританской архитектуры. При сооружении нескольких двухэтажных деревянных домов он использует даже мотивы тибетско-монгольской архитектуры — что для России начала XX века несравненно экзотичнее, чем мавританские.

И все у него получалось! «Многостилье» не вело к разрушению целостного архитектурного образа. Элементы разных стилей у Соколовского всегда соединялись без малейшего противоречия, создавали единый гармоничный образ. Гармоничный — но и напряженный, сложный, заставляющий раз за разом всматриваться в уже, казалось бы, знакомое.

Эта сложность, неоднозначность архитектуры Соколовского — может быть, самая привлекательная сторона его наследия. Здания, построенные им почти столетие назад, составившие очень заметную часть центрального района Красноярска, обращают на себя внимание, запоминаются. То бросается в глаза силуэт, эффектно рисуется на фоне закатного неба. То взгляд выхватывает окно необычной формы, то ажурный орнамент, то обратишь внимание на элементы фасада, которых почему-то не замечал в прошлый раз.

К созерцанию того, что построил Соколовский, хочется возвращаться — по тем же причинам, по которым хочется вернуться к старинным церквям XVII столетия, к Дворцовой площади в Санкт-Петербурге или к Рыночной площади в Кракове. Архитектура Соколовского делает Красноярск уникальным. Это заслуга не одного Владимира Александровича, но несомненно, его заслуга очень велика.

Был он поляк или русский? Вероятно, самый корректный ответ: он был русским польского происхождения. В Европе различают «национальность», то есть гражданскую принадлежность, и «этническое происхождение» — то есть принадлежность к этно-культурной группе.

В.А. Соколовский был лоялен к Российской империи, всю свою жизнь он прожил в России. Он говорил, писал и думал по-русски и входил в гражданскую общность россиян. Что никогда не мешало ему не отрицать своей «польскости». Когда в СССР стали вводить паспорта, а в паспортах писать национальность, Соколовский в пресловутой «пятой графе» писался поляком.

Владимир Александрович был крещен как католик и не перестал исповедовать католичество... В том смысле, что он никогда официально не порывал с Церковью. Но и в костел он не ходил и, по крайней мере в красноярский период своей жизни, вовсе не был прихожанином католического храма. Соколовский строил этот прекрасный римско-католический храм на средства польской общины. Но сам Соколовский в этот костел не ходил, а к польскому землячеству не имел никакого отношения. Никогда.

Судя по всему, к религии он был совершенно равнодушен — как и 90% русской интеллигенции этого поколения. По своим вкусам, взглядам и мировоззрению он вообще был типичный русский интеллигент польского происхождения.

Как ни парадоксально, но католичество помогало ему в этом равнодушии к религии. Церковь в Российской империи не была отделена от государства. Если православный человек становился официальным лицом — учителем в гимназии, архитектором, чиновником, он просто в силу должности должен был посещать службы в церкви. Получаешь деньги от правительства? Изволь хотя бы внешне быть лояльным и к вере. Бывало, что фрондирующего государственного служащего официально предупреждали: не будешь ходить в церковь — не продвинем по службе, а то и выгоним как не оправдавшего доверия. В Сибири власти были терпимее, чем в Европейской России, но вообще-то от чиновника и тут ждали если не веры, то лояльности.

Католичество же был нелюбимо — как религия «исторических врагов» Российской империи. Если католик не ходил в костел — власти могли посмотреть на это сквозь пальцы. Лучше бы, конечно, перешел в православие... Но если и не переходит, если «просто» не посещает католические службы — то пусть себе. Равнодушие католика к католичеству оставляло власти равнодушными.

Так польское происхождение и католичество помогали Соколовскому быть и последовательным атеистом, и типичным русским интеллигентом. Один из парадоксов истории.

Соколовский входил в число русских интеллигентов, которые очень спокойно приняли советскую власть. Не восторженно — а именно спокойно. Возможно, эта новая власть даже как-то отвечала представлениям Соколовского о справедливости, о правильном мироустройстве... Но и об этом можно

говорить только предположительно, потому что сам Владимир Александрович об этом никогда не высказывался. Не вел он политических разговоров. В Белом движении он не участвовал, но не был ни дня и в Красной армии.

Если можно утверждать, что Соколовский признал советскую власть, то лишь по одному очень надежному признаку: на советскую власть он работал так же добросовестно, как и на власти Российской империи. В конце концов, что бы ни творилось вокруг, должен же был кто-то строить и ремонтировать дома?

С 1917 г. Владимир Александрович работал в Енисейском губсовнархозе инженером отдела строительного производства. Вскоре он был назначен на губернскую военно-инженерную дистанцию прорабом по строительству военного городка и начальником военно-инженерной дистанции.

Военный городок в наше время — один из районов города, где расположено Высшее командное училище. В те времена Военный городок был одним из городов-спутников Красноярска.

В 1922 г. Соколовского направили в Енисейский политехникум, преподавателем по строительным дисциплинам.

В 1930 г. организуется первое в Красноярске высшее учебное заведение — Сибирский лесотехнический институт. В нем Соколовский начал преподавать строительное дело на правах доцента.

В эти годы он меньше строит, никогда не повторился период 1907-1914 годов. Впрочем, это и закономерно — возраст. Соколовскому за пятьдесят, он больше учит, больше организует, чем делает сам.

Карьера В.А.Соколовского началась в Российской империи, плавно продолжалась в СССР. Соколовский никогда не подвергался никаким репрессиям, а, наоборот, всячески поощрялся и поддерживался — как властями Российской империи, так и властями СССР. В 1937 г. он был принят в члены Союза советских архитекторов. В 1944-1946 гг. был начальником Красноярского краевого отдела по делам архитектуры.

Судя по отзывам стариков, знавших Соколовского при жизни, был он человеком немногословным, внешне суровым и строгим. И очень справедливым. На склоне лет он мало рассказывал о прошлом, не оставил мемуаров. Возможно, на него все-таки наложила отпечаток страшная сталинская эпоха: привык молчать, не высказываться по любым вопросам кроме порученного дела.

Думаю, что старился Владимир Александрович более комфортно, чем очень многие люди: в городе, который сам построил. Великий архитектор умер 24 февраля 1959 г. и похоронен на Троицком кладбище Красноярска.

На мой взгляд, В.А.Соколовский — не только пример поляка, который много сделал в России и для России. Это пример поляка, который выбрал путь ассимиляции в стране. Он ведь не мог не понимать, что его дети и внуки по неизбежности растворятся в России, станут русскими. Они и стали. В России живут его внуки и правнуки. Польского предка они помнят.

Приятно, что Соколовский далеко не забыт в Красноярске. Материалы его личного дела хранятся в Красноярском краеведческом музее, куда переданы его сыном Георгием Владимировичем в 1973 году. С документов сняты копии, подлинники остались в семье Соколовского.

Вацлав Серошевский

Перевод
Ольги Давиденко

ОХОТА НА РЯБЧИКОВ

Рышард Матушевский

О ВАЦЛАВЕ СЕРОШЕВСКОМ (1858-1945)

Жизнь и творчество Вацлава Серошевского, выдающегося польского прозаика конца XIX — первой половины XX в., отражает (особенно на раннем этапе) весь драматизм и в то же время парадоксальность судьбы молодого польского патриота в эпоху царизма. Ибо разве не парадоксально, что двадцатилетний ссыльный, вывезенный в самый дальний закоулок Сибири, совершенно неожиданно становится ее певцом, проникательным и дружелюбным наблюдателем и летописцем жизни населяющих эту землю людей?

Вацлав Серошевский родился в 1858 г. недалеко от Варшавы. Уже в раннем детстве он лишился отца, посаженного в тюрьму за участие в восстании 1863 г., а вскоре после этого умерла и его мать. Воспитанием мальчика занялись дальние родственники. После того, как Серошевского исключили из 5-го класса варшавской гимназии за участие в тайных патриотических обществах, он пошел в ученики слесаря и начал учиться в железнодорожном техникуме. Еще подростком он присоединился к социалистическому движению, создавал кружки и кассы сопротивления, распространял среди рабочих нелегальные брошюры. В 1878 г. он был арестован и заключен в знаменитый 10-й корпус варшавской цитадели, где редактировал конспиративную газету «Глос вензия» («Голос узника») и писал революционные стихи. В 1879 г. за оказание сопротивления во время бунта заключенных Серошевский был приговорен к 6 годам

Несколько дней подряд Красуский ходил как отравленный. Осенний перелет птиц кончился, а вместе с ним прервались и работы в мастерской. Бездействие увеличивало тоску. Он не мог читать книги, потому что любое напоминание о родине, о другой жизни будило в нем обжигающую до безумия боль. К счастью, пришел Ян, заглянул сначала в юрту Александрова и сразу же наткнулся на поникших и унылых друзей.

— Что случилось? Что носы повесили?... Высиживаете печаль, как курица яйца... Приходите ко мне... Такая у меня там красота... Все горы в кораллах, в золоте... Ягод — море... Ляжешь — и, с места не трогаясь, сытым встанешь. На ветвях рябчики — как индюки, а тетерева — как кони... Выпейте по *рямочке*¹ и пойдёмте! — он стукнул по табакерке и протянул ее им.

Нихорский, погруженный в чтение, поднял на мгновенье голову, Александров пробормотал что-то неразборчиво, поддался соблазну только Красуский.

— Может, еще кто? Может, Петров или Самуэль?

— Нет, не проси никого, пан Ян!

Пан Ян, потеряв место в больнице, переселился к реке. Там, в селекции Бурундук, в миле от городка, дал ему один родич жены старую юрту для жилья. Сразу же за юртой высоко возносилась крутая гора, до половины заросшая лиственничным лесом и густым березняком. Перед юртой расстился обширный луг, который, как и у переправы, отделяли от реки полосы леса и непроходимого сплетенного лозняка. На лугу в разных местах сияла гладь замерзшей воды и блестели топкие места. Большое, длинное, как речной залив, озеро изгибалось вдоль гор у самого их подножья. Когда на следующий день охотники вышли из юрты на рассвете, Красуский не мог удержаться от веселого восклицания:

— День будет, пан Ян, как золото!

Половодье плоского белого тумана заливало луг. Деревья, кусты, стога возносились из него, словно темные острова, а дальше чернела полоса леса — как берег. Над туманом висели прозрачные просторы холодного, посеребренного солнечным блеском воздуха, накрытые сапфировым куполом неба с пятнышками поблекших звезд. Восход постепенно разгорался пурпурной зарей на золотистой подкладке. Но его свет еще мало куда проник. В горах, по ущельям и оврагам, еще таились серые остатки ночи, предметы еще не отбрасывали тень, и вся окрестность лежала без звука и движения, словно существо, пробуждающееся ото сна: глаза уже широко раскрылись, но сновидения еще не ушли.

По сухой, подмерзлой тропе охотники вышли на озеро и побежали, скользя по прозрачному зеленоватому льду. Из-под ног проглядывали длинные клубки водорослей. Оружие и все снаряжение охотников, хорошо прилаженное к телу, не болталось, не брнчалось, поэтому они двигались тихо, как тени. Иногда в темной глубине под ними загорался снопискр проворно уходящей стаи перепуганных рыбок; порой тут же под ногами они замечали ужасные головы водяных великанов: каменные

¹ Здесь и далее курсивом — по-русски в тексте.

лбы, разъявленные пасти, диски жабр,двигающиеся в равномерном дыхании, и круглые янтарные глаза, уставившиеся на них с неопишущим удивлением. Пан Ян грозил им кулаком, а они лениво шевелили красными плавниками, поворачивались к нему хвостом и пропадали в лесу водяных зарослей. Еще долго после этого лилии и ряски, задетые ими, дрожали беспокойным змеиным движением.

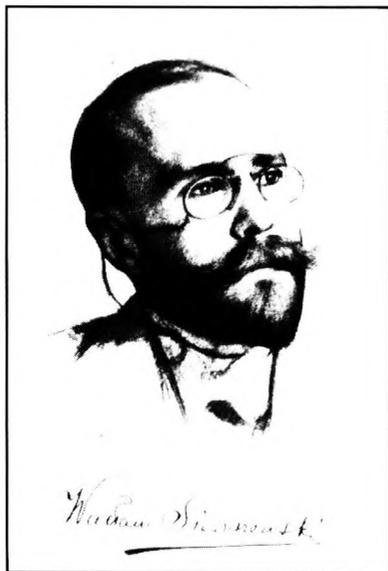
Охотники направились к горам, на которых постепенно проявлялись леса, рощи, отдельные деревья, обрывы и глыбы.

— Я знаю здесь одно ущелье, где водятся рябчики. Погоним их сначала вверх, а потом вниз. Если хорошо пойдет, всю стаю перестреляем... А только чур! Не промахиваться, — наставлял Красуского Ян.

Густой суковатый кустарник горного лозняка заполнял дно ущелья, а по пологим склонам рос высокий лиственничный лес. У горловины ущелья они разошлись. Ян пошел по левому склону ущелья, Красуский остался на правом и принялся серьезно рассматривать заросли. Солнце золотило кроны росших на вершине деревьев, но крутые склоны бросали на чащу в углублении долины пепельные тени.

Смешанная с ними сеть серого тальника образовывала дымку, в которой даже опытный глаз Красуского блуждал в отчаянной неуверенности. Он уж было подумал, что в чаще ничего нет, как на сигнальный свист Яна один сук странно пошевелился. Красуский замер и уставился глазами в это место. На ветке сидел рябчик и смотрел на него рубиновым глазом. Но стрелять было необычайно трудно: птицу было едва видно в малом окошке капризно запутанного лозняка. Охотник сильно наклонил голову, чтобы посмотреть, нельзя ли подойти с другой стороны, как вдруг прямо перед ним еще одна птица пробежала по свисающей над тропинкой ветке и, вытянув шейку, остановилась на ее конце. В тот же момент он увидел третью, четвертую, целую стаю, как они вставали и вытягивали головки. Нельзя было медлить ни секунды: он быстро прицелился и выстрелил. Раненый рябчик подпрыгнул вверх и упал камнем в заросли; остальные улетели, шумя и сверкая светлой стороной крыльев. Пока он заряжал ружье и доставал убитого из гущи, выстрелил Ян, и опять зашумело, забелело в кустах, уже выше, над их головами. Красуский, не спуская глаз с места, куда засела стая, осторожно пробирался боком, а с другой стороны, параллельно, шел Ян; они старались стрелять вместе, подавая друг другу сигналы о своем местонахождении приглушенным свистом. Не доходя до вершины ущелья, Ян крикнул Красускому, чтобы тот вскарабкался на склон и обошел стаю сверху. Сошлись они на перевале. Пан Ян был необычайно доволен, десяток птиц висело у него на поясе.

— А что? Мы молодцы! Выпьем за это по *рюмочке*? А что это вы дичь портите? Разве так годится? Я видел, как вы ранили одного, а он полетел. Мазать, так мазать, а убивать, так убивать! А то он теперь

каторги, замененной в порядке помилования, с учетом юного возраста заключенного, на вечное поселение в северных районах Восточной Сибири. Серошевскому было предписано поселиться в заполярном Верхоянске. Дважды он пытался бежать, что спустя годы стало темой его романа «Побег» (1904).

После того как он и его товарищи были пойманы на берегу Северного Ледовитого океана, Серошевский был бит кнутом, а затем сослан в один из самых отдаленных якутских поселков. Со временем события этих лет стали темой его воспоминаний «За полярным кругом», а также послужили материалом для романа «На границе лесов», ставшего его книжным дебютом в 1894 году. В 1887 г. условия его ссылки были несколько смягчены: он получил разрешение обрабатывать землю в окрестностях Якутска, откуда начал тайно посылать свои рассказы в выходящий в Варшаве журнал «Глос» («Голос»). После двенадцати лет, проведенных в Якутии, Серошевский получил право жить в Иркутске — уже в качестве вписанного в «мещанские книги» гражданина, хотя и без права возвращения на родину. Именно в Иркутске был напечатан его дебютантский роман «На границе лесов». Там же он написал обширное этнографическое исследование, которое вышло сперва по-русски под заглавием «Якуты» (1896), а затем по-польски под заглавием «Двенадцать лет в краю якутов» (1900). За эту книгу, высоко оцененную Русским географическим обществом, Серошевский получил золотую медаль и разрешение вернуться в Царство Польское. Однако прежде чем вернуться в Польшу, он посетил Петербург, где подружился с Владимиром Короленко и наладил сотрудничество с журналами «Русское богатство» и «Мир Божий». Кроме того, он побывал в Крыму и на Кавказе, а также упорядочил и издал свои самые ранние якутские рассказы в книге «Из западни» (1897).

В 1898 г. Серошевский поселился в Варшаве и установил контакт с выдающимися польскими писателями того времени, в частности со Стефаном Жеромским (1864-1925), с ре-

дакцией газеты «Правда» и с политическими кругами ППС (Польской социалистической партии). В Варшаве он опубликовал приключенческий роман «Риштау», действие которого происходит на Кавказе, а также основанный на воспоминаниях о детстве сборник рассказов «Ростки» (1901). Эти книги положили начало важному направлению в его творчестве — литературе для детей и юношества. Материал для своих произведений Серошевский черпал главным образом из собственной биографии и этнографических исследований. Таков его рассказ «Возвращение» (1903) и уже упоминавшийся «Побег» (1904). К косвенным источникам ему случилось обратиться при работе над «Китайскими повестями», в которые вошли новеллы «Боксер», «Кули» и повесть «Заморский дьявол».

Этот период творчества принес Серошевскому известность и признание критики. В то время о нем с энтузиазмом писали, в частности, редактор «Правды» Александр Свейгховский, выдающаяся писательница старшего поколения Элиза Ожешко и ведущие критики: Игнаций Матушевский, Ян Лорентович, Антонио Потоцкий, Станислав Бжозовский. Внимание критики привлекла прежде всего сибирская тематика, никогда не встречавшаяся в польской литературе в подобном масштабе, а также открытое, человеческое отношение к другим культурам, тайны которых Серошевский постиг и потому мог показать как бы изнутри, со множеством деталей. В его книгах поражали также впечатляющие описания природы, ярко выраженные характеры, но прежде всего драматические и напряженные сюжетные линии, образно представляющие героическую борьбу человека с превратностями судьбы, с гнетущей царской системой и с суровыми жизненными условиями во враждебном человеку полярном климате.

В 1900 г. Серошевский был вновь арестован — за участие в манифестации в связи с открытием в Варшаве памятника Мицкевичу. Ему было предписано вернуться в Иркутск, однако благодаря вмешательству Русского географического общества это

расскажет своим товарищам и выведет их из ущелья... Не промахнется, выведет!... Смейтесь?! Смейтесь-смейтесь, но так оно и есть!... А назад нужно будет идти очень осторожно и не дальше как до половины ущелья... Эти раненые, они пугливые, если только не сдохнут. Обходя, нужно взобраться высоко, потому что когда вниз рябчики летят, то летят подальше. Хорошо, если дадут нам выстрелить по три раза... А когда покончим с ними, попьем чаю здесь, на этом же седле... Ну, видите, какие у вас теперь глаза веселые. Говорил же я: лес — это лес! Если б жил ты у меня все время, мы бы и силков на зайцев, и луков расставили сотни две, и жили бы мы с тобой припеваючи... Сети бы забросили на этих дураков, что из-под льда на нас тарасились... В самом деле!..

— Не отпускают меня из города. А главное, у тебя, пан Ян, были бы неприятности с полицией...

— А что они мне сделают? Вышлют? Не я ли повсюду король? Только детишек жаль да старуху... Их-то за что ж?!

Он дернул пышный ус, а по лицу пробежала тень грусти. Вдохнул.

— Ого-го-го! Бывали времена! Столько страха — сколько в шапке. Шапку на голову наденешь и уже никого не боишься... Идем уж, идем, пан Красуский, а то рябчики передумают да убегут!..

Когда они загоняли стаю обратно, на верх ущелья, остаток ее, пораненный и перепуганный, сорвался с места, взвился над зарослями и полетел на перевал. По следам птиц ворвались туда и охотники. Ян уже взял понюшку табака и начал искать удобное место для костра, как вдруг лицо его застыло в напряжении, и, даже не закрыв табакерки, он молниеносно подбросил ружье к лицу. Красуский думал, что медведь, и тоже подхватил оружие, но еще до того, как разобрался, в чем дело, прогремел выстрел, а потом, не тише выстрела, весело чихнул пан Ян.

— Тыфу! Вот это везенье! Первый раз в жизни с табакеркой в руке стреляю. Даже табаку всего маленько просыпалось!

На наклонной поверхности обломка скалы трепыхался и висел вниз головой прекрасный черный тетерев, второй летел над долиной, широко раскинув крылья. Случай этот еще больше подбодрил охотников. Ян сыпал прибаутками как из рукава, разжигал огонь и готовил чай, а Красуский с улыбкой ошипывал рябчиков на жаркое.

— Жизнь, пан, не сапог, не сошьешь его по высмотренной колодке... Хочешь так, а выходит иначе... Но тем более не надо переживать — всегда что-то да получится. Например, выгнали меня из сторожей. Казалось, капут, пропасть... Тем временем живу себе, ботинки чиновникам латаю... Вчера полтора рубля дал мне исправник за подбивку подметок. «Пусть, говорит, будут... варщяские». «Варщяские, — отвечаю, — почетные, требуют угощения». Он налил стопку из графинчика, что у него в углу стоит на столике, и сам выпил за мое здоровье. «А что, спрашивает, лошадь Александрова у тебя?..» —

«У меня, пан»... — «А скоро они заберут ее в город?..» —

«Не знаю, пан»... —

«Хорошо. Когда заберут, придишь ко мне и скажешь!» Я молчу, гляжу на него, онаж покраснел. «Этого, ваше высокопревос-

ходительство, я не сде-

лаю)... — «А почему?» — «Потому, что это... не по-варшавски!» Рассмеялся и налил мне вторую стопку. «Ты молодец, — говорит, — когда чего убьешь, принеси мне...» Занесу ему тетерева. Он меня любит и хорошо заплатит... А выгнать меня без присяги из сторожей он должен был, на то он и начальник. Для того и назначен был, чтобы склонять на свою сторону, но человек волен или неволен подлость сделать... Что вы так задумались?... Не слышите?!

Красуский смотрел на сияющую под ними солнечную долину. Густой пожелтевший березняк золотил ей бока, выше громоздились порывевшие лиственницы, а по самому дну шла темная полоса ольшаника и лозняка. Там и сям краснели багряные пятна шиповника и дикой малины, все завершала синяя бездна замерзшего озера, обрамленная темными далями лесов. Цепь серых гор и голубизна неба замыкали горизонт.

— А что, пан Ян, если б так... ружье на плечо закинуть и пойти себе вот так, куда глаза глядят... Что бы было?...

— Сейчас? Зимой?

— Хоть бы и сейчас!

— Не знаете, что было бы? Заклевали бы галки да вороны и съели бы волки! Эх, пан, пан, нехорошие вам мысли в голову лезут... Снова делов наделаете!

Он посмотрел с жалостью на печальное, разочарованное лицо молодого человека.

— Послушай, пан, лучше я расскажу, как я раз влюбился в русскую женщину, ведь и среди них бывают сладкие и сердечные...

— Ох нет, не надо!...

— А что тогда?

— Лучше что-нибудь другое...

— Ну, тогда, пожалуй, расскажу, как мы, поляки, уже здесь, в Якутской губернии, бунт подняли. Нас, видите ли, сначала поселили на юге губернии. Много нас пригнали, молодых ребят, все воевавшие... Но расселили поодиночке по якутам, запретили встречаться. Привыкший к компании, сначала я очень скучал... А тут еще есть дают, Господу Богу только известно, какие объедки, ни купить, ни достать... Оружия нет, якуты следят за нами, за порог и то боятся выпустить. В городе нам обещали присылать *пособия*: пуд муки и три рубля деньгами, но жду я месяц — нет, жду другой — нет... Между тем мой хозяин, такой маленький князек якутский... несколько раз был в городе и сказал, что ходил в полицию, но ему все время говорили одно и то же: нет *ассисловки*! Только мне это подозрительным показалось, потому что в глаза он мне прямо не глядел и очень старался меня успокоить. Я ему говорю: «Сам с тобой в город поеду». — «В город, — говорит, — нельзя!» — «Ну тогда отведи меня к моим товарищам!» — «Тоже нельзя!» — «Спрашиваться у тебя не стану!» — «Иди тогда сам, если хочешь, пусть тебя медведь съест... или в болоте утопнешь!» И правда, лес глухой, тропинок мало, а я был еще непривычен к якутскому лесу, боялся его. Якуты дорогу показать не хотят. Я притворился, что уже и не думаю об этом. Но между тем следил, в каком направлении якуты в город ездят. Заметил, что на этой дороге, на расстоянии нескольких сажен, есть затес на дереве... Я это запомнил, и однажды, когда тоска меня замучила, дождался, пока якуты пойдут на работу, по той дороге напрямик и махнул. Прошел несколько верст, вижу, снова луг, похожий на мой, посередине юрта стоит. Я стал примериваться в нее войти, а оттуда выходит Франек Лозняк, товарищ мой! Я аж вскрикнул от удивления, так близко он был от меня, а я и не знал. Он тоже очень обрадовался. Разговорились. У него та же проблема, что и у

предписание было заменено разрешением совершить научную экспедицию в Японию. В 1903 г. через Сибирь и Манчжурию Серошевский прибыл на остров Хоккайдо, где начал исследовать жизнь племени айнов (впоследствии описанную в книге «Среди косматых людей», 1927). Из Японии он отправился в Корею, посетил Китай и в 1904 г. через Цейлон, Египет и Италию вернулся в Варшаву. Результатом путешествия стал цикл репортажей «На Дальний Восток» (1904), этнографическое исследование «Корея» (1905), роман о трагической судьбе корейской танцовщицы «Оль-Сони Кисань» (1906) и серия удачно стилизованных «под Восток» рассказов на японские темы, собранных в книге «С волны на волну» (1910).

Во время революции 1905 г. Серошевский снова попал за решетку, но на этот раз, к счастью, ненадолго. После освобождения он нашел убежище в австрийской части разделенной Польши: жил главным образом в Закопане и Кракове, поддерживая постоянные связи с национально-освободительным движением социалистического толка. 1910-1911 гг. он провел в Париже, но незадолго до начала I Мировой войны вернулся в Краков и, несмотря на немолодой возраст (в 1914 г. ему исполнилось 56 лет), вступил в легионы Пилсудского, где служил в кавалерии под командованием овечьего легендарного полковника Белины-Пражмовского. Впоследствии, после войны, живописная фотография невысокого Серошевского с пышными усами и в высоком уланском кивере стала одним из элементов легенды писателя-сибиряка и воина, сражавшегося за независимость Польши. В созданном еще до окончания I Мировой войны социалистическом правительстве Игнация Дашинского Серошевский некоторое время был министром пропаганды. В дальнейшем же до самой смерти он оставался верным почитателем Пилсудского, своего легионного командира, а затем маршала Польши. В возрожденной Польше Серошевский какое-то время был сенатором, в 1927-1930 гг. — председателем Союза польских литераторов, когда же в 1933 г. была создана Польская академия ли-

тературы, он был избран ее президентом и занимал этот пост вплоть до начала II Мировой войны.

Поздним сочинениям Серошевского далеко до сурового реализма ранних. Среди основных книг, вышедших из-под его пера, следует упомянуть двухтомный исторический цикл «Бенёвский» (1916) и «Океан» (1917), в котором Серошевский облек в литературные формы реальное историческое лицо XVIII в., графа Мауриция Бенёвского (1746-1786), некогда уже воспетого в одном из шедевров польской поэзии — поэме Юлиуша Словацкого «Бенёвский». Серошевский сделал своего героя воплощением силы, создал образ вождя и организатора, используя в сюжете книги собственный жизненный опыт при описании побега и плавания группы изгнанников с Камчатки. В своих романах, написанных в межвоенный период, Серошевский продолжал использовать мотивы дальневосточной экзотики — таковы его книги «Далай-лама» (1927, рассказ о перипетиях молодых героев во времена, когда на территории Монголии действовал контрреволюционный командир барон Унгерн фон Штрэнбах) и «Любовь самурая» (1928, роман из времен рыцарской Японии). В 1930 г. он написал роман «Пан Твардовский, польский черно-книжник», в котором обратился к популярному в польской литературе персонажу алхимика XVI в., пытаясь рационализировать его образ и вписать его в исторический фон Польши эпохи Возрождения. В те годы Серошевский писал также воспоминания, частично опубликованные в сборнике «Путь к свободе» (1939), многочисленные репортажи, киносценарии, книги для юношества.

Весь период немецкой оккупации Серошевский прожил в Варшаве. Умер он под Варшавой, в городке Пясечно, 20 апреля 1945 г., за несколько дней до окончания войны.

Набрасывая его портрет во II томе энциклопедического справочника «Польская литература» (Государственное научное издательство, 1985), литературовед и критик проф. Анджей Лам, монографией которого я воспользовался при написании этой ста-

меня. *Пособие* не приходит. Якуты изводят, обедками кормят, работы никакой не дают, ходить дальше опушки леса не велят, а Франек был добрее меня, так его даже обзывали. Тут я рассердился. Коли так, идем к другим. Наверное все живут неподалеку. И мы пошли. Оттуда — снова в дорогу. Собралась нас целая громада. Пошли мы всей толпой в местную управу. Там нам сообщают, что о нашем *пособии* ничего не известно. Нас было человек пятнадцать. Кормить нас нечем. Дали нам сеть, наловили карасей в озере... Наелись досыта, еще и якутам осталось. Пошли в город, прямо к губернатору... Тот перепугался: казаков прислал, окружить нас приказал, но к нам вышел. И что же оказалось: что нам давно уже муку и деньги высылали из управления, но все забирала полиция. С князьками якутскими она счета водила, а квитанции поддельвали... Так пропали положенные нам деньги... Губернатор обещал, что отгадут, но вместо этого повели нас в тюрьму... Поразвозили нас потом поодиночке снова по улусам, а сдержали ли слово, не знаю, так как меня за этот якобы бунт выслали аж сюда вместе с другим товарищем, с которым мы двое в основном с губернатором и разговаривали. Тут он остался в городе, так как он из шляхты, а меня как простого человека выслали в улус... Вскоре он вернулся на родину и, отъезжая, прислал мне двустволку, которую он здесь купил... Тогда-то я и научился охотиться... А потом женился, когда совсем надежду потерял на возвращение... Хотя жена у меня и татарка, а все-таки развлечение, не то что одному... Такова моя доля... Если б можно было так, как пан говорит, ружье за спину и... куда глаза глядят, давно пошел бы, да ведь этого нельзя, это ведь то же самое, что себе в лоб стрелнуть. Мне свет еще мил!... Знаете вы это, а?... Вот я и ждал какого-нибудь манифеста... Манифесты выходили, но меня не касались, забыли наверняка обо мне...

Я писал, составлял прошения и в губернию, и к мини-

стру, но мне всегда отвечали, что не знают, кто я такой, что бумаги мои сгорели в Якутске в пожаре архивов... Но теперь, когда пришла пора присягать, то вспомнили... Такие они, эти москали!

Он вздохнул, но сразу после этого вскочил на ноги и весело воскликнул:

*Пора, домой, пора,
Поразвлекали нас.*

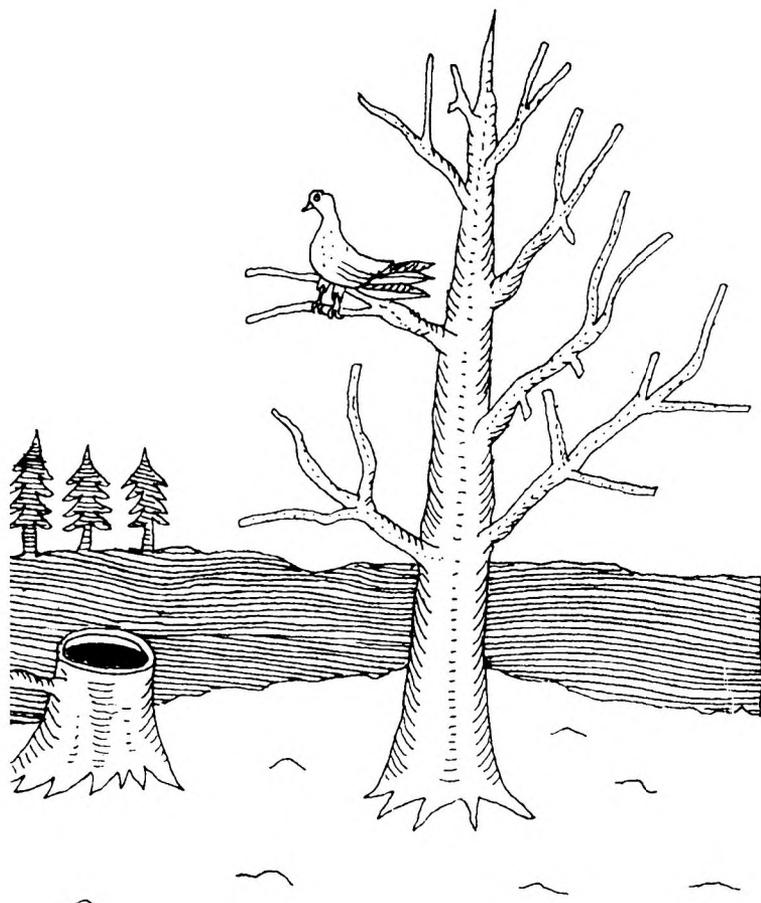
И начал собирать пожитки.

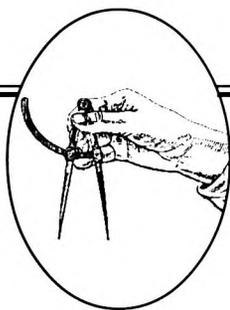
Они нашли еще одну небольшую стаю рябчиков. Когда незадолго до заката они спустились с гор в долину, пояса, нагруженные добычей, сильно врезались им в бедра. Пан Ян шел как в венке из перьев. Убил штук двадцать, а Красуский — двенадцать. Остановились на оголенном склоне предгорья, застланного коралловым ковром спелой черники. Вокруг кудрявые березки дрожали золотыми листьями в порывах срывающегося ветерка, с крон кольшущихся над ними лиственниц сыпалась ржавая хвоя, пурпур потрескавшихся от мороза кустов шиповника особенно ярко пылал в лучах заката. А высоко над их головами, у скалистого выступа над лесом парила, тихо щебеча, пара пестрых соколов.

— Это на счастье! — произнес Ян, кивая на хищников, — охотники провожают охотников!

ты, завершает свои размышления следующей характеристикой: «Он был популярной личностью, чему способствовала как увлекательность его произведений, так и почти легендарная биография социалиста, ссыльного, путешественника, солдата и государственного деятеля, несмотря на то, что некоторые обвиняли его в предательстве юношеских идеалов и поддержке режима твердой руки в 30-е годы».

Эта меткая характеристика нуждается в нескольких словах пояснения для русского читателя. После I Мировой войны пути польских социалистов разошлись на почве отношения к Юзефу Пилсудскому и проводимым им политическим преобразованиям. Независимо от оценки его действий, Пилсудский был харизматической личностью, особенно для своих подчиненных, знавших его еще со времен легионов. Очень немногие из них отважились взглянуть на его легенду критически. К тем, кто все-таки решился это сделать, принадлежал, в частности, выдающийся писатель Анджей Струга, оставшийся верным идеалам былой ППС и даже отказавшийся вступить в Польскую академию литературы, президентом которой был Серошевский. Серошевский относился к Пилсудскому с прямо-таки детским обожанием («старого служак»). В годы, когда Пилсудский, раздраженный анархическими тенденциями соотечественников, начал вводить «режим твердой руки», Серошевскому перевалило за семьдесят, и верная служба старому коменданту оказалась ближе его тогдашней психике, нежели критическое подведение итогов того, что было связано со всем его боевым прошлым, с верной службой и борьбой за свободную Польшу. Последние свидетельства его жизненной позиции — это дневник, который он вел в 1938-1939 гг., содержащий, в частности, описание осажденной и сражающейся Варшавы, а также написанные в годы немецкой оккупации воспоминания, фрагменты которых были напечатаны в собрании сочинений, подготовленном к столетию со дня рождения писателя.

**Тамара
Монко-Эйгенберг**

НЕМНОГО О ПОЛЬСКО-РУССКИХ И РУССКО-ПОЛЬСКИХ СЛОВАРЯХ

...Границы языка (единственного, который я понимаю) обозначают границы моего мира.

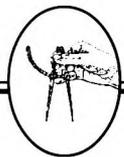
Людвиг Витгенштейн

Осталось совсем немного времени до того, как Польша станет границей Евросоюза с Россией. Одной из важнейших проблем будет обмен информацией и взаимоотношения между нашими государствами, а значит, наново встанет вопрос верного и красивого перевода, в том числе выбора нужных и хороших словарей. Поэтому актуальными и совсем не риторическими вопросами становятся такие: какими словарями мы располагаем? какие можно найти в наших книжных магазинах, а какие — в библиотеках? какими словарями пользуются преподаватели, журналисты, переводчики, студенты и просто почитатели русского языка? что предлагают книжные издательства?

Знакомые учителя русского языка на вопрос, используют ли они на уроках словари и какие, отвечают по-разному: «Пользуюсь, но чаще всего составляю сама, — говорит одна из собеседниц с тридцатилетним педагогическим стажем, — иногда приношу «Большой польско-русский словарь», а дома ученики готовятся при помощи польско-русских словарей, прилагаемых к учебнику, или других — в зависимости от того, у кого какой есть».

«Когда-то удалось купить с десяток экземпляров «Большого русско-польского словаря», 4-томного, — объясняет другая учительница, тоже с многолетним опытом, — несколько разошлось, но осталось еще восемь, и до сих пор я пользуюсь ими на уроках». Учительнице лицея при одном из варшавских технических вузов в прошлом году удалось закупить тридцать экземпляров новоизданного карманного русско-польского и польско-русского словаря, и она всегда предлагает его учащимся на уроках, прежде всего на тех, что посвящены развитию разговорной речи. Она очень довольна, что смогла договориться с директором своей школы. Так же поступили школы из Венгрова, Влоцлавека и других польских городов. Иначе происходит в гимназиях и неполных средних школах. Многие преподаватели откровенно признаются, что по разным причинам (переполненные классы, цены) редко пользуются словарями, ограничиваясь русско-польскими, издаваемыми вместе с учебниками¹, или словарными указаниями под текстами учебников. Одновременно они подчеркивают, что живо интересуются издательскими новинками, в том числе и словарями. Не вдаваясь в подробности, упомянем только, что в книжных магазинах нас тоже ожидают разные «сюрпризы». Их витрины часто манят красивыми, современными переплетами не только художественных книг. Когда же мы войдем, чтобы ближе познакомиться с учебными пособиями по русскому языку, оценить их содержание, лексику, устойчивые словосочетания, неологизмы, связанные с развитием новых культурно-общественных отношений, то, к сожалению, можем пережить разочарование: лишь в некоторых книжных магазинах мы увидим достаточно большой выбор и учебников, и разного типа словарей, тогда как в других этот выбор более чем скромнен. Гораздо лучше мы чувствуем себя в публичных и научных библиотеках, где в ответ на наш запрос всегда доброжелательные библиотекари покажут нам разнообразные словари — от самых старых изданий до самых современных. Ниже мы попробуем конкретнее и шире представить результаты наших поисков, посвятив вначале несколько слов истории русско-польской и польско-русской лексикографии.

¹ Исключение составляет учебник Н.Ковальской и Д.Самек «Волшебная азбука» (Варшава, REA, 2000), изданный с русско-польским и польско-русским словарями.

Как пишут Д. Гессен и Р. Стыпула в предисловии к своему «Большому польско-русскому словарю», в течение последних двух столетий «было издано несколько десятков русско-польских и польско-русских словарей». В 1775 г. в Санкт-Петербурге был опубликован «Польско-русский словарь» Кирияка Кондратовича, в 1829 г. в Вильне — «Польско-русский словарь» С. Мюллера, в 1876 г. в Варшаве — первый «Полный словарь русского и польского языка» П. П. Дубровского, в 1867 г. тоже в Варшаве — неоднократно переиздававшийся «Польско-русский словарь» Шлезигера, а в 1876 г. в Лейпциге — «Словарь русского и польского языка» Ф. А. Потоцкого. В межвоенный период лексикографические работы велись главным образом в Советском Союзе. Некоторые из них позднее, по окончании II Мировой войны, многократно переиздавались и в Польше. Это, например, «Русско-польский словарь» под редакцией И. Х. Дворецкого и «Польско-русский словарь» под редакцией М. Ф. Розвадовской (переизданный в 1949 г. в Польше), а также «Русско-польский словарь» под редакцией В. И. Чернобаева, «Польско-русский словарь» под редакцией Б. Г. Мархлевской и М. Ф. Розвадовской.

С 1967 г., можно смело сказать, началась эра варшавского издательства «Ведза повсехна». Издательство было создано в конце 40-х годов, но с середины 60-х, т. е. почти двадцать лет спустя, начало становится ведущим в Польше в издании словарей. И хотя параллельно, особенно по специальным отраслям (психологии, технике, медицине), составляли словари и другие издательства, прежде всего Школьное и педагогическое и Польское научное (ПВН) издательства, а в последнее время появилось множество конкурентных, динамически развивающихся частных издательств, таких, как REA, «Юка-91», польское отделение «Harald G. Dictionaries», лидером в этой отрасли все равно остается «Ведза повсехна». В 1967 г. здесь вышло первое издание «Большого польско-русского словаря» Д. Гессена и Р. Стыпулы, которое вместе с «Большим русско-польским словарем» А. Мировича, И. Дулевич, И. Грек-Пабис и И. Марыняк (1970) заняло неизменное место на школьной или домашней полке каждого учителя (журналиста, переводчика) и просто почитателя русского языка и русской литературы. В прошлом году, как сообщила редактор издательства по вопросам рекламы Гражина Волуевич, вышли в свет 6-е издание «Большого польско-русского словаря» и 7-е — «Большого русско-польского словаря». В течение минувших лет «Ведза повсехна» издала (вначале в тесном содружестве с московским издательством «Русский язык») иные, не менее важные и интересные, небольшие по формату словари, посвященные отдельным вопросам, например пословицам и поговоркам (Р. Стыпулы), тематический (Я. и Э. Ригер) или настольный двухтомный словарь с иллюстрациями (А. Богуславского). Он них мы скажем ниже.

Наш обзор начнем с вышеупомянутых «Большого русско-польского словаря» Анатолия Мировича, Ирены Дулевич, Ириды Грек-Пабис, Ирены Марыняк и «Большого польско-русского» словаря Дмитрия Гессена и Рышарда Стыпулы. С первого издания они пользуются большой популярностью и, я бы сказала, любовью всех интересующихся переводом. Будучи результатом многолетних трудов коллектива «Ведзы повсехной» (нельзя не упомянуть хотя бы Галину Ковалеву, Галину Павлову, Татьяну Кондратюк, И. Х. Дворецкого, Анджея Богуславского — редакторов, рецензентов настоящего словаря; авторов предыдущих словарей), они воплощают многие ценности, которые хотелось бы видеть в таких работах. Оба словаря (в подсознании **один, четырехтомный**) отличаются не только объемом и внешним видом (твердая обложка, чистые цвета русского флага), но прежде всего структурой и богатством широко понимаемой лексики. Отсылая заинтересованных к тщательно подготовленной вступительной статье («Как пользоваться словарем»), упомянем только, что вместе они содержат около 150 тыс. слов (около 70 тысяч в русско-польской части и 80 тысяч — в польско-русской), иллюстративный материал, большое количество выражений, устойчивых словосочетаний и фразеологических оборотов, соответствующих общему словарному составу русского языка последних полутора столетий. Словарь отражает богатство русского языка во всех сферах повседневной жизни, художественной литературы, искусства, публицистики, науки и техники, спорта и т. п. В каждую его часть включен список географических названий и наиболее употребительных сокращений данного языка. В состав «Большого польско-русского словаря» включены также известные мифологические имена и названия, а в форме приложения — список нетипичных слов, встречающихся в польском языке (жаргонизмы, метафоры, идиомы).

Долгое время этот четырехтомник отличался еще и тем, что на польском книжном рынке у него совсем не было конкурентов. В настоящее время положение понемногу меняется. Хорошим примером стал словарь С.Х.Хватова и Н.Тимошука «Компакт плюс. Русско-польский и польско-русский словарь», изданный в частном издательстве REA (2002). В состав словаря входит около 90 тыс. слов и 120 тыс. устойчивых словосочетаний и выражений «начала XXI века». «Словарь включает, — пишут во вступлении авторы, — лексику различных областей человеческой деятельности, в том числе политики, религии, бизнеса, информатики, торговли. (...) Компактный и удобный в пользовании, он является незаменимым помощником в работе и учебе». Однотомный, долгожданный особенно в среде русистов, словарь только что появился, и трудно еще говорить о его популярности. Однако, учитывая авторитет авторов словаря — известных ученых, сотрудников Варшавского университета, и его лексикографическую ценность, прежде всего лексику, охватывающую богатый и близкий нам язык (уже XXI века) в разных словосочетаниях и оборотах, надо надеяться, что он не только быстро станет популярным, но и найдет верных, преданных читателей.

В последнее время появилось много словарей, которые можно было бы назвать словарями нового поколения. Они отражают перемены, происходящие в польских школах, в частности в области глоттодидактики. В соответствии с главными направлениями педагогики авторы стремятся так обработать материал будущего словаря, чтобы он по-настоящему мог помочь потенциальным потребителям, прежде всего учащимся лицеев и неполных средних школ. Поставленные перед собой задачи авторы решают по-разному. Независимо от категории словаря (настольный, краткий, «карманный») авторы или обогащают его словник дополнительными списками географических названий, цифр, кулинарных продуктов, изделий и т.п., или обращают внимание, например, на ударение, или вводят дополнительные идиомы, а иногда даже поговорки. Это уже не только словарь — сборник слов в строго алфавитном порядке общего или специального предназначения, — а почти учебник (в 60-е годы таким был «Краткий русско-польский и польско-русский словарь» Анджея Богуславского; министерство образования ПНР предназначило его «как вспомогательный» для учащихся средних и неполных средних школ. Кроме собственно словарной части, словарь содержал часть, посвященную «произношению, грамматике и словообразованию в русском языке»). По количеству слов и внешнему виду они напоминают карманные словари (15-20 тыс. слов и оборотов), а по габаритам (13х17х4 см) — настольные. Как уже было сказано, эти словари исполняют более широкую функцию. Благодаря введению, как в «Большом словаре», «готовых» выражений и словосочетаний в разных контекстах, они позволяют, не сосредоточивая внимания на грамматике (ср. словарь А.Богуславского), больше думать о содержании. Большинство таких новых словарей могут в этом очень помочь.

Из них большой популярностью, особенно среди учителей русского языка, начинает пользоваться словарь Кристины Островской и Иоланты Шубской. Изданный частным издательством «Юка-91» русско-польский и польско-русский словарь называется «nowoczesny» (т.е. самый современный). Он содержит 10 тыс. словарных статей в русско-польской части и 12 тысяч — в польско-русской (так же, как, например, «Карманный польско-русский и русско-польский словарь» И.Н.Мироновой и Г.В.Синициной, с 1977 г. вышедший в издательстве «Русский язык» уже 12 изданиями). Но на этом сходство кончается, хотя долгое время, прежде всего в связи с ценой и величиной этой книжечки, она была очень популярна в польских школах. Карманный словарь был составлен для польских и русских туристов. «Современный словарь» — это учебный словарь для школьников, учащихся языковых курсов и туристов. Кроме самой необходимой лексики современного русского и польского языков, включая сакральную и самую современную терминологию, которую можно найти и в других словарях, только в словаре К.Островской и Е.Шубской мы находим 11 иллюстрированных таблиц с тематическими словарями. Сводные таблицы представляют картины повседневной жизни людей (рынок, профессии, деревня, отдых, средства транспорта, спорт и т.п.) и для творческого учителя становятся исключительно ценной и конкретной помощью на каждом этапе обучения и в процессе разнообразных форм работы так на уроках, как и дома.

Тематические двуязычные словари появились в Польше во второй половине 80-х. На первый взгляд, они напоминают прежние разговорники, но они гораздо богаче и заслуживают особого внимания. Вышло также в последнее время — вероятно, в связи с изменениями учебных программ — много в

разной степени интересных словарей. Они часто выступают в форме «активного» (иногда прямо в заглавии) словаря-учебника с упражнениями, например «Активный словарь русского языка в тематическом и алфавитном порядке с упражнениями» Гарриэт Лансер и Анны-Лиз Гордон (Познань, «Lektor-Klet», 2001), часто расширенного, монотематического словаря, такого, как «Польско-русский словарь школьных выражений» Яна Илока и Кристины Яжомбек (Варшава, Школьное и педагогическое изд-во, 1996), а чаще чисто тематического. Так издали в 1998 г. О. Адамович и А. Кендзёрек «Русско-польский тематический словарь» (PWN), а тринадцатью годами раньше Э. и Я. Ригер — «Русско-польский тематический словарь». Во вступительной статье к своему словарю Эва и Януш Ригер обращали внимание на то, что им можно пользоваться только как дополнительным и только на специально запланированных уроках, посвященных развитию разговорной речи по определенным темам. Крайне старательно составленный словарь был тогда посвящен человеку в его разных жизненных условиях. Интересно, каким окажется новый? Как сообщила специально для «Новой Польши» вышеупомянутая Г. Волуевич, уже в третьем квартале 2003 г. появится второе издание словаря. Пока известно, что этот совершенно новый словарь получит несколько другое заглавие — «Тематический словарь — русско-польский», а традиционные темы, связанные с повседневной жизнью, пополнятся новыми терминами по математике, химии, информатике и т. п.. В отличие от прежнего словаря, «лексический состав нового по избранным областям широко понимаемой деятельности человека будет богаче, чем в традиционных словарях». Кроме того издательство готовит: второе после 1974 г. издание польско-русского и русско-польского словаря пословиц и поговорок Рышарда Стыпулы (3603 словарных статьи в русско-польской части, 3577 — в польско-русской, включая эпиграммы, крылатые слова, афоризмы, фразы, прибаутки); «Крылатые слова и цитаты» Дмитрия Гессена — 740 словарно-гнездовых статей, охватывающих известные идиомы, сентенции, меткие определения, эпитеты и т. п., пришедшие из литературы, истории и вообще русской культуры и выступающие в языке современной русской литературы и публицистики. В состав словаря входят также сведения о происхождении цитат и примеры их польских переводов, исторические и биографические комментарии, примеры из литературы, иллюстрирующие использованные цитаты. Новостью также будет «Русско-польский и польско-русский словарь по бизнесу» С. Домагальского и Н. Целлер...

Но прежде чем перейти к другой теме, еще несколько слов стоит посвятить издательству ПВН, которое тоже многое делает для популяризации российской и русской культуры. Вспомним здесь только о двух словарях, зато очень важных для развития наших общекультурных взаимоотношений. Первый — это «Польско-русский и русско-польский словарь по психологии» Иоанны Корнель, второй — «Словарь пословиц и поговорок на восьми языках» Доброславы и Анджея Сверчинских.

Психологический словарь И. Корнель появился в 1990 г. и был составлен в сотрудничестве с факультетом психологии Варшавского университета. До сих пор это единственный и почти недоступный словарь по психологии — его можно найти только в некоторых научных библиотеках. Небольшой по объему, он включает самые необходимые слова, термины, понятия всех психологических, а также смежных и вспомогательных дисциплин, например неврологии, психиатрии, анатомии, статистики. В процессе составления словаря И. Корнель из-за недостатка словарей и справочников по психологии на обоих языках использовала научную литературу.

«Словарь пословиц и поговорок на восьми языках» Сверчинских почти в два раза меньше словаря Р. Стыпулы по охвату лексики, зато дает перевод польских оборотов на семь языков, в том числе и на русский. В словарь, составленный на основе, как подчеркивают авторы, монументальной «Новой книги польских пословиц и поговорок» Юлиана Кшижановского (4 тома, Варшава, 1969-1978), входят разнообразные сведения о пословицах и поговорках: об их «возрасте», т. е. дате первой регистрации; живучести, т. е. частоте появления в литературных и иных текстах; о разных их значениях, о контексте и т. п. Словарь включает также восемь указателей в алфавитном порядке каждого языка. С одной стороны, дополняя словарь Р. Стыпулы, с другой — вводя в другие языки, словарь Сверчинских не только хорошо помогает в литературно-лингвистической работе, но и может стать увлекательным чтением.

Вышеупомянутый «Русско-польский и польско-русский словарь по бизнесу» Станислава Домагальского и Наталии Целлер ассоциируется с другой группой словарей. Такие словари служат прагматическим целям, а также предназначены обслуживать специалистов. При подготовке настоящей статьи

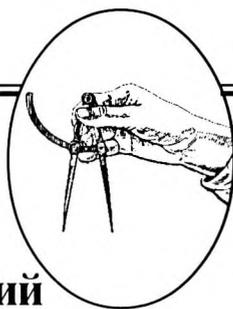

мне удалось просмотреть в библиотеках и книжных магазинах Варшавы больше трех десятков разных словарей. Можно было убедиться, что польские издатели хорошо чувствуют современные тенденции, потребности своих потенциальных клиентов и по мере возможности стараются их учесть. Первое издание словаря С.Домагальского и Н.Целлер выходит в свет во втором квартале этого года. Словарь содержит 19 тыс. словарных статей; круг терминологии охватывает все отрасли, связанные с современной экономикой: производство, биржу, финансы, банковское дело, торговлю, маркетинг, управление и основные общие понятия, а также список государств с их столицами, валютные единицы и т.п. «Карманный практический русско-польский и польско-русский словарь бизнесмена» Иоланты Грабовской (Школьное и педагогическое изд-во, 2000) посвящен повседневным проблемам делового человека. Обе части словаря содержат примерно по 5200 слов и оборотов.

Иные словари обращают на себя внимание внешним видом, изысканным переплетом и объемом, но все-таки прежде всего содержанием. К таким, несомненно, принадлежит 8-е издание «Русско-польского научно-технического словаря» под редакцией Марии Мартин, Мечислава Боратына, Янины Янушкевич, Анны Муравской, Яна Шарского и Эльжбеты Табачкевич (Варшава, Научно-техническое издательство, 1998). Хотя словарь регулярно выходит, начиная с 1961/62 года, авторы 8-го издания, опасаясь «продолжающегося отсутствия на книжном рынке научно-технических словарей с русским языком», решили издать «Русско-польский научно-технический словарь». Основой его стало 6-е издание «Большого русско-польского политехнического словаря». Словарь содержит около 130 тыс. «русских терминов из всех отраслей науки и техники, встречающихся в русской профессиональной литературе, и их эквиваленты или толкование на польском языке».

Интересно представляется лексикография в области медицины. Государственное медицинское издательство в 1999 г. издало «Настольный польско-русский и русско-польский медицинский словарь» Яна Заневского и Романа Хайчука, а в 2002-м — новое издание «Польско-русского врачебного словаря» Бруно и Евгении Нейман. Первый раз этот словарь появился в 1971 г. и по сей день пользуется большим спросом. Оба словаря отличаются высокой компетентностью информации, содержат около 75 тыс. наиболее часто выступающих медицинских терминов по всем специальностям и разделам медицины. Словари предназначены для врачей-практиков, научных работников, переводчиков медицинской литературы и студентов медицинских вузов.

Так — в большом сокращении — представляется ныне польско-русская лексикография. И хотя сейчас трудно найти в книжных магазинах новые издания словарей для представителей других профессий (юристов, математиков, биологов, педагогов и т.д.), все же, зная, что они издавались в 70-80-е годы и всегда находятся на своем месте на полках в библиотеках, можно надеяться, что и их переиздания появятся в недалеком будущем. В Польше любят пользоваться словарями.

**Петр
Мюльднер-Нецковский**

ВНИМАНИЕ, ПЕРЕВОДЧИКИ И СТУДЕНТЫ! *Новое поколение польских словарей*

После стремительных, хотя и бескровных политических перемен, которые наступили в Польше в 1989 г., пришло время важных перемен и во взглядах на культуру, в особенности на культуру массовую. Неожиданные проблемы поставил ее носитель — польский язык. С отменой цензуры появилось весьма распространённое мнение, что, коль скоро можно говорить и писать всё и обо всем, то и говорить и писать можно как хочешь. А раз как хочешь — то и с ошибками, небрежно, неточно. Непродуманная смена журналистских кадров на радио и телевидении, в крупных газетах, наплыв в СМИ людей плохо образованных, влияние на общественную жизнь слабо владеющих родным языком политиков, а также создание огромного количества мелких некомпетентных издательств и местных газет, наконец, ничем не сдерживаемый рынок рекламы — все это привело к ломке строгих правил языковой грамотности, которые веками соблюдались в Польше. В течение первых пяти лет (примерно до 1995 г.) казалось, что контроль над польской речью утерян навсегда. Понадобились немалые усилия, чтобы определить причины такого положения вещей и понять, с каким явлением мы имеем дело и, следовательно, как начать с ним справляться. Языковеды не только били тревогу, но и сами схватились за оружие; несколько их полезных начинаний продолжают и поныне, в том числе языковые консультации в прямом эфире на радио и телевидении (Ян Мёдек, Анджей Марковский, Ежи Бральчик и др.) За ними последовали любители польского языка, создавшие консультации в интернете, и, наконец, лексикографы, авторы словарей. Эти последние поневоле завершают наш список, ибо плоды их деятельности обнаруживаются лишь в результате многолетней напряженной работы. Новая техника сбора языковых данных только на первый взгляд облегчает и ускоряет создание словарей. Компьютеры не могут заменить людей. А действовать надо было безотлагательно.

Прежде лексикография развивалась медленно: над ней тяготела практика, коренившаяся еще в XIX веке. Объем заключенного в словарях языкового материала, методология подачи языковых сведений, даже стиль языковедческого описания явно устарели, все больше отдаляясь от потребностей массового пользователя. Авторы, принадлежавшие к известным университет-

ским языковым школам, считали функцию словарей в значительной мере лингвистической и лишь в узких рамках — прагматической. В лучшем случае эти словари могли помочь читателю проверить, нет ли ошибок в его тексте. Почти совершенно отсутствовала вспомогательная функция в обучении языку, в процессе написания текстов, в разговорной речи и переводе.

Единственным словарем, в какой-то степени отвечающим этой потребности, был «Словарь правильного польского языка»¹, последовательно дававший сведения о построении словосочетаний и их месте в предложении. Словарь содержал довольно много фразеологии, указывал глагольное управление, предложные обороты, а в отдельных случаях представлял варианты фразеологических связей. Эти отличительные черты сохранились и в «Новом словаре нормативного словоупотребления польского языка ПВН»², но в нем еще увеличился объем разного уровня сведений о языковых нормах в зависимости от стилей и число определений и примеров правильного и ошибочного употребления слов. Наряду с этим словарем важное место в домашних библиотечках занимает и все время обновляемый словарь иностранных слов Владислава Копалинского³. А вот «Словарь польского языка»⁴ под редакцией Мечислава Шимчака, несмотря на несколько переизданий, выглядел устаревшим уже в момент первого издания и популярным так и не стал вопреки расчетам его создателей в Государственном научном издательстве (теперь Научное издательство ПВН). Им пользовались лишь потому, что другого не было. Добротный с точки зрения количества и качества собранных лексем, но малоприспособленный на практике, плохо сконст-

¹ Словарь правильного польского языка. Под ред. В.Дорошевского и Х.Курковская. Варшава, ПВН, 1980. Этот словарь был наследником «Орфоэпического словаря» С.Шобера (1937), переиздававшегося и перерабатывавшегося В.Дорошевским до 1971 года.

² Новый словарь нормативного словоупотребления польского языка ПВН. Под ред. А.Марковского. Варшава, ПВН, 1999.

³ В.Копалинский. Словарь иностранных слов и иноязычных оборотов. Варшава, «Ведза повшхсна», 1967; до 2002 г. вышло 23 переиздания в разных издательствах, последнее — в изд-вах «Свят ксьняжки» и «Муза».

⁴ Словарь польского языка. Под ред. М.Шимчака. Т.1-3. Изд.2. Варшава, ПВН, 1978.

руированный и быстро устаревающий «Фразеологический словарь польского языка» Станислава Скорупки⁵ никогда не служил помощником ни в устной, ни в письменной речи, зато стал источником многочисленных, почти полностью скопированных с него мелких словарных публикаций, предназначенных в основном для учащихся начальных и средних школ. Лишь изредка он давал значения словосочетаний и примеры их употребления.

Тем временем в Польшу стали проникать словари из-за границы, особенно английские⁶, предназначенные для иностранцев; они отличались от польских прежде всего своей педагогической направленностью. Авторы этих изданий, казалось, отлично понимали, что рядового пользователя словарей мало интересуют лингвистические сведения, а больше — чисто практические. У читателя нет ни желания, ни времени изучать сложные языковые аспекты; открывая книгу, он ищет конкретное слово, выражение, сведения о том, когда и как они употребляются, а также их синтаксическую или семантическую характеристику. Найдя то, что ему нужно, читатель тотчас захлопывает словарь и забывает о его существовании. Оставалось надеяться, что польские лексикографы позаимствуют технику составления такого рода полезных словарей.

И в самом деле, новым ветром повеяло, но совсем не оттуда, откуда ожидали. Так, в 1993 г. малоизвестное издательство выпустило в свет «Словарь синонимов»⁷ Анджея Домбрувки, Эвы Геллер и Рышарда Турчина — автора этого замысла. Словарь включал 53 тысячи слов, в два раза больше, чем прежние словари такого типа, но главное — иной была сама его структура. Авторы исходили из нового понимания синонимии слов и словосочетаний. Это было ново. Теоретическое обоснование представил Анджей Домбрувка, поэт, германист, медиевист. Он пришел к выводу, что словарь синонимов не должен идти от слова и подбирать к нему другие слова, близкие по значению, как это делалось до сих пор, а наоборот — идти от сходного значения, заключенного в разных словах. Такой подход оказался на редкость удачным. Он позволил намного сократить объем книги и упростить ее структуру за счет использования смысловых гнезд,

соответствующих точно выбранным ключевым словам. Ни одно из значений не повторяется в словаре дважды. Авторы применили технику исследования, разработанную в когнитивной семантике. Существенной частью книги стал ясный, понятный указатель. Парадоксальным образом, больше всего эта система оказалась полезной тем, кто не может найти в словаре синоним слова, близкого по значению тому, какое они ищут. Конструкция гнезда — а они находят его с помощью указателя — позволяет припомнить отсутствующие в нем синонимические эквиваленты, хранящиеся где-то в закоулках памяти. То есть авторы добились известного из художественной литературы эффекта активизации языкового воображения пользователя.

«Словарь синонимов» сразу же стал бестселлером. Вскоре вышел из печати тоже отличный «Словарь антонимов»⁸ Анджея Домбрувки и Эвы Геллер, а Рышард Турчин тем временем работал над своим орфографическим словарем, самым обширным из всех выходивших ранее⁹. «Словарь синонимов» получил премию ежемесячника «Литература на свете» («Литература в мире»), но первая научная рецензия на него появилась лишь в 1997 году. Одной из причин столь запоздалой реакции научного мира было, по-видимому, укоренившееся в Польше ошибочное мнение, будто лексикография — часть языкознания. На самом же деле это особая область, хотя с языкознанием тесно связанная, область научная, но вместе с тем и особый род словесности. В трудах на эту тему¹⁰ даже подчеркивается, что авторы словарей должны быть прежде всего широко начитанными и отлично владеть пером. И лишь на третьем месте стоит основательное знакомство с лингвистикой. Замечено также, что создателями многих прекрасных словарей часто были не профессиональные языковеды, а трудолюбивые любители языка. Один самых известных такого рода авторов — Элиас Лёнрот (1802-1884), странствующий лекарь, который прославился как создатель эпоса «Калевала»; его первый финско-шведский словарь послужил основой литературного финского языка. В Польше с глубоким почтением относятся к выдающемуся автору-одиночке Владиславу Копалинскому...

«Словарь синонимов» и «Словарь антонимов» открыли новый этап. Они помогли осмыслить тот факт, что взгляд на функции языка с точки зрения пользова-

⁵ С. Скорупка. Фразеологический словарь польского языка. Т.1-2. Варшава, «Ведза повшехна», 1967.

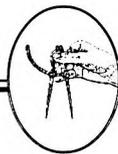
⁶ В 1989 г. польские читатели расхватывали «Лонгмановский словарь современного английского языка» (1978-1987), первое польское издание: Варшава, ПВН, 1989; потом популярностью пользовались английские словари издательств «Коллингз» и «Уэбстер» и, наконец, американские и канадские словари.

⁷ А. Домбрувка, Э. Геллер, Р. Турчин. Словарь синонимов. Варшава, МСР, 1995. Последующие издания: «Свят ке́нжки», Варшава.

⁸ А. Домбрувка, Э. Геллер. Словарь антонимов. Варшава, МСР, 1995. Последующие издания: Варшава, «Свят ке́нжки».

⁹ В. Яник-Плочинская, М. Сас, Р. Турчин. Большой словарь орфографии флексий. Под ред. Е. Подрацкого. Варшава, «Бертельсман Медиа-Горизонт», 2001.

¹⁰ М. Банько. На границе лексикографии и языкознания. Варшава, Факультет полонистики Варшавского университета, 2001; Т. Петровский. К проблемам лексикографии. Варшава, ПВН, 1994.

телей позволяет делать словарь более пригодным на каждый день. Прекрасно осуществлена эта задача в «Вавилонской башне»¹¹ Радослава Павелеца, адресованной главным образом учащимся средних школ. Автор дает польским словам иностранного происхождения несколько синонимических толкований и, что совсем ново, часто приведенных в контексте. На простых примерах он показывает фразеологические связи этих слов и способ их употребления в предложении.

Современным издателям хорошо известно, что лучших результатов достигают узко специализированные авторские коллективы лексикографов, но понимают они и то, что даже самые большие словари должны быть отмечены печатью индивидуальности каждого из авторов.

Двухтомник «Иной словарь польского языка»¹² — труд коллективный и вместе с тем авторский, к тому же несомненно новаторский. Автор замысла и теоретического обоснования этого словаря — Мирослав Банько. Это словарь среднего объема, в нем 100 тысяч лексических единиц — больше, чем в вышеупомянутом «Словаре польского языка» М. Шимчака. Название может кого-то ввести в заблуждение: не «странный» ли это, не «чуждой» ли словарь? Нет, это не так. Словарь иной — потому что у него иная конструкция. Прежде всего в большинстве словарных статей толкование дается главным образом в контексте, синонимические определения авторы оставляют в основном только существительным. Примеры употребления слов приведены на основе материала, содержащегося в обширном корпусе цитат Научного издательства ПВН (более 50 млн. словоупотреблений). Каждая словарная статья содержит дополнительную характеристику — флективную, литературную, стилистическую. Детально продуманы в словаре критерии отбора, принципы расположения слов и их толкования. На полях помещены грамматические сведения. Словарь содержит много идиомов, дает и многие типичные словосочетания. Таким образом, в «Ином словаре» представлено несравненно больше значений и словарных конструкций чем в словаре Шимчака. Тексты написаны простым ясным языком, понятным даже иностранцу. Одним словом, мы получили словарь, который удовлетворяет языковые потребности как простого пользователя, так и специалиста¹³.

¹¹ Р. Павелец. Вавилонская башня. Словарь иностранных слов не только для гимназистов. Варшава, Школьное изд-во ПВН, 1999.

¹² Иной словарь польского языка. Гл. ред. М. Банько. Т. 1-2. Варшава, Научное изд-во ПВН, 2002.

¹³ Подробное теоретическое обоснование этого словаря представил М. Банько в соч., указанном в прим. 10.

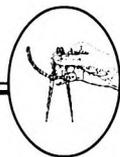
Тридцатипятилетний пробел в области фразеологической лексикографии восполнил однотомник «Большой фразеологический словарь польского языка»¹⁴, читающий требования людей разного уровня образования. Не забыты и языковеды. Правда, прежде выходили небольшие фразеологические сборники, но они предназначались для учащихся, выбор фразеологизмов там был вторичный, их количество не превышало 3,5 тысяч. Отошедший уже в область истории словарь С. Скорупки 1967 г. охватывал словник польского языка с XVII века и включал 80 тысяч лексем. А «Большой фразеологический словарь» пополнился словосочетаниями, употребляемыми, как отмечено, с 1975 года, в нем 200 тысяч словарных статей. При создании этого словаря применен метод компрессии словосочетаний, т.е. соединение семантически и синтаксически эквивалентных словарных статей. Пользователь словаря может легко ориентироваться, как верно включить в текст то или иное словосочетание.

В отличие от предыдущих словарей здесь содержатся не только бесспорные фразеологические обороты, но и граничащие с ними и вызывающие сомнения словосочетания, хотя в нем нет свободных (временных) словосочетаний. Это совершенно сознательный прием. Пользователь не знает, да и не должен знать, считают ли языковеды данное словосочетание фразеологическим, — он ищет правильную форму, а затем хочет узнать, каков смысл фразеологизма и как употребить его в высказывании. Поэтому словарь делает упор на языковые нормы, семантику и синтаксис одновременно.

Таким образом «адресат» (пользователь) получает возможность обрести языковые знания, а «отправитель» (автор) — строить словарные статьи в соответствии со своей точкой зрения на этот предмет. Дана в словаре и новая лексикографическая (литературная) классификация фразеологизмов, которая отличается от языковедческой классификации А. М. Левицкого, а до него — Скорупки, тем, что особо не выделяет морфологических форм словосочетаний, но указывает, как они образуются при употреблении. Эта классификация — лексикографическое дополнение фразеологии. Языковедов, возможно, шокирует такой подход, но следует помнить о практической функции словаря: пользователю необходимо подсказать, как обращаться с предоставляемыми ему сведениями.

Еще одно новшество этого словаря — обширный языковой материал, почерпнутый из разговорного языка (около 35% словарных статей), а также большое количество взятых из литературы словосочетаний, кото-

¹⁴ Р. Мюльднер-Нецковский. Большой фразеологический словарь польского языка. Варшава, «Свят ксёпжжк», 2003. Соавторы: М. Мюльднер-Нецковская, Л. Мюльднер-Нецковский и С. Царофано-Бугайская.

рые нигде раньше не были зарегистрированы. Все это почерпнуто из собственного корпуса цитат, создававшегося в течение 25 лет. Толкование фразеологизмов, зачастую многоуровневое, строится при помощи синонимического метода, обычно с использованием ряда синонимов, так как в случае фразеологии метод контекста оказался неприменимым. Где возможно, определения даются с помощью перифраз. Примеры употребления фразеологических оборотов даны на основе цитат из литературы так, чтобы обнаружить внутренний синтаксис фразеологизмов и проявить их семантический объем. Примеры эти естественны, злободневны, а содержание их говорит о том, что хорошо известно пользователю. Они составляют словно бы некий вариант бессюжетного современного романа.

Ново в этом словаре и упорядочение типов стилей и разновидностей экспрессии. Разделение на стилистические и экспрессивные категории — одно из свойств языка. В зависимости от стиля письменной или устной речи — книжной, повествовательной, официальной, журналистской и т.п. — одно и то же значение может быть выражено разными фразеологизмами. И, напротив, многие словосочетания можно употребить только в конкретных ситуациях, определяющих стиль или экспрессию.

В прежних фразеологических словарях трудно было найти нужную словарную статью. Случались даже такие словари-монстры, где данный оборот повторялся в тексте столько раз, сколько содержалось в нем частей речи. От этого порока не свободен был даже словарь Скорупки. «Большому фразеологическому словарю» удалось его избежать путем группировки словарных статей в гнезда по единообразному символическому критерию (обычно — первое существитель-

ное в составе оборота) и с помощью ясного указателя, который отсылает к возможным словосочетаниям и к тому же может служить просто словарем синонимов.

Среди лексикографических публикаций последних лет заслуживает внимания оригинальный «Этимологический словарь польского языка»¹⁵ Анджея Баньковского, но пока что вышло только два его тома, по букву «П» включительно. О том, что работа это интересная и весьма своеобразная, свидетельствует буря, разразившаяся по ее поводу в Совете польского языка в 2001 году. Словарь Баньковского и хвалили, и поносили, а это значит, что на него стоит обратить серьезное внимание, когда выйдет последний, третий том.

Словари в Польше — товар доходный; вероятно, по этому их выходило до 30-ти в год. Как правило, это небольшие по объему работы, явно вторичные, ни на что не претендующие; в них просто скопирован материал, взятый из словарей высшего разряда, — в общем, откровенно рассчитанные на прибыль. Встречаются, однако, жемчужинки, такие, как вышеупомянутая «Вавилонская башня», «Словарь трудных слов»¹⁶, «Словарь имен собственных»¹⁷, «Словарь перифраз»¹⁸, «Словарь эвфемизмов»¹⁹, «Практический фразеологический словарь»²⁰, или неплохо составленные монотематические словари: бытового языка, профессиональных жаргонов и узко специальных языков — все они расширяют знание польского языка.

Научное издательство ПВН обещает издать в 2003 г. четырехтомный «Универсальный словарь польского языка» под редакцией Станислава Дубиша. Это может оказаться очередным важным событием в польской лексикографии.

¹⁵ А. Баньковский. Этимологический словарь польского языка. Т. 1 (А-К); т. 2 (Л-П). Варшава, Научное изд-во ПВН, 2000.

¹⁶ М. Банько. Малый словарь трудных слов. Варшава, Научное изд-во ПВН, 2003.

¹⁷ Я. Гженя. Словарь имен собственных. Варшава, Научное изд-во ПВН, 2003.

¹⁸ М. Банько. Словарь перифраз, или описательных выражений. Варшава, Научное изд-во ПВН, 2003.

¹⁹ А. Домбровская. Словарь польских эвфемизмов, или Жесткое содержание в мягкой форме. Варшава, Научное изд-во ПВН, 1998.

²⁰ Б. Бодек, М. Булава, Р. Бжозовская. Практический фразеологический словарь. Краков, «Зелёна сова», 2001.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Несколько месяцев тому назад в Кракове вышла большая антология литературы поколения, «рожденного в 70-е», озаглавленная «Текстилии» и ставшая предметом всё умножающихся литературно-критических комментариев. Молодые поэты несомненно создали новый феномен в пространстве нашей литературной жизни. Как он воспринимается?

На страницах краковского ежеквартального журнала «Студиум» (2003, №2) Ярослав Клейноцкий пишет в статье «Новое недоверие?»:

«Раньше было легче, существовали точки отсчета. Например, политика, где раздавали прозрачные карты. (...) существовали легко опознаваемые деления и легко распознаваемые коалиции. Это была вульгарная стратификация, и хотя она не обязательно загрязняла «черной пеной газет» индивидуальные художественные свершения, но, к сожалению, устанавливала дьявольски прозрачные правила. Ты с «этими» — или с «теми». Выбрал сопротивление или конъюнктуру. (...) Теперь дела обстоят иначе. Сочинителям осталось лишь аутсайдерство, разве что они захотят стать «текстовиками», обслуживающими массовую культуру. Прежние иерархии смело горизонтальное равенство, принесенное свободным рынком (мы имеем в виду как экономическое понятие, так и «свободный рынок идей»). (...) Что же делать, если ты не выбираешь неангажированность и отстранение от того, что Хайдеггер называет «бытием»? Что если нас манит иная дорога, нежели путь поэтов «времени тщеты» (...) то есть тех, кто — еще раз позаимствуем выражение у немецкого философа — отказывается искать следы сбежавших божеств? Ответ на вид прост: нужно померяться силами с вызовом «бытия» и в то же время воздать по справедливости зримому миру. Надо от самых истоков все описать и определить. Это задача из разряда гносеологических, но в то же время и этических, ибо конрадовское «воздать по справедливости» должно принести в результате моральную санкцию. Разве что мы выберем позицию равнодушного, грешащего безразличием наблюдателя».

Клейноцкий, сам поэт, но представитель поколения, родившегося в 60-е, замечает, что прошло время групповых выступлений, общих манифестов. Как же тогда найти то, что объединяет нынешних дебютантов? Клейноцкий пишет:

«Знаки общности следует искать уже не в сфере деклараций или программ, даже если таковые — чисто случайно — появляются, а только в, так сказать, тематической сфере. И тогда одним из этих опознавательных знаков сути того, о чем говорит поэзия, может быть что угодно выразительное — например, чувство недоверия к миру как таковому. Но какие формы оно принимает? Наверняка речь идет не о бдительности по отношению к социально-политическим ритмам жизни».

Указывая, что эта позиция ведет свое происхождение от ранней поэзии Станислава Бараньчака, и отмечая ее изменения в дальнейших поисках, Клейноцкий стремится выделить специфику недоверия младшего поколения:

«Мы, однако, хотим говорить не о различных аспектах ниспровержения, порожденного отрицанием, отвержением существующего порядка (политического, идейного, эстетического, иерархии литературных кругов и т.п.). Нас интересует недоверие как учредительный акт поэзии, а не как акт отвержения или бунта. Иначе говоря, нас интересует не «позиция недоверия» как реакция на «доверие», способное оказаться ловушкой, но принцип «имманентного недоверия». Такое недоверие вешает аксиомы на гвоздик, отправляет в небытие любую декларативность, уклоняется от уверования (во что угодно: в прочность своего «я», продуктивность языка и т.п.). Такое недоверие доводит познание до нуля, сводит эпистемологические приемы к чистой, первоначальной, исходной точке. Недоверие и самонедоверие позволяют говорить так, будто мир предстоит называть с самого начала. Это возврат к восприятию поэтической речи как деятельности по определению творческой, чистой в своих намерениях. Так воспринимаемое недоверие предполагает апо-

стериорность творческих действий, априорность же отвергает. И это хорошо, так как, пожалуй, что-то живительное из этого выходит».

В этих замечаниях Клейноцкого несомненно много верного: молодые поэты действительно отличаются своеобразной «познавательной невинностью», а категория, которая, похоже, составляет основную исходную точку их поисков, — это не, как бывало раньше, как хотя бы у вышеупомянутого Баранчака, «правда, истина», но «откровенность, искренность». Это можно заметить у большинства авторов сборника «Текстилии». Дополнением к этому сборнику может послужить обширная, включающая 29 авторов, подборка самой молодой поэзии, напечатанная в последнем номере выходящего в Сопоте раз в два месяца журнале «Топос» (2003, №1-3). Этой мини-антологии сопутствует ряд выступлений критиков, из которых — оставляя в стороне конкретный анализ творчества отдельных авторов — я хотел бы выписать несколько, на мой взгляд, самых существенных наблюдений.

Артур Новачевский, ровесник авторов, в статье «Рожденные в семидесятые отбарабанивают вахту» констатирует:

«Во всех текстах о «рожденных в 70-е» подчеркивается отсутствие поколенческого переживания. Время у нас внеисторическое, не хватает важных событий, оказывающих влияние на творчество молодых поэтов; ни с кем они не борются, смазана даже конфликт поколений. Молодые отмежевываются от всяческих идей, хотят лишь продать себя (...) Между тем у поколения двадцатилетних на счету есть общее переживание: это не отдельное событие — упаси Боже, не перелом 1989 года, авторы тогда еще были слишком молоды, чтобы это оказало на них влияние. Важнее оказались перемены в повседневной жизни, связанные с приходом Третьей Речи Посполитой. А изменилось немало. Подтвердит это каждый, кто в детстве чаще ел хлеб со смальцем, чем бананы. Новый строй ввел в школу новые предметы, такие, как Закон Божий, английский и немецкий языки, и очищенные ото лжи учебники истории. Политизированный мир взрослых показался молодежи фальшивым. В результате нашествия рекламы, в больших масштабах отсутствовавшей в сермяжной ПНР, в большинстве своем это поколение поддалось потребительскому стилю жизни. Это уже, на мой взгляд, немало, но это еще не все: молодежь получила в руки инструмент, который позволил творить иную действительность, — компьютер. За несколько лет он стал и хорошо действующим средством связи, возникли даже большие интернет-общины. Следы этих перемен быстро появились в литературе (...). Раз изменился стиль жизни, должны возникнуть и стихи, осваивающие новое, виртуальное пространство. Может быть, тексты, затрагивающие эту проблему, и следовало бы считать коллективным манифестом поколения авторов, рожденных в 70-е? Такие произведения существуют, да только поколение, чьим голосом они служат, не читает стихов, а виртуальный, саморазгоняющийся мир литераторов часто не в состоянии их услышать».

Яцек Гугоров, другой представитель этого поколения, пишет в статье «Счастливое разрегулирование»:

«В некотором смысле поэзии двадцатилетних еще только предстоит возникнуть. Должно пройти несколько мгновений, прежде чем язык нагонит опыт и будет в состоянии его охватить. Но эти несколько мгновений обладают своей ценностью, своей эстетикой. Первые записи и заметки фрагментарны, появляется также «эффект разрегулирования», когда эфир наполняется самыми разнообразными звуками, треском и отголосками, когда воистину трудно различить свои собственные и отраженные голоса. Молодая поэзия — это весьма часто поэзия жестов, которые выглядят жестами напоказ, но могут свидетельствовать и о поисках самого себя, хотя бы негативным методом, основанным на выдвигании, а потом отбрасывании очередных проектов и фантомов своего «я». (...) В некотором смысле поэзии двадцатилетних еще только предстоит возникнуть — на эту формулировку можно посмотреть и, так сказать, наоборот, с перспективы, к которой стремится сознание, со стороны опытного познания самого себя как некоей цельности... а если даже не цельности, то по крайней мере жажды цельности. Речь при этом идет не столько о программе (фрагментарность и алеаторизм записи тоже вырастают из экзистенциального опыта), сколько о смещении акцентов. У многих поэтов, зачисляемых в поколение «рожденных в 70-е», я замечаю стремление упорядочить хаос существования и наделить свою жизнь чертами логически связного повествования. Это трудный момент. Его легко проглядеть, ибо господствует поэтика далековатых сближений и их свободного потока. Тем не менее удастся заметить жажду кристаллизации собственной личности — либо

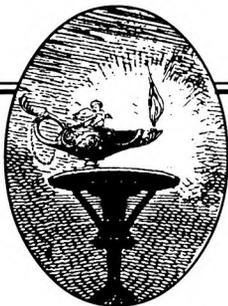
путем умножения точек зрения и ролей (...) либо путем обращения к памяти, медленного «вспоминания» себя (...), или же хотя бы путем освобождения скрытых, подсознательных содержательных элементов своего «я»».

В конце приведем наблюдения Роберта Осташевского из статьи «Поэзия для одноклассников?», открывающей очередной номер краковской «Декады литерацкой» (2003, №3-4):

«В начале 90-х шла чуть ли не охота на молодежь, через силу искали новые имена, пытались найти доказательства тезиса о переломном для литературы 1989 года. Скоро стало ясно, что многие молодые были звездами одного сезона. В результате во второй половине 90-х на дебютантов стали смотреть куда критичней, а со временем, когда литература Третьей Речи Посполитой окрепла, на нее вообще перестали обращать особое внимание. (...) Нормально ли (...) что молодые поэты пишут, собственно говоря, для одноклассников, функционируя в нише, куда, кроме ровесников, никто практически не заглядывает? По-моему, нет. Стоит задуматься, почему молодые поэты оказались на дальних окраинах литературы (...) не «подвижных» и не участвующих в создании пространства социальной коммуникации — не участвующих или не допускаемых участвовать. (...) Литературная жизнь стала гетерогенной, разнородной, кроме того она разбита на несколько параллельно, независимо друг от друга развивающихся уровней и кругов распространения. Правда, сформировался новый центр, который создают СМИ (...) но это не привело к какому-то иерархическому упорядочению литературной среды. (...) Литературная жизнь приобрела характер жизни в гетто, идет главным образом в замкнутых группах или кругах, которые не слишком интересуются деятельностью других — более того, часто вовсе не знают (...) что делается в соседних гетто. Так что ничего удивительного, если многие издательские начинания носят весьма ограниченный, локальный характер, что, разумеется, приводит к проблемам с «существованием» литературных имен. (...) Эти проблемы сильнее всего затрагивают молодых прозаиков и поэтов (поэтов, пожалуй, еще сильнее), фамилии которых не стали «маркой». (...)

Причины незаинтересованности молодой поэзией лежат (...) в специфике самой критики в последние годы, в литературно-критических стратегиях и специфике целей. Размывание принципов оценки литературных текстов, ниспровержение понятия канона, подрыв любых попыток иерархического упорядочивания литературы — все это довело нас до того, что большинство критиков отказались рисовать картину литературы в целом. (...) И нет ничего удивительного в том, что некоторые критики чувствуют себя освобожденными от обязанности заниматься молодой литературой. (...) Расширяющаяся в литературно-критической отрасли специализация, к сожалению, способствует закреплению и размножению стереотипных мнений о молодой поэзии, мнений, которые имеют мало общего с действительным положением вещей. (...) Утверждают, будто молодой поэзии так много, что никто уже не в состоянии охватить это явление, не говоря о том, чтобы проникательно описать его. (...) И верно, сборников стихов издается много, до значительной их части нелегко добраться из-за трудностей с распространением. Однако поэтов значительных, которые участвуют в создании картины новой поэзии, не так уж много. (...) И еще один баламутный стереотип: считается, что молодые поэты неразличимы, все пишут одинаково об одном и том же, то есть занимаются нудным жизнеописанием в бесхитростной прозаизированной форме. На самом деле в литературе очень редко случается, чтобы целая большая поколенческая группа выражала себя в одной и той же поэтике. Наверняка это не так и с поэзией младшего поколения. Среди них можно найти авторов, которых интересуют классические темы поэзии, подаваемые в классических формах (...), «неолингвистов» (...), визионеров-фантастов (...), «поэтов жизни» (...), «сетевых поэтов» (...). Разнородность этой поэзии велика, надо только уметь ее увидеть».

На самом-то деле все обстоит не так плохо, как пытается внушить читателям Осташевский. Просто похоже, что молодой литературе — не только поэзии — предстояло достичь своеобразной «критической массы», чтобы ее заметили как явление значительное в целом (рецензий на отдельных авторов было уже немало). На протяжении последних месяцев появилось много публикаций о молодой литературе, хотя бы в газете «Жечпосполита», где свыше месяца идет дискуссия о состоянии молодой прозы, а в ее рамках напечатаны и тексты о молодой поэзии. Замечает молодую литературу и «Газета wyborcza». И одно сегодня кажется несомненным: «рожденные в 70-е» уже вошли в нашу литературную жизнь, стали явлением, дающим повод к более широким размышлениям. В том числе и на наших страницах.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• На 80-м году жизни в Варшаве скончался Антоний Марьянович — поэт, сатирик, переводчик. Ему принадлежит польский текст нескольких бродвейских мюзиклов, от «Моей прекрасной леди» до «Скрипача на крыше». Сделанные вместе с Янушем Минкевичем новые редакции комических опер «Мадам Сан-Жен» и «Прекрасная Елена» до сих пор с успехом идут в польских театрах. С 1996 г. он стоял во главе ЗАИКСа — учреждения, занимающегося охраной авторского права, лучше всего действующей неправительственной организации Польши (что ей удавалось даже в не способствовавшие защите прав собственности времена ПНР). Марьяновского любили и уважали, он был одной из самых красочных и занятных фигур среди деятелей польской культуры. О драматических путях своей жизни он написал, в частности, в книгах «Жить строго воспрещается» и «Польша, евреи и велосипедисты».

• Общество свободного слова, созданное кругами, связанными с издательством НОВА («Незалежна офидина выдавничка»), самым крупным и серьезным независимым издательством времен ПНР, провело в Варшаве Дни свободного слова. В его программу входили дискуссия польских и французских журналистов «Польша после 1989 года», ряд мемориальных мероприятий, посвященных деятельности НОВы и других издательств, а также концерт бардов, на котором выступили исполнители авторских песен того времени — Пшемислав Гинтровский, Яцек Клейфф, Лешек Вуйтович.

• Проводя операцию «Памятник — не излишество» [по-польски это рифмуется: «Забьтек не збытек»], «Газета wyborcza» объявила нуждающимися в спасении целый ряд находящихся в полуразрушенном состоянии варшавских памятников истории и архитектуры. Читателям предстояло выбрать один из них для восстановления — большинством голосов был выбран мокотовский мавзолей семейства Шустер. После объявления об операции стали появляться меценаты, объявившие о своей готовности помочь при восстановлении и других памятников, в том числе символа города — скульптуры варшавской Сирены.

• В помощи часто нуждаются не только памятники, но и люди — ныне уже старые, а некогда имевшие большие заслуги. Об этом напоминает ставшее прецедентом дело Юлиуша Виктора Гомулицкого, ныне 94-летнего специалиста по Варшаве, обладающего всеми варшавскими почетными званиями. Город хотел бы назначить ему дополнительную пенсию хотя бы на медицинское обслуживание, но действующие предписания этого не позволяют. Понадобилось вмешательство СМИ и отклик общественности, чтобы горсовет заинтересовался вопросом о введении соответствующего закона.

• В Билгорае под Люблином, где родился Исаак Башевитц Зингер, прошли Зингеровские дни, посвященные памяти самого крупного современного писателя на языке идиш, лауреата Нобелевской премии 1978 г., творчество которого составляет также часть польской культуры. Во время фестиваля состоялась международная научная сессия «Братья Зингеры и мир, которого нет» с участием ученых из Польши и США, а также просмотр фильмов, выставки, концерты еврейской народной музыки. В Билгорае прибыл сын писателя Израиль Замир, ныне израильский журналист. «Здесь не сохранилось никаких материальных воспоминаний о великом писателе, — пишет репортер. — Зато есть люди, которые, размышляя о его творчестве и жизни, ищут душу своего города». Организатором фестиваля был люблинский Университет им. Марии Кюри-Склодовской.

• В Дармштадте вручены премии им. Карла Дедциуса для переводчиков польской литературы на немецкий язык и немецкой — на польский. Лауреатами стали Ханс-Петер Хельшер-Обермайер, переводивший, в частности, поэму Юлиуша Словацкого «Бенёвский» и польских писателей эпохи Возрождения, и Кшиштоф Яхимчак, которому принадлежат переводы Фриша, Дюрренматта, Стефана Гейма и др.

• 50 лет спустя после первого издания (вышедшего одновременно по-французски и по-польски) «Порабощенного разума» Чеслава Милоша книга наконец издана по-русски в переводе Владимира Британишского [«Порабощенный ум» было бы более точным переводом заглавия книги. — *Пер.*]. «Русский перевод, — пишет в газете «Жечпосполита» Гжегож Пшебинда, — сделан на основе издания краковского Литературного издательства 1999 г., куда Милош добавил два мнения (...) о том, как жили «порабощенные умы» в ПНР... Милош критически относится к мнению о том, что в сталинской Польше не было никакого «гегелевского искушения», а те, кто защищал идеалы партии, делали это только ради карьеры и денег. Он приводит мнение Анджея Валицкого, который (...) пронизательно описал феномен зачарованности марксизмом у немалой части интеллигентской молодежи. Любопытно, возбуждали сегодня подобные вопросы большой интерес в Москве и Петербурге?»

• Почетным гостем 48-й варшавской Международной книжной ярмарки была Испания. Экспозиция была приготовлена отлично, гости представили не только испанскую, но также каталонскую и латиноамериканскую литературу. «Варшавская ярмарка, — сказал представитель Испании директор Фернандо Ланкас, — самая важная для нас в этой части Европы, и я рад, что мы могли выступить в роли почетных гостей. Сюда приехали представители двухсот с лишним испанских издательств, и наверняка их визит не закончится всего лишь обменом визитными карточками». В будущем году почетным гостем варшавской ярмарки будет Россия. Огромным успехом на ярмарке пользовались и польские писатели, прежде всего подписывавшие свои книги Тадеуш Ружевич и Славомир Мрожек. Толпы осаждали Джонатана Кэрролла и Тони Парсонса. По случаю ярмарки перед Дворцом культуры и науки, где она проходила, устроили праздник для маленьких читателей, названный «Я люблю читать». Проводились конкурсы и игры, было роздано около 500 книг.

• Еще один детский книжный праздник — организованный Польским братством кавалеров Гуттенберга фестиваль «Библиомания». Братство действует в Польше с 1996 г., его уставные цели — «пропаганда польского языка и культуры, распространение образования и чтения среди детей и юношества, распространение и защита печатно-

го слова и проведение идеи братской справедливой Европы». ««Библиомания», — говорит Яцек Кусьмерчик, канцлер братства, — это и место возникновения интереса к книге, и плоскость обмена мыслями о литературе, и возможность лелеять, укреплять связь с печатным словом. (...) мы хотим снова и снова напоминать о силе слова, прививая потребность обращаться к книге, но в то же время соединять традиции с современностью, то есть обеспечивать доступ к знанию через Интернет, в наше время ставший самым быстрым и самым привлекательным источником информации».

• «Икара», главную премию сезона книгоиздателей и книготорговцев получила Национальная библиотека, а специальная премия присуждена Кире Галчинской.

• Впервые присуждаемую литературную премию «Ньюсуика», названную «Подпорий», получила Анна Соболевская за книгу «Келья», где она описывает процесс воспитания своей дочери. В категории «наука» премирован Владислав Копалинский за «Лексикон любовных связей», а «событием» признан «Лapidарий» Рышарда Капустинского.

• Из отдельных новых книг мы на этот раз хотели бы представить нашим читателям три. Прежде всего том статей Станислава Лема «Дилеммы» — запись взглядов писателя на самоновейшие дела, в частности, международные. Лем размышляет о месте России в мире, о террористическом налете на Всемирный торговый центр, о характерах президентов Буша и Путина; в книге немало интересных наблюдений над культурой и литературой. Вторая книга — «Прекрасная миссис Моррис», первый роман Магды Дыгат, дочери популярного писателя и киносценариста Станислава Дыгата («Прощание», «Диснейленд»). «Книга, — пишет рецензент, — начинающаяся как легкий нью-йоркский портрет нравов, заканчивается моральной драмой, источником зла в которой оказывается презрение к буржуазным ценностям. Роман борется за то, что Станислав Дыгат стремился отрицать». И, наконец, «Ежедневный bestiарий» Михала Комара, свидетельство необычайной эрудиции и разнородности интересов автора, который стремится разнообразить факты из истории культуры подчинить сегодняшним событиям и образу мыслей. Возможно, какая-то из этих книг попадет впоследствии в списки бестселлеров. Пока

здесь царят Иоанн Павел II с поэмой «Римский триптих» и, конечно, женская проза, прерываемая лишь «Стишками для больших детей» Виславы Шимборской.

• «Контакт», ежегодный международный театральный фестиваль, проходящий в Торунь с 1991 г., ставит себе целью сопоставить самые интересные театральные явления Центральной и Восточной Европы с достижениями театров Западной Европы и считается образцовым театральным фестивалем в Польше и одним из самых интересных в Европе. «Тринадцать лет «Контакта», — говорит его директор Ядвига Олерадзкая, — это время изменения строя, перемен в общественной и политической жизни... Это, разумеется, должно было вызвать существенные перемены и в его форме. (...) Первые фестивали были временем больших ожиданий, но и некоторого льготного тарифа. (...) теперь, при всеобщей нехватке денег на культуру, в европейском театре приходится искать явления, носящие, так сказать, характер ниши». В этом году первую премию «Контакта» жюри присудило Виктору Рыжакову и Театру.doc из Москвы за спектакль «Кислород». Две следующие премии присуждены венгерским театрам.

• «Золотого дракона» — главную премию 43-го Краковского кинофестиваля короткометражных фильмов получил российский фильм Андрея Хржановского «Полтора кота». «Это показывает, — пишет рецензентка газеты «Жечпосполита», — что в цене были юмор и умный замысел». «Это прекрасный фильм, — говорит председатель жюри Войцех Марчевский, — где соединены документальные, игровые и кукольные съемки. Фильм рассказывает о русском поэте Иосифе Бродском, то есть, разумеется, о его коте, но и о тех временах, в которые им пришлось жить, о России, ностальгии и эмиграции». «В этом году, — пишет критик Тадеуш Любельский, — мы увидели много хороших фильмов, хотя шедевров, может быть, и не было. Меня, однако, прежде всего поражает, что на экране царит хорошее настроение, меньше обычного горьких, трудных, посвященных патологии фильмов. (...) Несмотря на то что в мире нет недостатка в конфликтах, на фестивале господствуют произведения, предлагающие более светлую картину мира... Это триумф классического, хорошо снятого социального документа». Специальную премию, «Дракона дра-

конов», заранее присудили братьям Кей, англо-американским создателям кукольных фильмов, увлекающихся европейским искусством, в частности Бруно Шульцем.

• Молодой польский режиссер Бартек Конопка стал лауреатом международного конкурса на замысел документального фильма, проведенного документальным каналом «Planete». Из полутора десятков стран на конкурс поступило 106 работ. Называется награжденный проект «Коза-путешественница». Канал «Планета» будет финансировать его съемки, премьера состоится на Берлинском кинофестивале будущего года.

• Больше всего в этом году польские кинозрители ждут «Старую сказку» — поставленную Ежи Гофманом экранизацию одноименного романа Юзефа Игнация Крашевского, действие которого происходит в глубоком польском средневековье. Еще не состоялась премьера, а в Музее кинематографии в Лодзи уже открылась выставка, посвященная новому кинофильму: фотографии со съемок, а также декорации и реквизит, использованные при съемке картины.

• В новом здании краковской Ягеллонской библиотеки прошла выставка голландского искусства XVI и XVII вв., старинных атласов и книг. Выставка называется «Голландский золотой век. На пути к познанию и описанию мира». «Математика, царица наук, — пишет рецензент «Газеты wyborчей», — стала героиней выставки — впервые показаны иллюстрации, атласы и книги из т.п. собрания Берлинки. В Ягеллонской библиотеке, где хранятся предметы из Прусской государственной библиотеки в Берлине, находятся, в частности, редкие и никогда до сих пор не выставившиеся иллюстрации по естествознанию и путешествиям».

• «Пейзаж и портрет. Живопись из Одесского музея западного и восточного искусства» — выставка под таким названием открылась в Государственной галерее искусства в Сопоте. «Выставка, — пишет рецензент «Политики», — достойна внимания по крайней мере по трем причинам. Во-первых, в последние годы нам редко удавалось встретиться с русским искусством. Во-вторых, практически неизвестный в Польше одесский музей владеет поразительно богатым собранием. (...) Среди выставленных картин — произведения таких мастеров как Айвазовский, Кандинский, Репин. В-третьих и в-последних, выставленные рабо-

ты дают прекрасный случай сравнить их с аналогичной отечественной живописью, например времен «Молодой Польши». Выставка — манифест отличной живописи». Затем экспозиция будет показана и в других польских городах.

• В варшавском Королевском замке были выставлены рисунки и эскизы Тильмана из Гамерена, знаменитого голландского архитектора, почти вся творческая жизнь которого была связана с Польшей. Он родился в 1632 г. в Утрехте, образование получил в Лейденском университете, в Польшу приехал в 1661 г. и служил при дворе князей Любомирских. Ему принадлежат проекты многих известных варшавских зданий, таких как дворцы Красинских и Острогских. Тильман работал в период художественного расцвета Варшавы, которая тогда начала превращаться в рациональный городской организм. Он был также автором проекта дворца Любомирских в Пулавах и костела св. Анны в Кракове.

• Концертом «Арбат» на краковском Рынке — в сказочной сценографии, воспроизводящей атмосферу старого Арбата, открылся 2-й Международный фестиваль им. Булата Окуджавы с участием артистов из Польши и России, а также США, Японии, Чехии, Голландии, Италии и Румынии. Первый фестиваль состоялся два года назад в Москве, следующие каждый раз будут проходить в каком-то другом городе. По случаю фестиваля прошли не только музыкальные встречи — например, семинар «Булат Окуджава в Польше».

• Лауреатом Гран-при Фестиваля польской песни в Ополе стала в этом году Марыля Родович, певица, которая многие годы не сходит с эстрады и пользуется постоянной огромной популярностью. «Она способна, — говорит о ней коллега по профессии Магда Умер, — спеть так, что захватывает и слушателей с изысканными вкусами, и тех, кто ожидает песни как развлечения. Думаю, Марыля никогда не хотела быть элитарной певицей. Она знает, что людям нужны и «глупости», и исполняет для них такое. (...) Больше всего мне нравится в Марыле совершенно беспричинное, но всегда хорошее настроение». «Неосомненно существует нечто такое, что можно назвать «опольским канонам песни», — пишет социолог Мирослав Пенчак, — установившимся на протяжении четырех десятилетий. В этом каноне нет места чрезмерной экстравагантности или слишком смелым экспериментам. Песня долж-

на быть мелодичной, отвечать расхожим вкусам, которым, не приходится скрывать, важнее развлечение, чем искусство». Часть концертов, как и в прошлом году, проходила на открытой эстраде на главной площади города, где собирались толпы народу.

III ТИШНЕРОВСКИЕ ДНИ

Главным героем проходивших в этом году III Тишнеровских дней оказался Лешек Колаковский, прочитавший увлекательный доклад об о. Юзефе Тишнере. Колаковский говорил о мире, от которого «разум сначала отлучил Бога, а потом и сам себя».

Скончавшийся три года назад о. Юзеф Тишнер говорил о себе, что он «сначала человек, потом философ, а уж только в конце — священник». Тем не менее в этом году было решено подчеркнуть эту область его учительства. О ней, в частности, говорилось на научной конференции «Религиозное мышление о. Юзефа Тишнера».

В большом саду происходило вручение премий издательства «Знак» профессору Барбаре Скарге, репортеру Войцеху Ягельскому и священнику Анджее Аугустыньскому. Гости церемонии вручения премий слушали краковский оркестр «Капелла с Лопушной».

Другой оркестр, гуральский «Требуна Тутки», участвовал в инсценировке, которую поставили ученики Тишнера по театральному училищу, ныне видные режиссеры Петр Цепляк, Анна Аугустынович и Анжей Дзюк.

Тишнеровские дни организовали издательство «Знак» и краковские вузы, в которых Юзеф Тишнер преподавал: Государственное высшее театральное училище, Папская богословская академия и Ягеллонский университет.

Катажина К.Гарdziна

СОВРЕМЕННЫЙ ТАНЕЦ В ПОЛЬШЕ

У рядового потребителя культурных благ слово «балет» обычно ассоциируется с танцовщицами в белых пачках и на пуантах. И в Польше спектакли самых известных шедевров классического балета пользуются среди зрителей наибольшей популярностью и не могут жаловаться на неполные залы. Тем не менее в польском балете, конкретнее в польских балетных труппах при оперных театрах, дела обстоят не лучшим образом. Речь идет не о художественном уровне танцовщиков. Трудности, как и в других дорогих областях искусства, — разумеется, финансового порядка: денег постоянно не хватает. В результате на польской сцене редко появляются новые балетные постановки, еще реже попадают на нее спектакли известных западных балетмейстеров, несущие новые идеи и течения. Оказывается, легче и дешевле заново подготовить «Дон Кихота» или «Жизель», при которых легче и рассчитывать на полный зал по принципу: публика любит то, что хорошо знает. Благодаря такой практике балетные труппы в Варшаве, Познани или Лодзи почти не имеют контакта с новинками, другими стилями и другой техникой танца.

К счастью, параллельно развивается и расширяется круг танцовщиков и почитателей современного танца. Пожалуй, никогда раньше этот феномен не развивался в таких масштабах. Экспериментальные проекты, хеппенинги и спектакли на границе танца и театра нашли в Польше немалую группу энтузиастов. Создаются новые труппы, группы и объединения, занимающиеся пропагандой современного танца от фанки до джаза, модерн-данса, восточных искусств борьбы и танца. Здесь даже минимальные средства позволяют ставить интересные и небанальные спектакли, ибо обычно это предприятия камерные, требующие небольшого пространства, условных костюмов и декораций. Тому, кто пожелал бы познакомиться с большей частью таких явлений в Польше, пришлось бы проводить время в непрерывных разъездах. Мероприятия, связанные с современным танцем, столь часты и проходят в столь различных уголках страны, что иногда трудно поспеть за их потоком. Весьма динамичным их центром стал Гданьск, где деятельность нескольких групп и отдельных артистов встретилась с доброжелательностью местных властей. В Гданьске все время происходит что-то новое. Местная корпорация танца проводит фестивали современного танца, на которых можно увидеть, разумеется, самые интересные гданьские спектакли, в том числе ведущей труппы «Театр танца Дада фон Бздиулёв», и выступления гостей из-за границы. Спектакли коллективов современного танца можно увидеть также в рамках ежегодного Балтийского университета танца. В Гданьске же действует Объединение пропаганды современного танца, балетного и хореографического искусства им. Сергея Дягилева, которое, в частности, проводит Международный фестиваль хореографического искусства имени Дягилева. Среди довольно больших трупп, занявших ведущее место в постановке и исполнении спектаклей современного танца, — Силезский театр танца в Бытоме. Его директор и хореограф Яцек Луминский не только сам ставит весьма интересные, новаторские и изобретательные номера, но и умеет привлечь к сотрудничеству интересных хореографов из Северной Америки и Западной Европы. Малые театры и группы современного танца сосредоточены также вокруг таких центров, как центр современного искусства «Сольвай» в Кракове, объединение развития культурного образования и искусства «Артбале» в Варшаве, центр современного искусства «Уяздовский замок» (тоже в Варшаве), Мазовецкий центр культуры.

Многочисленные фестивали дают возможность показать себя даже крохотным группам и солистам, которые сами для себя ставят моноспектакли. С мыслью о них в Щецине проводятся фестиваль «Анекс соло» и просмотр малых форм «Контрапункт». Подобные мероприятия проходят в Кракове, Конине, Калише и Варшаве; в столице энтузиастов современного танца гостеприимно принимают ЦСВ «Уяздовский замок», проводящий международные встречи искусства действия «Перекресток», и Малый театр.

Особый и в то же время связанный с фестивалями раздел деятельности в области современного танца — мастер-классы и курсы, где преподается различная техника танца. Профессиональным танцовщикам и любителям они служат средством углубить танцевальные знания и мастерство. Крупнейшее мероприятие этого типа — Биеннале современного танца в Познани, организованное Познанским театром танца, старейшей в Польше труппой современного танца. Достаточно сказать, что в прошлом году в занятиях с педагогами из Польши, Америки, Африки, Испании, Германии и Франции приняли участие около двух тысяч человек. Подобные мастер-классы организуются теперь в Гданьске, Бытоме, Лодзи, Варшаве (здесь — под названием «Европейская эра танца»). Воплощением интересного замысла, адресованного почитателям как классического, так и современного танца, стало Лёндецкое балетное лето, проводящее ежегодно в курортной местности Лёндек-Здруй. Ныне почти нет такого месяца в году, когда бы любитель современного танца не мог найти интересных курсов, проводимых где-нибудь хореографом, педагогом или... терапевтом из-за границы. Да-да, терапевтом: все большей популярностью в Польше начинает пользоваться хореотерапия, т.е. лечение движением. Молодежь, особенно девушки, охотно пользуется возможностью заняться движением для здоровья и стройного силуэта, заодно обучаясь чувственному фламенко либо вновь вошедшему в последнее время в моду танго.

Если бы потребовалось назвать ведущих танцовщиков и труппы, создающие спектакли, основанные на технике современного танца, не так-то легко было бы это сделать. Эти артисты часто объединяют свои силы при создании конкретного спектакля, а сразу после этого выступают соло или включают в деятельность другой группы или театра. Если все-таки называть, конечно, следует сказать о вышеупомянутом «Театре танца Дада фон Бздиолёв». Как явствует из самого названия, создатели театра обращаются к концепциям дадаистов, а кроме того — сюрреалистов. В их спектаклях скрытые и не до конца определенные значения и идеи находят внешнее выражение в диковинной форме. Как они пишут сами о себе, «это театр актера, балансирующего между обнажением своей интимности и методической реализацией сценических партитур. И основан ли он на актерском действии или сосредоточен на хореографической основе, пронизанной современными формами танца, — существенным в спектаклях всегда остается повествование, иногда прозрачное, ясное, иногда запутанное, незавершенное, туманное, удовлетворяющееся самим собой». Театр создали в 1993 г. хореограф Катажина Хмелевская, выпускница Гданьского государственного балетного училища, и актер, мим, хореограф и режиссер Лешек Бздыль, выпускник исторического факультета Вроцлавского университета. Среди других интересных явлений польской сцены современного танца необходимо назвать Театр открытого творчества (ТОТ). Здесь очень важный элемент, кроме действующих лиц, музыки, света и внутренней энергии, — реквизит, пластически организующий пространство и эмоциональное восприятие спектакля. В работе ТОТа неизменен подход к содержанию спектакля, глубоко укорененный в действительности. Форма же повествования эволюционирует от линейной через псевдосюжетную к почти абстрактной. К видным представителям польского современного танца принадлежат также независимая танцовщица и хореограф Анна Стеллер и Рафал Дземидок — оба сотрудничают с театром «Дада фон Бздиолёв».

Как легче всего ознакомиться с состоянием современного танца в Польше? К счастью, с этой целью создан сайт www.republica.pl/wolnastrefa/, отмечающий все события, сообщающий о мастер-классах и курсах, покровительствующий мероприятиям и даже организующий их. Дитя этой «Вольной стrefы» («Свободной зоны») — вышеупомянутый фестиваль «Анекс соло». С апреля этого года существует также бумажная, расширенная версия сайта, т.е. первый и пока единственный ежемесячный журнал, посвященный современному танцу «Стрефа танца». На его страницах должно найтись место серьезным рецензиям и сообщениям обо всех спектаклях и фестивалях современного танца.

Виктор Шелыгин

ТУРИЗМ В СТИЛЕ *MILITARY*

В Польше появилась разновидность исторического туризма, которую иногда называют военным. Приключения в стиле *military* успешно заменили экскурсии по местам боевой славы. Кроме того, необычное направление туристического бизнеса помогло создать новые рабочие места.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ТРОФЕЕВ

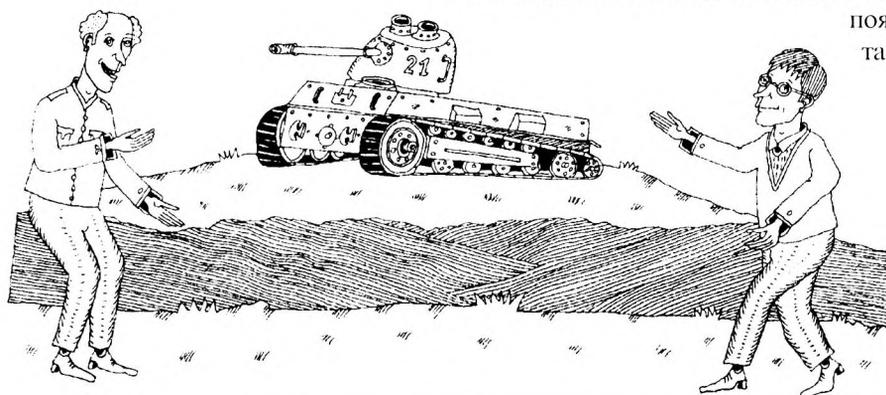
На территории бывшей Восточной Пруссии бункеры II Мировой войны частенько сравнивают с грибами. Идешь, бывало, по лесу с лукошком, и вдруг... взору открываются поросшие мхом рукотворные каменные глыбы. Кое-где на крышах растут молодые березки. Маскировка идеальная. Только доживает она последние дни.

Один из бункеров ставки Вермахта в районе Мазурских озер в скором времени станет центром отдыха и развлечения. Звучит парадоксально? На это и расчет. Среди изнеженных европейцев немало тех, кто желает испытать что-нибудь этакое. Фашистский застенок с безукоризненно работающей системой безопасности — один из таких экстремальных маршрутов.

Кроме стен четырехметровой толщины, узких бойниц, сырости и холода туристов ожидают любопытные подробности и легенды Третьего Рейха. Например, в ставке Вермахта службу несли... женщины. Специальное подразделение «Бригитта» входило в состав технического персонала и выполняло вспомогательные функции. Одной из них была связь. Правда, попытки местных гидов придать «бригиттам» солдатский ореол разбивается об исторический факт. В ходе Восточно-Прусской операции дамы из «Бригитты» организованного сопротивления советским войскам оказать не смогли. Более того, за день до штурма твердыни, опоясанной рядами колючей проволоки и системой минных полей, персонал укрепления покинул бункеры. На каменных полах глубоко под землей красноармейцы обнаружили только кучи пепла — следы сгоревших секретных документов. Зато оборудование немцы уничтожить не успели. Работали не только электростанция, но и радиостанции, телефонные линии, система сигнализации. Трофеем оказался удачным. После войны немецкий объект был строго засекречен и передан то ли спецслужбам, то ли военным. Но и они в бывшей ставке Вермахта гостили недолго. Спустя несколько десятилетий неразговорчивые мужчины так же тихо покинули укрепленный комплекс, оставив его на произвол судьбы.

Ставку Вермахта выкупил частный предприниматель. Для глухой польской глубинки — это удача. Подземные дороги преобразились. Открылись небольшие магазинчики и гостевые дома для туристов.

У местных жителей, мало чем отличающихся от российских крестьян, появился реальный шанс заработать на паломничестве.

КОКТЕЙЛЬ V-2

Знаменитые немецкие ракеты «фау» испытывались не только в Панемонде. Близ польского города Голдап немецкие инженеры продолжали испытывать реактив-

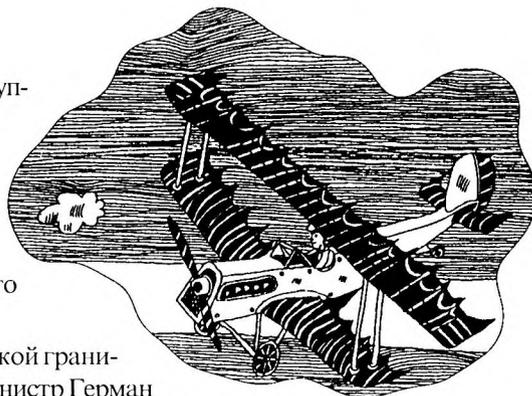

ные двигатели практически до 1944 года. Об этом советское командование узнало от англичан. Неудивительно, что в ходе Восточно-Прусской операции секретные объекты «Люфтваффе» представляли первостепенный интерес для советских разведчиков. То, что в районе Голдапа находится один из таких объектов, косвенно подтверждалось близостью ставки Геринга, питавшего слабость ко всему, что летало. Разведанные с лихвой оправдались после захвата объекта. Секретная лаборатория действительно была обнаружена. Не исключено, что среди первых прибывших туда инженеров были известные конструкторы М.К.Тихонравов и Ю.А.Победоносцев, которым удалось найти сохранившуюся камеру сгорания, куски топливных баков, детали корпуса ракеты и многое другое.

Былой славе немецкой конструкторской мысли сегодня уготована куда более скромная миссия. Один из просторных бункеров использует... столовая местного санатория. Среди отдыхающих популярна шутка об особом коктейле V-2, рецепт которого повара ищут в старом бункере. Шутят, что временами они все-таки готовят секретный состав ракетного топлива. В общем, после оздоровительного курса гости санатория готовы летать. Отдыхающим нравится...

ПОТОЛКИ, СВОДЯЩИЕ С УМА

Исторический туризм — дело известное. Приезжает группа туристов, пробежится по местам боев и средневековым замкам — и в теплый автобус. Никакой романтики. Иное дело гостить в старинной крепости Боен. Сводчатые потолки, гулкое эхо, полумрак и вздохи замученных узников — вот, пожалуй, самые яркие впечатления, которые появляются у туристов внутри форга, построенного в 1843 году.

Расположена крепость недалеко от российско-польской границы, в окрестностях Гижицка. Ее создатель — военный министр Герман фон Боен. Барельеф этого любителя фортификационных сооружений до сих пор украшает главные ворота некогда неприступного военного объекта.

В истории крепости, занимающей площадь около 100 гектаров, было немало тяжелых дней. Вторая половина XIX века и I Мировая война безуспешно проверяли на прочность крепкие стены. Осаждали ее и русские войска. Дважды солдаты генерала Самсонова в ходе Восточно-Прусской операции бросались на штурм твердыни, но крепость смогла сохранить славу непокоренной. Лишь в 1945 г. над фортом Боен был водружен красный флаг.

В этой истории пока много белых пятен. Разведчики накануне штурма в темноте преодолели полосу обеспечения, проползли через ров и, соблюдая все меры предосторожности, оказались внутри форга Боен. Они-то и обнаружили, что противник... исчез. И так, после мощной артподготовки сражаться красноармейцам с защитниками крепости не пришлось. Гарнизон покинул стены и рассредоточился в окрестностях.

В форте Боен долгие годы действовала диверсионная школа. Обучались здесь пленные красноармейцы, жители Прибалтики и Украины. Три дня в казематах крепости находился и генерал Власов. О том, что эти данные могут быть известны офицерам из «Смерша», противник догадывался. Подобные предположения вселяли в осажденных уныние, и боевой дух защитников день ото дня угасал, пока не иссяк совсем.

Обычно эти истории с привкусом легенд многим туристам, посещающим крепость Боен в окрестностях Гижицка, рассказывает краевед Богдан Щетко. Долгие годы он с болью в сердце наблюдал за разрушением исторического памятника. После того как форт оставили войска, некоторые помещения приспособили под птицефабрику. Спустя десятилетия, когда предприятие обанкротилось, крепость было решено передать молодежи. В одном из зданий после капитального ремонта устроили гостиницу,

в центре крепости установили эстраду и летний зрительный зал, который облюбовали барды и байкеры. Доход от нововведений в форте Боен небольшой. Скорее памятник продолжает нуждаться в средствах. Однако главный итог метаморфоз налицо: форт Боен обрел новую жизнь и уже может не опасаться за крепость своих стен.

II МИРОВУЮ ЗАКАЗЫВАЛИ?

Туризм — дело государственное. В новом веке Польша, похоже, пересмотрела свои экономические приоритеты. Реализация традиционно качественной сельхозпродукции в рамках Евросоюза идет со скрипом. Соседняя Калининградская область — хороший рынок сбыта, да только объемы экспорта в Россию польских фермеров пока удовлетворить не могут. Для разоряющихся фермерских хозяйств новый вид деятельности стал спасательным кругом.

Государство инициативу сельского туристического бизнеса поддерживает. Помимо льготного кредитования и послабных налогов во многих городах Польши существуют информационные центры, в которых сосредоточены подробные данные обо всех отелях и туристических программах, реализуемых в данной местности. Новоиспеченные структуры финансируются из государственной казны и призваны соединить туристов и тех, кто профессионально организует отдых по самым капризным запросам. Предложения разнообразные: рыцарские турниры, индейские вигвамы, тайны пирамид, заезды на собаках, гонки на внедорожниках и путешествие по фортификационным сооружениям двух мировых войн. Ценовая политика турфирм остается за рамками информационных центров. Иными словами, потенциальный турист, получив подробную информацию о программе отдыха, сервисе и местонахождении отеля или гостевого дома, может самостоя-

тельно обсудить с менеджером стоимость предоставляемых услуг.

Эффективность работы информационных центров первыми ощутили жители приграничных городов. В польской глубинке появились состоятельные туристы, в том числе и с востока. Рассказывают, что высшим удовольствием для отдельных гостей из России считается выпить чарку русской водки на развалинах «Волчьего логова» — ставки Гитлера. Почему бы и нет, если тосты за победу

способны увеличить количество рабочих мест в польской провинции?

Возможно, зарождающийся исторический туризм в корне и не улучшит жизнь в приграничных регионах. Однако этот вид деятельности — всего лишь одно из направлений экономики, реально помогающее небольшому количеству семей, живущих вдали от больших городов. Государству подобные метаморфозы выгодны, ибо социальная поддержка безработных фермеров налогоплательщикам обходится дороже.

О РОМАНЕ ПОЛЯНСКОМ, ФЕДОРЕ ДОСТОЕВСКОМ И О СЧАСТЬЕ

Беседа с Анджеем Вайдой

— Я пригласил знакомого из Петербурга в ресторан. Вы сидели за соседним столиком. Когда вы уходили, я шепнул знакомому: это Анджей Вайда. И мой знакомый пожалел: чего ж я не сказал ему раньше, он бы подошел, представился и поблагодарил за все ваши фильмы.

— Я рад, что мое кино сегодня русским не чуждо, хотя в Советском Союзе мои фильмы возбуждали противоречивые чувства. Говорилось, правда, что «курица не птица, Польша не за граница», тем не менее и мои фильмы, и фильмы многих других польских режиссеров воспринимали в СССР как чуждые канонам соцреализма.

У нас в Польше тоже был соцреализм, но, к счастью, этот эпизод был недолгим и не оставил после себя серьезного опустошения в культуре. После октября 56-го у нас появился кинематограф, отважно бравшийся за переоценку истории и при этом проявлявший смелость в поиске новых форм. Польская школа кино разрушала идеологические и политические схемы. Можно ли было в России в конце 50-х снять фильм о симпатичном юноше в очках, который убивает партийного секретаря? Вдобавок зритель не осуждает убийцу, становясь на его сторону, а не на сторону партийного деяте-

ля... Я имею в виду «Пепел и алмаз». Возможна ли была картина о настоящих героях войны, обреченных на поражение? Такая, как «Канал», герои которой — аковцы, сражающиеся в Варшавском восстании. Это были мои ранние фильмы, но и более поздние пробуждали бдительность у партийных ортодоксов: трудно было ожидать от них восхищения «Человеком из мрамора» или «Человеком из железа», герои которых — рабочие сталинского времени или времен рождения «Солидарности», требующие, чтобы «власть народа» уважала их права, особенно право на труд и надлежащую оплату труда — то, что стало одним из главных требований «Солидарности». Я тогда встал на сторону рабочих и всех, кто собрался вокруг лозунга оздоровления Польши. Коммунистическая партия не была той силой, которая могла бы оздоровить Польшу.

Разумеется, эти мои фильмы не показывали в Советском Союзе. Да, конечно, в Москве тепло принимали «Березняк» или «Барышни из Вилько», экранизации рассказов Ярослава Ивашкевича. Кстати, Ивашкевич был писателем, прекрасно чувствовавшим русскую литературу, особенно дореволюционную...

— Раз уж вы упомянули дореволюционную литературу, стоит вспомнить, что в 60-е годы вы сняли фильм «Леди Макбет Мценского уезда» по рассказу Лескова. Однако снимали вы его не в Польше и не в России, а в Югославии. Не было надежды на сотрудничество с советским кинематографом?

— Русская литература была исключительной собственностью советских режиссеров. Польским кинематографистам отказывали в праве на экранизацию русской классики, а если бы они замахнулись на это, могли бы возникнуть серьезные осложнения политического характера. Если бы созданная картина не удовлетворила московских власть предержащих, то она была бы сурово

оценена советской критикой — сомнению подвергли бы не только талант режиссера, но и вообще смысл экранизации русской литературы кинематографистами, не обладающими достаточной компетенцией. Полное «эмбарго» было наложено на Достоевского, поэтому я не мог перенести свою театральную инсценировку «Бесов» в Театр телевидения. Спектакль «Бесь», который я поставил в начале 70-х в краковском Старом театре, не сходил со сцены почти пятнадцать лет. И все это время у меня не было шансов перенести спектакль в Театр телевидения. Больше повезло мне с «Преступлением и наказанием», хотя — вот парадокс — случилось это в 80-е, во время военного положения.

Но вернемся к Лескову. Экранизация этого рассказа в Польше в 1960 г. была исключена, а поскольку нашему кинематографическому начальству требовалось получить негласное разрешение начальства советского, то мы даже и не пытались. Я решил снять этот фильм в Югославии, будучи убежден, что сербы прекрасно понимают дух русской литературы. И не ошибся. Я нашел там прекрасных партнеров, некоторые из них были из семей русских эмигрантов, осевших после революции в Белграде, например замечательный сценарист Миомир Денич.

Я использовал музыку Дмитрия Шостаковича из оперы «Катерина Измайлова» — либретто оперы было написано по тому рассказу, который я собирался перенести на экран. Мне хорошо работалось в Югославии, хотя бы потому, что тамощные кинематографисты не подвергались суровым политическим ограничениям, например, им не надо было решать вопросы вроде того, не считается ли Шостакович неблагонадежным, а его опера — формалистическим произведением.

— В конце концов, однако, настал момент, когда культура освободилась от политики — сначала в Польше, а потом и в России...

— В 1989 г. меня пригласили возглавить жюри Московского кинофестиваля. В прежние годы на фестиваль оказывали самое разное политическое давление. На сей раз его организаторы решили порвать с этой недостойной традицией, о чем должно было свидетельствовать приглашение в Москву таких режиссеров, как я. Я согласился, но при условии, что вместе со мной будет приглашен Адам Михник, который прежде в России никогда не бывал.

— Потому что Михник, один из самых негнбимых оппозиционеров и врагов коммунизма, бывал прежде всего в варшавских тюрьмах...

— Адам мечтал приехать в Москву. И это вошло. Вместе с Михником мы выступили на митинге московских демократов. Адам сидел рядом с Борисом Ельциным, я — с Галиной Старовойтовой. Кто бы мог подумать, что Адама, до недавнего времени числившегося врагом коммунистической системы, будут так чествовать в Москве! Если память мне не изменяет, мы все обсуждали, как перестройку превратить в перманентную революцию. Во времена перестройки в России показывали уже все мои картины: в 1986 г. показали «Человека из мрамора», а в 1989-м — его продолжение, то есть фильм «Человек из железа». Эту ленту я сам привез в Москву в чемодане, ибо опасался, что иначе он может туда не доехать. Показ состоялся в кинотеатре «Варшава», в огромном зале на 1200 мест яблоку было негде упасть. А ведь не было никаких афиш, объявлявших о предстоящем показе, никакой информации в прессе. Помню, перед началом сеанса у кинотеатра появился грузовик с картошкой, который загородил вход в кино...

— В снятом недавно документальном кинофильме «Урок польского кино», где рассказывается о польской школе кино, вы говорите, что этот феномен возник, в частности, потому, что кино жило в симбиозе с литературой: сценаристы, нередко прекрасные писатели, экранизировали произведения современных прозаиков. Времена такого симбиоза давно прошли. Не потому ли вы сейчас обращаетесь к классике польской литературы XIX века, что не находите в современной прозе ничего достойного внимания?

— В литературе я ищу более интересного и несколько иного материала, чем в обычном киносценарии. Сценарий — это чаще всего сиоминутные размышления на определенную тему, иными словами — прикладная литература. Зато каждый, кто переносит на экран настоящую литературу, чувствует, что находит в ней все новое содержание, которое углубляет его фильм. Кстати, только в Польше подчеркивают, что тот или иной фильм создан на основе литературного произведения. Во всем мире экранизируют романы или драматургию, но никто не называет этого литературой в кино, а просто, например, «Гамлетом».

Мы живем во времена, когда много говорят о Европе. Поэтому нам не обойтись без вопроса: с каким багажом мы идем в Европу? Мы задумываемся, можем ли мы, входя в объединенную Европу, взять с собой «Месть» или «Пана Тадеуша», — это важный вопрос, ибо литература составляет часть наших традиций и элемент, быть может, сильнее всего формирующий самосознание поляка. Думаю, миллионы зрителей, которые недавно посмотрели «Месть» или «Пана Тадеуша», как раз и пытаются найти ответ на вопрос: кто мы такие, поляки? Я убежден, что в литературе новейшего времени мы ответа не найдем, зато произведения минувших эпох могут помочь нам в познании самих себя.

Польская школа кино возрастала на основе литературы, которая создавалась во время II Мировой войны и сразу после ее окончания, то есть в самые трагические для нас моменты истории. Писатели пытались взглянуть на историю тех лет через призму героя, который попадает в конфликт с историей и политикой. Как, например, Мачек Хелмицкий из фильма «Пепел и алмаз». Одноименный роман Ежи Анджеевского был готовым материалом, кино нуждалось в таком романе, так что литература и кино стали союзниками. Сегодня, не находя поддержки в литературе, я обращаюсь к литературе XIX века, хотя и не скрываю, что предпочел бы снова снять фильм на современную тему.

С другой стороны, «Пана Тадеуша» посмотрели более шести миллионов зрителей, а «Месть» на протяжении двух месяцев со дня премьеры осенью 2002 г. — уже два миллиона, и фильм не сходит с экранов. Значит, что-то носится в воздухе — может быть, например, людям хочется услышать в фильме польский язык? Вот одна из причин, по которым я экранизировал оба этих шедевра нашей литературы. Я понимаю, что зрители ждут от меня прежде всего фильма на современную тему, и, как я уже сказал, и сам предпочел бы вернуться к тому, что происходит здесь и сейчас, но знаю, что польский зритель нуждается и в таком кино, где он как в зеркале может увидеть наш национальный характер, польские недостатки и достоинства. А национальные эпопеи, такие, как «Пан Тадеуш» или искрящаяся юмором комедия Фредро — великолепный портрет польского духа.

— *Комедия графа Александра Фредро интриговала вас давно, в середине 80-х вы поставили ее на сцене краковского Старого театра.*

— Признаюсь, спектакль оказался не очень удачным, хотя благодаря ему я многому научился, осознал, например, все трудности, связанные с работой над этой пьесой. Несколько раз мне случилось сначала поставить какое-то произведение в театре, а затем — в кино. Так было со «Свадьбой» Станислава Выспянского. В первый раз я обратился к этой драме, написанной во времена «Молодой Польши», в начале 60-х и уже тогда понял, что должен перенести ее на экран, ибо благодаря этому «Свадьба» откроется своими новыми гранями и я сумею раскрыть современному зрителю ее тайны. Несколько лет спустя я снял фильм по драме Выспянского и считаю, что это одно из моих важнейших творческих достижений. На первый взгляд могло показаться, что невозможно перевести «Свадьбу» на язык кино, но я не терял веры, чувствуя, что если бы Выспянский жил в наше время, он был бы связан с кинематографией.

А вот с «Местью» было не так просто, как со «Свадьбой». Комедия Фредро — это шедевр, не требующий никаких дополнительных сцен, это произведение замкнутое, как бы рожденное в единый миг поэтического вдохновения. Поэтому чрезвычайно трудно было ввести в него стихию кино — а стихия кино подразумевает движение, возможность снимать отдельные сцены и на пленэре, и в интерьерах. Между тем действие «Мести» разыгрывается только в трех местах. Как же экранизировать пьесу? Я старался прежде всего не испортить ее, не повредить ценный материал и в то же время уйти от поэтики телевизионного театра. Я был по отношению к Фредро невероятно верен: незначительные изменения, которые я решился внести, помогли рассказать историю враждующих между собой семей языком в высшей степени кинематографическим. Я сделал несколько натуральных съемок на фоне зимнего пейзажа — чего нет в оригинале, — но, главное, увеличил стену, которая разделяет в пьесе усадебный двор, а в фильме — и весь замок, даже комнаты героев. Стена таким образом становится как бы Берлинской стеной и свидетельствует об отчаянии антагонистов, охваченных безумной идеей закрыться, отгородиться от ненавистного соседа...

«Месть» — это чудесная пьеса, поэтому ничего нет удивительного в том, что польские актеры мечтают в ней сыграть. Я счастлив, что в моем последнем фильме появляются такие замечательные актеры, как Януш Гайос, Даниэль Ольбрых-

ский и Анджей Северин, постоянно живущий в Париже и связанный с «Комеди франсез». Я так же рад, что у меня сыграла молодая актриса Агата Бузек — я убежден, что уже сейчас она принадлежит к самым оригинальным польским актерам. Мне хотелось встретиться и с Катажиной Фигурой, сыгравшей во многих фильмах, очень и не очень хороших, например, ей повезло играть в фильмах великого Роберта Альтмана. В «Мести» я предложил ей роль Поддольничихи. Я всегда подозревал, что эта героиня Фредро — вовсе не великосветская дама, а скорее деревенская женщина, старающаяся содержать себя за счет многочисленных и удачных марьяжей. Эта ловкая кокетка ищет себе место в мире, в котором господствуют мужчины. Кася со своим чувством юмора, с ощущением того, что такое кино, прекрасно воплотила образ женщины, старающейся опутать мужчин. Но больше всего меня радует, что в «Мести» сыграл Роман Полянский...

— *Как вам работало с Поляским?*

— Впервые я встретился с ним 47 лет назад, когда работал над «Поколением». Он сыграл в этом фильме небольшую роль, но с этого эпизода началась его карьера в кино. Вскоре он поступил в киношколу в Лодзи и немедленно снял «Нож в воде», который обеспечил ему мировую славу, увенчавшуюся фантастическим «Пианистом».

Когда мне пришла в голову идея предложить ему эту роль, я не был уверен, согласится ли он. Полянский — замечательный актер, но играет редко, и чаще всего в своих собственных фильмах. Захочет ли он сыграть в польской комедии? Однако он не отказался, а я быстро понял, что он не только хочет играть в польском кино, но и что образ фредровского Папкина ему прекрасно знаком. Я также понял, что, закончив «Пианиста» — фильм, чрезвычайно важный для него, связанный с личными воспоминаниями о военном кошмаре, — он стремится переключиться, оказаться в ином мире.

Его Папкин — человек чуждый, человек цивилизованый среди обезумевших славян. Полянский вносит в «Месть» собственный ритм, ритм пришельца. Папкин — фигура не из польской действительности, он родом из итальянской комедии, немного из испанской литературы — в нем есть что-то от странствующего рыцаря, а что-то от плаватовского «Хвастливого воина». Роман идеально подходит к этой роли — пришелец из большого мира,

он привносит чуждое нам актерское мастерство. Настоящая актерская школа, через которую он прошел, — это американская школа, поэтому Роман играет скромно, но чрезвычайно выразительно, и ровно настолько, насколько необходимо.

Я понимаю Наполеона, который, выбирая офицеров в свой штаб, задавал им лишь один вопрос: «Вы везучий человек?» От того, сумеет ли кандидат ответить на этот вопрос, зависело решение императора. Думаю, и режиссером нельзя быть без везения. До тех пор, пока удача меня не оставляет, хотя и не сопутствует мне неизменно, я буду повторять, что стоит заниматься кино — хотя бы затем, чтобы работать с такими людьми, как Полянский.

— *Я слышал, что Полянский — поклонник Мицкевича. Говорят, он часто и проникновенно читает «Пана Тадеуша». А могло бы показаться, что, находясь сорок лет вдали от Польши, он оторвался от нашей культуры...*

— Это только кажется. Я никогда не сомневался, что польская литература остается ему близкой. Полянский не относится к тем людям, которые из страха, из стыдливости отрекаются от того, в чем они воспитаны. Роман — один из самых всесторонних и талантливых людей, которых я когда-либо встречал, при этом он одарен невероятным талантом общения. Он легко нашел свое место среди режиссеров с мировой известностью и покориł Голливуд. Но частица его сердца осталась в Польше, с нашей литературой, традициями, прошлым. Воистину поразительно слышать его великолепный польский язык, из которого он ничего не утратил. А ведь он месяцами не говорит по-польски, живя в англоязычной или франкоязычной среде.

— *Образ, который создал Полянский, кажется далеким от литературной первоосновы и уже наверняка — от традиции исполнения этой роли. Папкин ассоциируется с шутком, а в исполнении Полянского это довольно грустный тип...*

— Папкин в юности наверняка был шутком, старался паясничать и смешить, ибо это было его оружие, способ выбраться из неприятностей или урвать что-нибудь для себя. Шут — не самый интересный персонаж, но раз уж появляется Полянский... все меняется в образе Папкина. Потому что Роман обладает фантастической двойственностью: с одной стороны, он остается живым и любопыт-

ным к миру мальчишкой, постоянно готовым начать все сначала. Но в то же время он уже достиг почтенного возраста. Ведь ему под семьдесят. Поэтому, когда он играет Папкина, когда паясничает, произносит архисмешные тирады, зритель не даст себя обмануть и должен подумать, что Папкин стар и что он устал повторять на протяжении десятиков лет одни и те же анекдоты. Полянский показал его человеком, полным меланхолии, человеком, который борется, чтобы остаться в этой жизни на плаву, с возрастом шансов на это у него остается все меньше и меньше: возможно, еще разок ему удастся увернуться от колотушек, еще разок перепадет от кого-нибудь кошелек. А может быть, больше никогда не пройдет ни один из трюков, благодаря которым он пока еще жив. Меланхолия идет рука об руку с чужеродностью этого пришельца... Такого Папкина можно встретить и в России, и на Балканах. Можно увидеть, как он крадучись пробирается через враждебный мир, а потом пишет невероятно умные воспоминания и ничто не ускользает от его пронизательного взгляда. Полянский идеально подходит на роль такого человека.

— Вы говорите, что таких Папкиных можно встретить и в России, и на Балканах. Когда-то вы сказали, что «Месть» как произведение универсальное можно было бы перевести на язык реалий японской культуры...

— Да, потому что комедия Фредро относится к тем немногим польским литературным произведениям, которые не вписаны в исторический контекст. «Месть» может происходить повсюду, почти в любой действительности. Когда я думал о японском варианте, я знал, кто мог бы сыграть Папкина — только Тосиро Мифуне, великий актер Акиро Куросавы. Но я не знал, что Мифуне уже при смерти. Так что мне не удалось перенести польскую, шляхетскую «Месть» в мир самураев...

Думаю, универсальность этой комедии проистекает из того факта, что граф Фредро был способным учеником Мольера и других мастеров французского театра. «Месть» — это комедия характеров. Мы, поляки, видим в них польские характеры, но по сути это универсальные характеры. Один герой вспыльчив, другой не уступает ему в горячности, но более коварен, а между ними кружит вдовушка, которой не терпится пойти к алтарю, а еще есть парочка молодых влюбленных, страдающих из-за ссоры родителей. Содержание абсолютно универсальное...

— Вернемся еще раз к русской культуре. В июне 2002 г. в Петербурге вы провели мастер-класс...

— Работать с русскими актерами — величайшая радость для любого режиссера. Я работал с группой, собравшейся вокруг Музея Достоевского и стремящейся играть именно Достоевского. Много лет назад я поставил «Идиота» в краковском Старом театре, сильно сократив состав исполнителей: в спектакле играли лишь два актера — один в роли Рогожина, второй в роли Мышкина, а еще было лежащее на полу платье, которое символизировало убитую Настасью Филипповну. Потом я повторил эту инсценировку с японскими актерами в Токио, по которой снял фильм. Но меня не оставляло желание создать еще один вариант, в котором князь Мышкин, как всякий юродивый, ходил бы с крестом. Я видел когда-то выставку о юродивых в петербургском Казанском соборе — в те времена, когда храм был превращен в музей атеизма. Каждый юродивый носил на груди огромный крест. А что было бы, подумал я, если бы Мышкин шествовал по миру с таким крестом на шее? Ведь он его несет — и в буквальном, и в переносном смысле. При этом крест — театральный символ, который объясняет, кто такой Мышкин и кто те люди, которые его окружают. И я представил себе, как, входя в гостиную, князь оставляет крест в передней, как выходит с ним на улицу, как сидит на кресте, когда огорчен, — есть же чудесные картины XVIII века, на которых Христос перед Распятием изображен сидящим на кресте.

Вот такая была у меня идея, а где же, как не в доме Достоевского и с русскими актерами, убедиться, хороша ли она? Мы вместе работали над несколькими сценами. Петербургские актеры играли великолепно, и мне захотелось в будущем еще раз померяться силами с Достоевским. Кто знает, может быть, я в очередной раз возьмусь за «Идиота», хотя в последние годы я отошел от театра.

Все это связано еще и с тем, что совсем недавно мы вместе с режиссером Войцехом Марчевским создали в Варшаве частную киношколу. Пока что мы принимаем только польских студентов, но мы хотели бы, чтобы наша школа стала неким мостом между Востоком и Западом. Ибо такова роль Польши. Я мечтаю, чтобы в этой школе западные студенты встречались с молодыми режиссерами из Москвы, Киева, Львова и Вильнюса. Так могли бы возникнуть любопытные произведе-

дения, показывающие, как Восток сближается с Западом, как люди перестают опасаться друг друга. Проблема в том, что западные студенты могут себе позволить учиться в Варшаве, а люди из Восточной Европы в большинстве случаев этого себе позволить не могут. Мы хотели бы им помочь. Я думаю о том, как достать для них денег, найти фонд, который оказал бы им поддержку в получении образования. Студенты оплачивают свое участие в занятиях, однако эта плата не носит обязательного характера. Но надо ведь самостоятельно себя содержать, доехать за свой счет до Варшавы, так что нужны стипендии. Нам надо всюду искать друзей, поэтому школа — это мой вклад в строительство будущей Европы. Независимо от того, как будет складываться политическая судьба наших восточных соседей, нельзя забывать, что там живет много людей, похожих на нас. Поэтому я с признательностью думаю о той миссии, которую взял на себя Ежи Помяновский и его журнал «Новая Польша».

Вернемся к Достоевскому. Это безумно театральный писатель. Встречу с его творчеством я считаю самой важной в моей жизни, а не только в моем театральном опыте. Для театра Достоевский просто идеален, ибо суть его творчества — диалог. В кино он проигрывает: на экране побеждает достоевщина, а диалог уходит на второй план. Бахтин утверждает, что сознание героев Достоевского выражается в их диалогах. Герою Достоевского нужно говорить, чтобы понять самого себя. Таким образом, если в кино или в театре диалоги сокращаются либо редактируются — действующие лица лишаются своей главной силы. Если кто-то помнит мою инсценировку «Преступления и наказания», например ту сцену, где Раскольников объясняет Порфирию тезисы своей статьи о преступлении, — поймет суть диалога. Любая попытка вмешательства в диалог Достоевского ведет к провалу спектакля. Все диалоги должны быть сохранены. Зато может выпасть ряд сцен, которые в экранизациях и театральных инсценировках обычно служат для эпатажа достоевщиной. Но Достоевский — это не достоевщина. Я понял это, работая в театре над «Бесами». Я прекрасно помнил

роман, читал «Бесов» вместе с Марком Хласко, писателем, знавшим Достоевского наизусть. Но вот я беру пьесу Альбера Камю, которая должна была стать основой постановки «Бесов», и оказывается, что в ней нет тех самых великолепных диалогов, которыми восхищался Хласко. Французскому писателю такое выражение, как «Россия есть игра природы», показалось неприемлемым. Но без таких высказываний капитан Лебядкин перестает быть самим собой. Нельзя так просто вычеркивать фразу Ставрогина: «чтобы сделать соус из зайца — надо зайца, чтобы уверовать в Бога — надо Бога». Кем станет герой Достоевского, если лишить его таких вопросов, хотя звучат они как юмор Ионеско?

Поэтому моя инсценировка «Преступления и наказания» ограничивается тремя разговорами Порфирия Петровича с Раскольниковым и тремя разговорами Раскольникова с Соней, потому что это и есть суть романа, а не жизнь улицы или доходного дома, где живут Мармеладовы. Можно даже отказаться от сцены убийства старухи-процентщицы, ибо важнее этого эпизода вопрос, признается ли Раскольников в преступлении, кому он откроет правду, а перед кем будет лгать. И только это должно нас интересовать.

— Вы собираетесь снимать фильм о другом преступлении, совершенном шестьдесят с лишним лет назад в Катюни...

— Написать сценарий этого фильма я попросил Владзимежа Одоевского, прекрасного писателя, в прозе которого неоднократно звучало эхо катюнского преступления. Пока еще рано говорить о деталях, но я бы хотел, чтобы в этом фильме появились и русские, так как Катюнь принадлежит не только польской истории — она входит и в историю России. В Катюни были убиты наши офицеры, но убивали и всех, кто пытался выяснить тайну преступления. Я надеюсь, что в этом случае станет возможным сотрудничество с кинематографистами России, что облегчит фильму прокат в России. А это чрезвычайно важно, ибо, повторяю, Катюнь — это наша общая трагедия.

Беседовал Ян Стишллка

НАЦИОНАЛЬНЫЕ БИБЛИОТЕКИ

Конференция

8 и 9 сентября 2003 г. в Варшаве состоится польско-российская конференция «Национальные библиотеки Российской Федерации и Польши: традиция и современность» под почетным патронажем министра иностранных дел Польши Влодзимежа Цимошевича. Организаторы конференции: Варшавская Национальная библиотека и Центр международного культурного сотрудничества «Институт им. Адама Мицкевича», при содействии Фонда «Semper Polonia».

Во время конференции (8 сентября в 18 час.) будет открыта выставка «Отвергая и восхищаясь. Из истории культурных отношений между Польшей и Россией».

Конференция будет открытой для всех желающих, однако организаторы смогут обеспечить ночлегом только приглашенных гостей.

часть I

8 сентября: 11.00-14.00

11.00-11.10 Открытие семинара — приветствие Михала Ягелло, директора варшавской Национальной библиотеки

11.10-11.30 Станислав Чайка, заместитель директора НБ, Варшава
«Роль Национальной библиотеки в библиотечной системе Польши»

11.30-11.50 Виктор В. Федоров, директор Российской государственной библиотеки, Москва

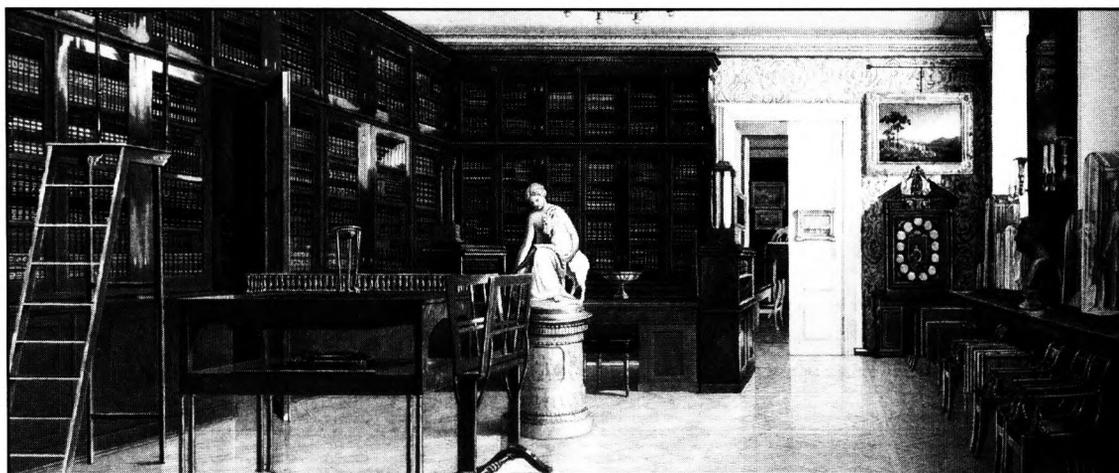
11.50-12.10 Владимир Н. Зайцев, директор Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

12.10-13.30 Михал Ягелло

«Национальная библиотека, то есть общность в культуре»

13.30-14.00 Николай В. Николаев, зав. отделом газет РНБ, Санкт-Петербург

«Российская национальная библиотека в Петербурге в отношении Польши в конце XX — начале XXI века» — выступление по-польски

часть 2

8 сентября: 15.00-17.00

15.00-15.20 Гжегож Висневский, зам. директора Института им. Адама Мицкевича, Варшава
«Польско-русское культурное сотрудничество»

15.20-15.40 Петр Романов, Конгресс поляков в России, Москва

«Современная издательская деятельность поляков в России, поиск.»

15.40-16.00 Ежи Помяновский, гл. редактор журнала «Новая Польша», Варшава

16.00-16.20 Демонстрация «русского» номера ежемесячника «Диалог»

16.20-17.00 Дискуссия

часть 3

9 сентября: 9.00-11.30

9.00-9.20 Людмила Н. Тихонова, учёный секретарь РГБ, Москва

«Российская государственная библиотека: 175-летний путь от коллекции графа Румянцева до электронных ресурсов»

9.20-9.40 Паулина Бухвальд-Пельцова, отдел специализированных фондов НБ, Варшава

«Исторические коллекции в Национальной библиотеке: от библиотеки Залусских до национальных библиотечных ресурсов»

9.40-10.00 Павел А. Медведев, специалист отдела рукописей РНБ, Санкт-Петербург

«Археографическая работа как один из источников формирования рукописных фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки (XIX-XX вв.)»

10.00-10.20 Виктор Ф. Молчанов, зав. отделом рукописей РГБ, Москва

«Фонд рукописей VI-XX веков Российской государственной библиотеки в контексте истории XIX-XX веков»

10.20-10.40 Мария Вреде, Славомир Шиллер, отдел рукописей НБ, Варшава

«Инventарь рукописей библиотеки Залусских — состояние работ и исследовательские предложения»

10.40-11.00 Анджей Кашлей, отдел рукописей НБ, Варшава

«Инвентаризация рукописных кириллических книг в собраниях варшавской Национальной библиотеки»

11.00-11.30 Дискуссия

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Беседа с Эрвином Аксером
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Х.Геремек о Фаддее Зелинском
А.Колаковская о политкорректности
К.Бурнетко: Газетный киоск
Я.Венгерский о Солженицыне
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши люди: Яцек Возняковский
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд,
В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Отрывки из пьес Мацея Войдышко и Тадеуша Слободзянека

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Подсядло и др.

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии .

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DRUZYNOSEK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 12 zł w tym VAT 0%